

Князь Голицын

A detailed illustration of a steam locomotive pulling a train through a station. The locomotive is emitting a large, billowing plume of white smoke that fills the upper half of the frame. The train is moving along tracks that lead towards a station building with a green roof and a tall, ornate tower in the background. The scene is set in a historical or early 20th-century context.

Серж

Дмитрий Лифановский

Что нужно сделать попаданцу, что бы вернуть утраченный кусок истории? И изменится ли история от его действий?

Глава 1

Абсолютная темнота и тишина. И вдруг, голос! Имел бы тело, не очень хорошо получилось бы, конфуз вышел бы, прямо скажу. А так, даже не вздрогнул, потому что нечем вздрагивать.

— Извините! Я, конечно, понимаю, что Вы заняты очень важным для Вас делом, но не могли бы Вы отвлечься для разговора?

Какой воспитанный, аж противно. Ну и мы-чай, не лаптем щи хлебаем:

— Столь вежливой просьбе невозможно отказать. И как только Вы меня заметили?

— Дело в том, что я заметил шаровую молнию, которая должна была Вас ударить. Я, понимаете ли, очень сильно реагирую на такие вещи. Удар шаровой молнией, это все-таки неординарное событие. И происходит не каждый день. А после этого Вы сразу же стали очень сильны духовно и не уместались в своем теле, когда устраивались в нем. Да и тело Ваше стало медленно изменяться. И еще, Ваша духовная сила никак не связана с молнией. Потому Вас и видно было вначале.

— Интересно-интересно. Значит для Вас меня ударила молния и я стал сильным. И все?

— Да, — в голосе послышалась неуверенность, — А разве было еще что-то, что я не увидел?

Вот тоже интересная штука, вроде как, находясь в безвременье, ни чувств ни эмоций, мы испытывать не должны. Ан, нет! Есть они. Не такие острые, как при жизни, но есть. Память души? Что-то на подобии фантомных болей?

— Вообще-то да. Я, понимаете ли, провел много времени во вне времени, простите за каламбур.

— Теперь мне понятны такие разительные и мгновенные перемены, — в голосе послышалось облегчение.

— Ну раз мы все выяснили, то можем и попрощаться, — нет, ну правда, даже во "вселенском ничто" покоя нет, всегда найдется кто-то, кто пристанет с дурацкими вопросами.

— Еще раз извините, но хотел бы Вас еще отвлечь.

Вот ведь какой настырный голос!

— Слушаю?

— Понимаете, мне нужна помощь.

Ну вот, так я и знал!

— Денег нет, но Вы держитесь! Здоровья, счастья!

— Простите, не понял. Я денег не просил. Зачем они мне здесь?

И столько вселенской тоски послышалось в его интонациях, что мне даже немножко стало стыдно. Ну, как ребенка обидел.

— Ай, не важно. Чем же я могу Вам помочь?

— Я не знаю.

Да, уж, запущенный случай!

— Хорошо, для начала представьтесь, и немного расскажите о себе.

— Ой, простите! Петр. Да, меня звали Петр Алексеевич. Понимаете, в меня ударил молния.

— Вот как?! Что-то нехорошие ассоциации и мысли у меня появляются. А можно

поподробней?

— Я случайно узнал некоторую вещь и решил посоветоваться со своим наставником — дядькой Николаем. Мы были на станции Ферзиково, матушка туда обоз направила. Вот я и захотел съездить, посоветоваться без посторонних ушей.

— Стоп, стоп! Ферзиково, это железнодорожная станция? Не далеко от Калуги и Тулы?

— Да.

— А скажи-ка ты мне, друг Петр, в каком году тебя молния ударила?

— В 1882 году.

— Хм, многое проясняется.

— Не поделитесь со мной, Вашими мыслями?

— Знаешь, пока нет. Давай для начала послушаем твою историю до конца. А потом уже и попробуем разобраться, как тебе помочь. Хотя подожди. Попробуем вызвать помощь зала. Если конечно зал проснулся и устроился, на новом месте обитания.

— Извините, не понимаю, о чем Вы?

— Сейчас все увидишь и узнаешь. Тут понимаешь, без помощи по любому не обойтись.

— Хорошо. Только пожалуйста не закрывайтесь. Это очень страшно постоянно переживать весь этот ужас.

— Ну вот, опять. Что ты имеешь в виду под словами не закрываться?

— Понимаете, я постоянно нахожусь в кошмарах. И только иногда просыпаюсь, чтобы испытывать сильную боль. А с Вами нет кошмаров и боли. Потому и подумал, что вы мне можете помочь.

— Давай еще раз. Ты проснулся из-за влияния шаровой молнии?

— Да.

— Оказавшись рядом со мной в момент проявления, ты почувствовал, будем считать, облегчение?

— Да.

— Когда я стал устраиваться в теле, ты почувствовал дискомфорт?

— Да.

— Сейчас ты дискомфорта не ощущаешь, но при этом находишься очень близко ко мне?

— Да.

— Хорошо, сейчас проведем эксперимент. Я частично разверну свое поле, а ты попробуешь отдаляться и приближаться. Но обязательно говори свои ощущения. Хорошо?

— Я готов, — в голосе послышались опасение и надежда. Видать сильно его допекло это состояние.

— Начали.

— Нет, я не могу отдаляться очень далеко, сразу же становится страшно. Но, если не далеко, то ничего не происходит.

— Ясно. Будем считать, что мое энергетическое поле имеет какую-то составляющую, которая благотворно влияет на тебя. Я не буду его сворачивать.

— Спасибо.

— Итак начнем. Нафаня! Ну где же ты? Ответь! Ну же, давай, просыпайся! Тут такие дела заворачиваются! Неужели не получилось? Плохо, очень плохо.... Нафаня!

— Ну, чего шумишь, поля баламутишь? И вообще, ты сейчас своим телом должен заниматься, а не рядом с ним орать. Что случилось?

Нет, ну это хамство, ворчать на собственного работодателя. Хотя, это ж Нафаня, он в

своём сознании настолько преисполнился, что слился с бесконечно вечным. Короче, древний он очень, мы для него как младенцы. Вот и строит из себя ворчливого, но заботливого дедушку.

— Да, тут случилось, так случилось! Я пока в теле устраивался, решил свой дух уплотнить. Чтобы разместиться полностью и без изменений тела. Не захотел рисковать, запустив изменения тела раньше, чем очнусь. И вот, пока устраивался, уплотняя свое поле, ко мне обратились за помощью. Представляешь?

— Это невозможно! Люди к тебе обратиться не могут. А духи, как мы предполагаем, либо сбегут, либо атакуют.

Да как бы ни так! Сейчас я тебя удивлю, хомяк реликтовый!

— Вот-вот. И тогда к тебе возникает очень серьезный вопрос, ты сейчас вокруг меня ничего не видишь? Или хотя бы ощущаешь? А то мне кажется, что я схожу с ума.

— Тут я тебя могу обрадовать твоими же словами. Сойти с ума в одиночку можно, но духам это не доступно, они и так сумасшедшие. А, как известно, дважды с ума не сходят. И нет, я ничего не вижу, и не ощущаю.

— Ну тогда позволь представить тебе Петра Алексеевича, предположительно погибшего в 1882 году от удара молнии. Петр, поздоровайся пожалуйста с Нафаней.

— Господин Нафаня, здравствуйте.

— Интересно, я бы даже сказал, очень интересно! Физических проявлений нет. Ни световых, ни колебаний полей, а голос есть.

А ведь получилось! Древний дух удивлен и озадачен!

— Нафаня, ну раз ты его слышишь, то можно сказать, что я действительно относительно здоров. Так как коллективного умопомешательства не бывает. И тогда появляется вопрос. В каких случаях мы не видим душу? Призрака мы видим за счет его сознания. Полтергейста видим так же, и на таких же условиях. Мы никогда не видели чистую душу, без сознания. И тут вдруг говорящая душа! Мистика какая-то! А я в мистику предпочитаю не верить. Или хотя бы относиться к ней с опаской.

— И это говорит дух, со всеми его мистическими проявлениями!

— Да, тут не поспоришь. Но раз к нам обратились за помощью, придется попробовать помочь. Так что давай прослушаем его историю. Сделаем хоть какие-нибудь выводы, и решим что мы сможем сделать. Петр прошу. Да, и начни пожалуйста с года твоего рождения.

Петр помолчал, видимо собираясь с мыслями и начал:

— Родился я в Германии. В декабре 1870 года. Вернее в Дрездене, столице королевства Саксония. Германии, как единой империи тогда еще не существовало. Там же и был записан как князь Петр Алексеевич Голицын. В Дрездене и прожили мы с матушкой до 1874 года, а после переехали в Россию.

Я помню один разговор между матушкой и Вяземскими. Сетовала она, что я русский князь, а русскую речь не знаю и традиций русских тоже. Потому и возвращаться надо в Россию. Вяземские были очень не довольны таким ее решением, и говорили, что в России нас ждут трудности и даже опасности. На что матушка ответила, что золотой легче спрятать среди золота. И тайну нашу никто не узнает.

Вот и уехали мы в имение Жарки на правом берегу реки Ока, в Калужской губернии. Матушка приставила ко мне урожденного казака, дядьку Николая наставником, он меня и наукам воинским, и ухваткам казачьим обучал. Правда в имении шептались, что он характерник. Но открыто этого не говорили. Он жил у нас в имении в отдельном доме с

женой, теткой Николаевной. Детей у них не было, вот они за мной и приглядывали. Я даже тетку Николаевну мамкой звал. А матушка и не гневалась. Но была строга и требовательна. Я до поступления в мужскую гимназию в Калуге очень много наук изучал. Для этого мне репетиторов нанимали. Так после них гимназия отдыхом показалась. Матушка постоянно говорила, что у человека все поровну должно быть, ум, сила, совесть и отвага. Мамка Николаевна, жалея меня, постоянно ворчала на матушку и дядьку Николая. Бывало даже дядьку по двору гоняла, и на матушку голос поднять смела. Казачка! Да и прислушивалась к ней маменька.

Матушка и сама меня учила. В основном ведению хозяйства. Я всегда при ней был, когда она хозяйские вопросы решала и разъяснения мне давала. Да что уж, я даже документы просматривал и имел к ним доступ уже в шесть лет. Вот из-за этого то все и произошло.

В 1877 году, в семилетнем возрасте был принят в Калужскую мужскую гимназию. Как же здорово там было, я просто отдыхал после тяжелого домашнего обучения. Гимназия у меня ассоциировалась с каким-то сказочным праздником! Правда наказывали бывало, и даже матушку приглашали на собеседования, но то не часто бывало.

Да, а в имении у нас кузнец был, я частенько сбегал к нему в кузницу, даже пытался мастерству его обучиться. Уж очень мне нравилось, как в сильных и умелых руках бесформенный кусок железа превращается в красоту неопишемую или вещь необходимую. Правда матушка увлечение мое очень не приветствовала, но тут дядька Николай за меня заступился. Тогда маменька сказала, что раз хочу научиться, то тогда и экзамен по данной науке с меня спросит со всей строгостью. И с кузнеца с дядькой Николаем заодно. Ох, как они спали с лица, вы бы видели. Зато кузницу обновили, новые приспособления купили. И даже наняли механика, который так же занялся моим обучением. Я через два года должен был закончить гимназию, потому матушка наняла еще учителей для дополнительного домашнего образования. По предметам естествознания, философии, политэкономии, естественного права и эстетики. Мне снова стало очень тяжело учиться.

А в этом году, летом я в библиотеку зашел, посидеть и почитать думал. Смотрю матушки нет в библиотеке, а документы на столе лежат. Вот и решил их просмотреть. А там среди книг тетрадь не знакомая лежит, ну и заинтересовался. Это оказался личный дневник матушки. Там то я и узнал что моим отцом является Великий князь Алексей Александрович Романов, и что матушка решила скрыть это от общественности и царствующей фамилии. Понимаете у меня была сестра, но она умерла в год моего рождения. А матушка очень хотела иметь детей, и выкармливать и растить их сама. Но это, ей бы никто не позволил. Вот и уехали мы из России перед моим рождением. Меня ведь матушка грудью кормила до трех лет, и занималась со мной постоянно. Вяземские постоянно недовольны были, и выговаривали матушке, что не достойно княгине меня постоянно около своей юбки держать. Для этого гувернеры и гувернантки есть. На что она говорила, что я только ее сын. И хоть у меня нет отца, но тепло материнских рук я получу в полном объеме, а она радость материнства. Вы не подумайте гувернантки у нас были, но они и я постоянно были под ее приглядом.

Потому то, я и решил поехать с обозом на станцию Ферзиково с дядькой Николаем, чтобы поговорить с ним. Я хотел узнать знает ли он кто мой отец, и что сможет рассказать. Уже на станции я его об этом и спросил. Но он сказал, что моей матушке очень не хочется чтобы я знал об этом, и мне лучше ничего не знать. Правду всегда узнать можно будет, когда ее время придет. А сейчас время не пришло. Вот в тот момент я понял, что никто мне ничего

не скажет, и советом не поможет. Оставалось только обратиться к священнику в храме за советом. Ведь тайну исповеди никто не отменял? На следующий же день и решил так сделать. Но не получилось, в меня молния ударила. Я даже увидел как молния с небес в меня бьет. Вот собственно и все.

Прелюбопытнейшая история! А какие замечательные и интересные скелеты хранятся в шкафах русской аристократии!

— Тебе на момент удара молнии двенадцать лет было?

— Нет, одиннадцать. Двенадцать в декабре должно исполниться.

— Ненавижу мистику! А тут мистикой так и прет. Более того — воняет!

— С чего такие выводы? Обычная история, пусть и необычного, но все таки человека, — не согласился со мной Нафаня.

— Э, дорогой ты наш, многоуважаемый Нафаня, тут ты не прав. Начнем с одного факта. Урожденная Елизавета Петровна Валуева, Княгиня Голицына после замужества. Дама сия, детей после смерти дочери княжны Марии Александровны Голицыной, умершей в августе 1870 года, в возрасте девять лет, детей не имела. Это по историческим данным на сегодняшний момент! Все остальное, кроме рождения и жизни Петра, соответствует известной нам истории данным. И кстати, умерла Елизавета Петровна в феврале 1916 года в своем имении, в возрасте семидесяти девяти лет. Петр, а как оказалось, что ты помнишь беседы с Вяземскими по поводу отъезда в Россию и ухода за тобой гувернантками? Тебе тогда не было и четырех лет.

— Ну на память я никогда не жаловался. Потому и запомнилось. Хотя и не понимал ни чего, да и не интересно мне было. Ну и матушка память мою развивала, очень рано к наукам приписав. А чтобы я не переутомлялся умственно, дядька Николай меня физическими и военными упражнениями разгружал. Это его слова. Как взрослее стал, то и повода задуматься не было. Только начав читать дневник матушки все вспомнилось и сложилось.

— И причем здесь мистика? Может параллельный мир? — спросил Нафаня

Это не Нафаня, это Фома-неверующий какой-то!

— Нет. Это наш мир, и скорее всего 1882 год является перекрестком миров. Соседний мир полностью соответствует нашему. В 1882 году Петр должен был умереть, и дальше идет наша история, не знающая о нем. Если Петр выживает, то продолжается история того мира у них. Петр нарушил какое то условие, и был наказан. А оба мира пошли по параллельному пути в истории, до следующего перекрестка. Вот все эти перипетии, и есть мистика.

— Что то не так в твоей теории. Может это не перекресток, а развилка? И там должна была прорасти новая ветвь истории? — опять не согласился со мной Нафаня

— Мы не боги, создающие миры и вселенные по щелчку пальцев. У каждого мира есть отражения, и они полностью одинаковые. Соответственно и появляются перекрестки дающие возможность мирам разойтись в истории и самостоятельно развиваться.

— А откуда у тебя столь детальные знания о семье Голицыных? — соскочил с темы миров Нафаня. Вот же вредный древний дух, не хочет признавать, что не прав.

— Тут все просто. Я до своего несчастного случая интересовался историей. Хотел выяснить с какого времени и по какой причине творились все те безумства в России, за последние двести — триста лет. Вот и собирал факты разные. Так и вышел на 1882 год. А семья Голицыных попала на глаза и запомнилась случайно, из-за катастрофы на участке железной дороги Мценск — Чернь, Тульской губернии. Она даже имя получила Кукуевская катастрофа в Чернском уезде. Так что я могу даже предположить дату, когда Петр был на

станции Ферзиково. День 30 июня 1882 года. Петр это так?

— Да, — подтвердил мои предположения княжич.

— А что ты говорил про факты выведшие тебя на 1882 год? — заинтересовался Нафаня

— Хм, интересная тема.

— Постой. Ты стал более эмоционален. Не имитируешь эмоции, а именно извергаешь их, — в голосе древнего духа послышалось изумление.

— Так я уже имею связь с телом, можно сказать что жив. И так как Петр обладает чувствами страха и боли, то можно сказать что он тоже жив.

— Как?! В меня же молния ударила! Почему вы считаете что я жив?

— У нас вообще то двадцать первый век. А Петр погиб в девятнадцатом, двести лет прошло. Тебя это не смущает? — поддержал княжича Нафаня

— Давайте закончим с фактами, а потом дойдем и до всего остального?

— Хорошо, — согласился Петр.

— Давай, — вторил ему Нафаня.

— Факт первый. В 1882 году ожидался Большой парад планет. Вроде бы ничего особенного, но даже сейчас никто не возьмется рассчитать суммарное влияние гравитационных полей солнечной системы. Так что простое астрономическое явление, вполне может нести какие либо непредсказуемые последствия.

Факт второй. Тогда же была геомагнитная буря большой силы, связанная с солнечной активностью. Проще говоря на солнце был солнечный шторм. Хоть техника девятнадцатого века и была смехотворно слабой, но все равно могла прочувствовать на себе все прелести этого явления. Да и про косвенное влияние не стоит забывать. Те же сильные грозы и бури вполне возможны под влиянием геомагнитных бурь.

Факт третий. Я бы сказал, что это фактики являющиеся последствиями первых двух. Извержение на острове Ява повлекшее за собой многие человеческие жертвы, и вероятно ставшее преддверием более грозного извержения вулкана Кракатау в 1883 году. Бердское землетрясение Томской губернии. Ну и наш случай Кукуевская железнодорожная катастрофа. Самое смешное, что вероятно катастрофу можно было бы предотвратить. Но из-за грозы телеграф благополучно сдох, и кондуктор предыдущего поезда не смог предупредить об опасности. И судя по всему это была та же гроза что угробила Петра. И здесь, как всегда вопросы. Информации о погибших от молнии в тот период на станции Ферзиково нет, а Петр вот он есть.

Ну и еще к третьему факту. В этот год рядом с Землей пролетели две кометы. Первая не очень интересна хоть и наделала немного шума, как, впрочем, и все кометы. А вот вторая, если не ошибаюсь Большая сентябрьская комета вызвала определенный ажиотаж. Вообще, это действительно обычное астрономическое явление. Но уж больно у нас любят кометам приписывать мистические свойства. Я готов уже взорвать эти кометы к бабушке не называемого, а то вдруг явится. И знаете из-за кого? Из-за Петра находящегося перед нами.

— А чем тебе кометы не угодили и как они связаны с Петром?

— А такое словосочетание не вызывает у тебя ни каких логических ассоциаций, Петр Алексеевич Романов?

— Много раз правнук Петра Первого?! Вот ведь!

— Именно! А откуда у тебя столь поразительные познания в истории?

— Так ты же и собрал библиотеку, а там чего только нет. Вот я и просветился.

Какой у меня дух-администратор, образованный.

— Угу, ясно. И так Петр Алексеевич Романов, он же Петр Первый, он же Петр Великий Первый император Российской Империи, и ее создатель. И тут вдруг появляется его потомок Петр Алексеевич, опять таки Романов! Можно сказать реинкарнация его, вон даже кузнечным делом занялся. Поневоле появится желание отправиться в девятнадцатый век. И начать отстреливать этих хвостатых небесных тварей, до начала их будоражающего шествия по планете. Что Петр Первый был сотрясатель устоев, что второй, пока еще с маленькой буквы, Петр Алексеевич умудрился в историю вляпаться.

— Но в чем моя-то вина? Я всего то совет хотел попросить! — отчаянно возвопил княжич.

— Ты всего лишь совершил маленькую оплошность, такое незначительное преступление. Ты нарушил основное правило истории. Которое звучит: «Не изменять историю!» Вот за это то тебя и наказали.

— Подожди, — вмешался Нафаня, — Будущее определяется настоящим. И само по себе будущее не определено. Как Петр мог изменить историю, да еще и будущую? Это же абсурд. Ты сам говорил об этом.

— На перекрестке определяется не будущее, а настоящее. Если срабатывают условия, то один из миров получает возможность развиваться идя своим путем. То есть это уже не зазеркалье, а полноценный и самостоятельный мир. Что или кто мешало Петру подойти к матери и сказать, что в финансовых документах находится ее дневник? И попросить дать разъяснения по данной теме. Нет же, он как истинный Романов нашел третий путь. И тем самым поставил две параллели под угрозу. Понимаешь, своим поступком он стал плодить сущности. А чем их больше тем хуже условия. Но раз есть косвенные свидетельства что он жив, значит дана возможность все исправить. Вот и давайте их искать. А начнем мы с наказания.

— Ты хочешь сказать что две параллели под угрозой существования?

— Нафаня все не так трагично, как звучит. Просто в нашем мире упоминаний о Петре нет. И чем больше проходит времени тем меньше шансов о нем услышать. Наверняка Елизавета Петровна не регистрировала сына в Российской дворянской палате. Его как бы нет. По мелким документам он есть, а регистрации нет. Он человек невидимка для России девятнадцатого века. И выдумка для нас жителей двадцать первого. В той другой параллели, ну появится заметка о гибели на железнодорожной станции от молнии. И что? Пусть даже будет указано что это воспитанник Елизаветы Петровны Голицыной. И что это изменит? Правда так и не всплывет. А глобальных изменений такое не вызывает. И их мир так и будет зеркальным отражением нашего, во всех сферах жизни. По поводу уничтожения наших миров, тут вообще все просто. Мы сами строители своего будущего. А вот по поводу развития параллелей, тут беда. Мы просрали свой шанс. Один из миров вероятно потерял возможность к развитию. А наш мир потерял бонусы которые должны были придти за то, что он дал возможность развиваться другому. На следующем перекрестке нет вероятности, что мы столкнемся с этим же миром. Так что делай выводы. Петр, расскажи по подробнее что с тобой происходит с момента попадания молнии?

— После удара молнии я почувствовал боль, очень сильную боль. Меня как будто скручивало и вытягивало. Потом пришло какое-то состояние похожее на сон и бред. Такие кошмары не возможны даже во сне, они были правдоподобны. Как будто происходили в реальности. Там были смерти, много смертей. И оружие, постоянно изменяющееся оружие и машины. Я такого и не видел никогда. Бомбы уничтожающие целые города, а я вижу и

осознаю каждую смерть. Вот только когда что-то непонятное происходит я просыпаюсь. И тогда меня опять скручивает и продолжает дальше тянуть, и при этом чувствую что там где был растянут, я все еще есть. Могу еще сказать что иногда просыпаюсь из-за молний, а сейчас стал иногда просыпаться из-за огромных электростанций. И только сейчас я проснулся от молнии и вместо боли почувствовал облегчение рядом с вами».

— Вот, опять мистика полезла. Правда, и полезного, возможно, много узнали. Нафаня, вспомни когда мы проходили синхронизацию времени что было? По моему нечто похожее на рассказ Петра

— Меня разрывало на части, — согласился Нафаня, — Я вроде бы и был целым, но части были как бы не со мной. И причем здесь мистика?

— Сейчас все узнаете, если правда я не ошибся. После удара молнии Петра начало растягивать в струну. Нет скорее всего его стало втягивать в струну, и уже по ней растягивать. И струна эта не пространственная, а временная. Идет из тогда 1882 года, в сейчас. И если мы не справимся, то в потом.

— Пожалуйста, помогите мне! Мне очень страшно, нужно обязательно справиться. Пожалуйста! — а парнишка-то на грани истерики.

— Для того мы и расспрашиваем тебя обо всем, чтобы справиться, — попытался я его успокоить. — Ладно, я продолжу. Эти кошмары не сны, а реальные события происходящие в те времена. А каждую смерть которую ты переживаешь и есть твое наказание. Вырывают тебя из кошмаров электромагнитные явления, геомагнитные бури и грозы. Но тогда ты испытываешь боль. Это тебя всего лишь тащит в дальнейшее будущее. Первая остановка без болезненных последствий которая произошла, это сейчас в моем поле. А все потому что у нас с Нафаней энергия имеет какую-то составляющую времени. Вот это я и считаю мистикой. Созданы условия для наказания Петра, и разъяснения ему, как он не прав. Далее, эти условия протаскивают его к нам, предварительно подготовив нас и дав огромные запасы энергии. И у нас нет иного другого выхода, кроме как помочь. И я даже думаю, что все наши наработки это аванс. Так что отказаться мы не можем, да и я не хочу. Уж больно серьезная передрыга для одиннадцатилетнего мальчишки. Как только с ума не сошел?! Хотя, вполне вероятно, что при возвращении к жизни вполне может и сойти. Пережить такое будучи в одухотворенном теле, в одиннадцатилетнем возрасте без последствий не дано ни кому. И боюсь исполнителем по возврату Петра в его тело буду я. Ну не мистика ли?

— Поймите! То есть все эти смерти я не видел, а переживал? И это все мое будущее, которое я должен заново пережить, если вернусь в свое время и тело? И еще возможно буду сумасшедшим?

— Если грубо то да. Но не все так плохо как думаешь, ты увидишь не все смерти а только малую часть. И не переживешь, а именно увидишь. И кто помешает тебе постараться не допустить такого? С сумасшествием мы постараемся помочь, но все равно ты уже прежним не будешь. И это все перекрывает один большой плюс. Ты будешь жить!

— Не допустит одни смерти, зато организует другие, — ворчливо заметил Нафаня.

— Я не хочу, не хочу, не хочу! — запричитал мальчишка, — Это будет ужасная и беспросветная жизнь. О таком мечтать страшно! А вы заставляете меня там жить, зная что дальше будет только хуже. Мне хватит и того что со мной произошло! Да там нас расстреляют вместе с царской семьей и матушкой, особенно если узнают, что я Романов. Я это видел, и пережил!

— Это уже плохо, это чрезвычайно плохо! — похоже княжич уже потихоньку начал

сходить с ума, — Петр никто тебя принуждать ни к чему не будет. И твое решение, это твое решение. И если ты решишь уйти на перерождение, я тебе помогу. Но время передумать у тебя будет. Хорошо?

— Да.

— Ты ведь хочешь прекратить свои мучения?

— Да.

— Тогда нам надо решить что делать сейчас, а что потом.

— Что тут решать? — пробухтел Нафаня, — Вырываем мальчишку из струны, и поселяем у меня в поле сохранения. Все равно он такой судьбы не желает, а другую мы предоставить не можем.

— Ничего не получится. Здесь только сознание Петра, душа находится в 1882 году. В теле или рядом не знаю, да и неважно это. Так что метод получается какой-то садистский, а в результате получим чистое сознание. Базы то не будет, вот и сознание заодно потеряем. Зато муки причиним просто запредельные.

— А ты становишься более человеком, — подметил очевидное Нафаня.

— Это плохо? Хотя чему удивляться. Я уже чувствую свою связь с телом.

— За тобой было интересно наблюдать, как ты изображал человека пользуясь, прошлой памятью. Даже тело человеческое каким то образом изображать смог. Так что, когда станешь человеком с тобой еще интереснее будет. Мне вообще нравится общаться с живыми. И не только с людьми, но и с животными. В тех долинах.

— Поверь скоро тебе общения много предстоит, да и работы будет немерено. О долинах будешь думать, что ты там бездельничал.

— Верю-верю. Но вернемся к мальчишке. Что ты предлагаешь?

— Для начала надо уйти в твою долину, утащив туда Петра. Это чтобы не произошло здесь непредвиденных случайностей. Мне придется развернуть свое поле на максимум накачивая его энергией. Ты за одно понаблюдаешь за мной со стороны, и если получится будешь передавать картинку. Мне нужно определить образовалась ли у меня линия жизни с телом, и насколько она протянется при удалении. Рвать то ее в любом случае придется. И по телу, придется тебе понаблюдать за ним. Думаю трех месяцев тебе хватит, потом если не вернусь уничтожишь. Такое бесхозным оставлять нельзя.

— Думаешь не возвратишься? — а Нафаня-то переживает.

— Видимо да, но я постараюсь этого не допустить. Тело-то мое собственное. Оно мне дорого как память. Мне придется накачать себя энергией под завязку. Я думаю выдавить Петра из струны в 1882 год. Использовать энергию буду из наших запасов в поле, а собственные запасы это на непредвиденные случаи. И уже там в 1882 году, при подтверждении Петра, отправлю его в тело применив на него свои лечебные матрицы. Либо оборву его линию жизни, отправив на перерождение. Но в любом случае получается что действовать я буду в другой параллели. Так что вероятность остаться в нашем мире около нулевая. По тому и говорю, три месяца и все.

— Мне придется опять пройти через эту жуть?! Да и еще в обратном порядке?! — княжич был на грани паники. Но тут уже ничего не попишешь, других вариантов нет.

— Увы, это так. Но не расстраивайся, там мы будем вдвоем. Вот еще что хотел тебя спросить. Ты не будешь возражать если я сниму копию твоей памяти? Понимаешь у нас историю столько раз перевертали, что правдивые данные уже не возможно найти. А тут первоисточник, грех не воспользоваться.

— Хорошо. А когда?

— А что тянуть? Вот в долине и сниму, заодно с Нафаней поделюсь. Нафаня, готов к путешествию?

— Готов. Только у меня такой вопрос крутится. Наш мир потерял бонусы, из за того что он не помог параллели встать на самостоятельный путь развития. Так?

— Да.

— Но нам с тобой выдали аванс в развитии. И это только для помощи Петру в решении его проблемы. Неужели такое возможно? Как-то не вяжутся глобальные проблемы двух миров, и мелкие проблемы двух отдельных людей.

— Хм, тут тогда появляется интересный момент. Мне даже вспомнилось одно высказывание: "О роли личности в истории". Получается наш мир бонусы все-таки получит, при условии помощи Петру. А их мир получит возможность к развитию через Петра.

— И какие же бонусы получит наш мир? — нет, ну какой ехидный дух!

— А ты подумай. Я дал тебе возможность управлять огромной площадью, с очень большим количеством задач. В принципе моя задача выполнена, и я остаюсь не удел. Но вот у тебя в ответственном управлении целая Земля. И очень мощный инструмент. Который пинком под зад толкнет нашу цивилизацию в космос. Сам понимаешь что выход в космос и освоение за земных и солнечных пространств делает войну на земле бессмысленной. Так какие бонусы получил наш мир?

— Я что буду управлять мирами?! — вот тут Нафаню проняло.

— Это вряд ли. Но кто тебе мешает подготовить таких же администраторов? Ты ведь тогда будешь не один.

— Извините, но я все равно не понимаю! — вмешался в наш высокоинтеллектуальный диалог по перспективам управления мирами Петр.

— И что же ты не понял?

— Понимаете, если развитие миров завязано на различии исторических данных, то там я вроде бы как был. А если я здесь появлюсь в 1882 году, то что то же должно произойти с вашим миром?

— Нет, Петр, все совсем не так. Там ты должен не появиться, а прожить жизнь. Видимс право на жизнь у тебя настолько спорное, что был только один вариант для этого. И его осуществила твоя мать. Ты своим решением все начал разрушать. Сам подумай, кто надоумил твою матушку обучать тебя в столь раннем возрасте? При условии, что дворяне в девятнадцатом веке своими детьми не занимались, совсем не занимались. Или вот еще почти невероятное действие. Каким образом казак взялся за твое обучение? Твоя мать приказать ему не могла. Да и ему покинуть станицу не так-то просто. Он ведь к служивому сословию приписан. А тут взял и ушел со службы, это ведь натуральная самоволка. Или почему Вяземские стали помогать твоей матери, и приписали тебя к князьям Голицыным? Почему твой дед и родня Валуевы до сих пор молчат и никак не обозначат своего отношения к твоему рождению? А твою матушку между прочим в семье Валуевых очень любили. Что кометы нашептали? Я думаю, что точно нашептали. С нашим же миром все по-другому. Родился ты или нет, значения не имеет. Главное условие, что о тебе не знают. Вот и протащило тебя через двести лет к нам. Значит опубликование знаний о твоём рождении в этом времени, уже значения не имеет. Как видишь все условия до сих пор сохраняются.

— Но мне действительно страшно даже думать о своем воскрешении!

— У тебя еще есть время. Нам тебя еще из струны выдавить надо. А там в 1882 году ты и

примешь решение. Думаю с разговорами пора заканчивать. Беседы беседовать можно до бесконечности.

— Тогда поехали, скомандовал Нафаня и добавил: — Нам обязательно надо справиться.

— В добрый путь.

1882 год, железнодорожная станция Ферзиково. Возле тела пострадавшего от молнии княжича.

— Ну вот и все Петр, мы на месте. И твои мучения закончились, но память о них я тебе увы удалить не смогу. Да даже если бы и смог, то не стал бы. Пришла пора решать. Жизнь, или перерождение.

— Я боюсь, и не хочу.

— Если боишься, то тебя что-то здесь держит. Что?

— Матушку жалко. Но если останусь она столько не проживет, сколько в вашей истории.

— Сколько бы она не прожила, она проживет счастливо рядом с тобой.

— Боюсь что это не так. Это же история нашей параллели. Нет, не хочу! Я хочу уйти. Это мое твердое решение. Господи, пусть все будет, как в библии! Там так все красиво описано.

— Хорошо. Согласно твоему твердому решению, Петр Алексеевич Романов-Голицын, я обрываю твою линию жизни. Удачного тебе посмертия. Прощай.

— Прощайте, — в голосе Петра послышалось непередаваемое облегчение и радость.

Через мгновение, после обрыва линии жизни.

— Что?! Это еще что такое! Ага, сейчас, так я и позволил! Не дождетесь, отцепись! Отцепись говорю, я ведь и повторно тебя оборвать могу!

Темнота....

Глава 2

Как же все-таки больно! Меня будто несколько раз вывернули наизнанку, перемололи, пережевали, протащили через прокатный стан и несколько раз тем, что получилось, шанадарахнув об стену, скинули с высокой скалы. Не удивительно, что юный княжич не захотел испытывать подобное, уйдя на перерождение. Ох грехи мои тяжкие! Скорей надо накладывать конструктор обезболивания и частичной регенерации. Иначе овощем стану. И пока есть немного времени, необходимо срочно решить что делать. Самоубиваться смысла нет. Но имитировать Петра я не смогу, да и глупо это как-то. Все равно ведь спалюсь. Значит пора создавать нового Петра. Тем более, все предпосылки для этого созданы самим мирозданием. Ну что же, здравствуй Петр Алексеевич Романов-Голицын и с прибытием тебя в девятнадцатый век. Ну и с днем второго рождения заодно.

— Петр Алексеевич! Петя! Да что же это такое?! Доктора! Срочно доктора зовите Княжичу плохо! — ох дядька, дядька, да что же ты так орешь-то, аж по мозгам будто кувалдой. Да еще и теребишь тушку мою брэнную. Ты ж из меня душу вытрясешь, которая и так на ладан дышит.

— Дядька Николай, хватит меня трясти, ты из меня так даже то, чего нет вытрясешь. Я тут видишь, лежу, на круговорот облаков смотрю... Ох как же голова кружится! Ты лучше на меня водичкой полей. Да не жадничай, не жадничай, прям из ведерка лей.

— Петенька, ты глазки-то открой, — в голосе дядьки слышались любовь и тревога. Неожиданно, от обычно сурового и сдержанного казака

— Нет уж. У меня тут знаешь какие облачка? А у вас там? Эх, они ведь еще у вас и дерутся. Я лучше полежу. Облака — белогривые лошадки... Дядька, а дядька?!

— Какие лошадки?! Ох, беда-то какая! Петя, потерпи родной. Вот уже доктор подошел, сейчас тебя посмотрит, полечит.

— Знаю я их осмотры. Начнут щипаться, молоточками стучаться и словами умными да непонятными кидаться. А ты будешь рядом стоять и головой кивать с умным видом, будто все хорошо, все правильно и ты все, все понимаешь.

— Ну что же, молодой человек. Раз вы имеете силы шутить, то смею думать с вами все в порядке. Что представляет из себя чудо, после произошедшего, — а вот и доктор подошел. Быстро он, видать где-то неподалеку был.

— Я бы не оспаривал ваше утверждение, но как быть с фактом, что облака вначале молниями кидались, а теперь кружатся перед глазами, как Наташа Ростова на своем первом балу. И заметьте глаза у меня закрыты, а они все равно хоровады водят.

— Увлекаетесь сочинениями Льва Николаевича Толстого, Ваше сиятельство? Похвально, для юноши Вашего возраста. А с головокружением нужно немного подождать и все пройдет. По поводу же молний, то это не к нам, тут небесная канцелярия заведует, — прозвучало это так, будто доктор сожалеет, что молниями заведует не он, а небесная канцелярия. Хотя, кто их докторов знает. — Петр Алексеевич, сейчас мы вас перенесем к нам в приемный покой, и уже там осмотрим на предмет повреждений.

Тем временем жжение на груди и шее становилось все сильнее и сильнее. Я бы наверное с ума сошел от боли, если бы не матрица снижающая пиковые болезненные ощущения. Ощупав болезненные места, нашел на шее какое-то тонкое образование, а на груди обширное и очень болезненное.

— Дядька, помоги подняться, — скомандовал я.

— Вы знаете, Ваше сиятельство, я бы не рекомендовал Вам сейчас вставать, — заметил доктор.

— Да ладно! Вы это серьезно! Это все таки спорное утверждение, — упрямо не согласился я с этой клистирной трубкой, — и потому проверим его экспериментальным путем. Так что давайте все-таки поднимем меня, и поставим на ноги, а там видно будет.

— Петр, не спорь. Доктор знает что говорит. И ты опять что-то задумал? Вот неугомонный! Больной лежит, а все в авантюры лезет. Даже и не думай! — вмешался дядька.

— Извините, вы кем приходитеесь Его сиятельству? И, если можно, объясните свою реакцию на его слова. — поинтересовался доктор

— Воспитатель я его. Дядька. А слова Петра "Да ладно! Вы это серьезно!" Являются страхом и ужасом имения и округи, значит замыслил что-то княжич. И ведь не хулиганство, а какую-нибудь очередную проверку или эксперимент. Правда, и драки с этих слов начинались, не без того. Да что уж, в гимназии когда их слышат вздрагивают и готовят гонца, чтобы пригласить Ее Сиятельство Елизавету Петровну на очередную беседу.

Вот ведь, слова оригинального Петра проскакивают. Память тела что ли? Хотя по копии сознания так и есть. Но это даже лучше. Быстрее адаптация и слияние проходят. И опыт в таких делах нарабатывается. Мешать и сопротивляться не буду. Да и слова неплохие, буду пользоваться.

— Ну хорошо. Вы знаете, судя по реакциям, Петр Алексеевич в совершенно здоровом рассудке и относительно здоров телесно. Что, смею утверждать повторно, удивительно, сродни Божественному провидению.

Хм, Нафаня, мы с тобой божественные провидцы, тудыть его в качель. И видал я такое болезненное провидение!

А доктор с волнительным восторгом продолжил: — Я не слышал, чтобы после такой силы удара молнии, кто-то выжил. Она же вокруг молодого человека камни и землю в стекло расплавил! Чудо, настоящее чудо! Настоятельно буду просить у Елизаветы Петровны разрешения описать этот случай в научном журнале! Что касемо Петра Алексеевича, наверное, мы можем попробовать выполнить его просьбу.

— То есть, Вы, доктор, считаете, что я еще не достаточно готов, а употреблять в пищу не готовые продукты плохо? Хотя да, меня ведь даже не посолили.

Эскулап хохотнул на мою незамысловатую шутку. И несколько рук с двух сторон осторожно начали меня поднимать. И когда я утвердился на ногах, осторожно стали поддерживать меня.

— Доктор, могу я вас попросить, прикрыть мне глаза платком? Боюсь их открывать.

— Разумное предложение. Одну минуточку, — я почувствовал, как на лицо легка, почти невесомая ткань, — Все можете открывать.

Это были феерические ощущения. Глаза слезились, зудели и чесались, как будто в них сыпанули песку, перцу и соли одновременно. В них хаотично плясали фиолетовый пятна, отдаваясь в лобной части болезненными всполохами.

— Знаете, видимо мне придется заказать затемненные очки, на первое время. А в имение я поеду с повязкой на глазах, — сморщившись от неприятных ощущений поведал я, — Дядька, делай что хочешь, но мне срочно надо умыться и промыть глаза. Прямо сейчас. И еще. Я там у кого-то из наших мужиков видел картуз, мне он нужен. Вернем, как приедем в имение.

— Вот, барин, у меня есть картуз возьмите, — послышался грубый, хрипловатый мужской голос.

— Извините, но нам чужого не надо. Дядька, заплати!

— Что ты барин, грех это. — отказался голос, пояснив, — Даже батюшка говорит, что нужно помощь оказывать в деле малом.

— Ну, раз батюшка говорит, то пусть тебе воздастся по делам твоим, — я протянул руку в сторону голоса. В теле энергии было много, добавив энергию души, я сформировал молнию и привязал к ней матрицу восстановления суставов. Ну и наощупь направил в руку, протягивающую картуз. Все должно было выглядеть естественно. Да и картуз мне действительно был необходим. Пошитый не на меня, он должен был быть большого размера, и тулья с козырьком как раз должна была образовать тень, которая и защитила бы мои глаза от прямых лучей солнца. Тем временем молния от меня ударила в протянутую руку с картузом, раздался болезненный вопль, тут же сменившийся матом, затем, немного погодя смехом и громкими восклицаниями:

— Не болит! Ничего не болит! У меня ж все кости ломило, после того, как в прошлом году по весне застыл я, под лед провалившись. А тут, ничего! Да и по мужеской жиле чую тепло животворное пошло! Ну старая, вот приеду домой, я тебе покажу еще на что я годен! — радостно вопил мужик, — Барин, да я же ради такого дела Вам целый воз картузов привезу! Правильно батюшка говорил! Каждому воздастся по делам его. А я теперь ух!

— Охолонись, Никишка! Чай с княжичем разговариваешь! — урезонил разошедшегося мужика дядька. Ну а я тем временем стал пристраивать картуз на голову.

— Да уж, Ваша Светлость, удивили, так удивили. Вы теперь так всегда молниями разбрасываться будете? — удивленно и недоверчиво протянул доктор.

— У вас, сударь, тоже появилось желание проверить ее на себе? — вот ведь зануда, трубка клистирная, — Мне бы водички, очень уж умыться хочется.

— Нет уж, я как-нибудь и без нее, — боязливо отозвался доктор, — Очень уж у ваших молний получаются эффекты феерические. И ведь не похоже это на статическое электричество. — ух ты какие он слова знает и правильно складывает — А воду вон, уже несут.

— Дядька полей мне на голову, — скомандовал я. И пока тщательно промывал глаза, поддерживаемый доктором и кем-то справа, старался оглядеться по сторонам. Наконец, заметил то, что мне нужно и попросил дядьку вылить всю оставшуюся воду на меня, прям как есть в одежде. Мне просто необходимо было смочить и охладить свое тело. Надев картуз, спросил:

— Дядька, а там справа случайно не лавка с витриной?

— Она самая, Петр Алексеевич.

— Помоги к ней подойти.

— Зачем это тебе? — спросил удивленный дядька.

— Поверь, нужно, — не стал я вдаваться в подробности.

— Ну, хорошо, пошли. — в дядькиных интонациях слышалось явное сомнение и недоумение.

Подойдя к витрине, попросил помочь мне снять сюртук и рубаху. Старый казак возмутился — невместно княжичу телесами сверкать на публике. Пришлось настоять, да и доктор поддержал меня, хоть и не понимал, для чего это все нужно. А народу к этому времени набралось очень много, даже, вроде, парочка жандармских нижних чинов, к нам

подтянулось. И кругом шепотки: молнию пережил, извозчика прикосновением вылечил, пришествие святого, убили молнией, погиб от молнии, сейчас одежду скинет и всех грызть пойдет, ну и прочее. Пренеприятное ощущение, должен я вам сказать, стоять в толпе и слушать, как я сейчас их всех клыками и когтями на части рвать буду. Люди, ау, вы вообще сбрендили?! Если я такой опасный, то зачем ко мне так близко стоите? Я ведь без смиренной рубашки! Так мало вам, вы еще и рассказываете что я с вами сердешными делать должен. Бабка, ты что из ума выжила?! Ну и фантазии у тебя кошелка! Мне двенадцать только исполнится. Да и не думаю, что захочется бросаться на такую каргу старую, даже если за двадцать будет. Мы, монстры существа нежные и на такое не способны! Ты же ужасней всех казней египетских! И вообще, люди, лучше бы вы все разбежались что ли по темным углам, глядишь кто-нибудь да и выживет.

Но мы же князья, нам честь блюсти надо! Потому стоим с каменной мордой помятого лица, и делаем вид, что ничего не происходит, и все так и должно быть. И никакая толпа в затылок не дышит, и странных перешептываний нет. Да и дядька вон с доктором с каменными лицами стоят и не реагируют. Им то хорошо, рядом с ними жандармы стоят. Только что это они постоянно крестятся? Ладно, рубаху снял. Пора посмотреть что за образования на груди и шее у меня.

— Дядька, ты тоже видишь, что и я? Это же крестильный крест с цепочкой выжжен?

— Он самый, Ваше сиятельство, — в голосе дядьки послышалось благоговение. Эээ, дядька Николай, а ты у нас на грани религиозного экстаза, что-то не замечал я раньше за тобой особой набожности. Или тут что-то другое?

— Доктор, и Вы видите? — на старого казака полагаться не стоит, мало ли что он там в фанатизме своем узрит, а доктор человек науки, ерундой заниматься не будет.

— Да, вижу, — я оказался прав, никакого благоговения, лишь сухой исследовательский интерес, — И вид они имеют застарелый, как будто много времени прошло после ожога. Можете мне поверить, насмотрелся уже на разные ожоги.

— Они же серебрянные были! Испарились? Это какая же температура была? У меня что, теперь крест пожизненно с собой будет, как клеймо? Что-то вроде духовного щита? Дядька, посмотри на шее, разрывов в выжженном следе от цепочки нет?

— Нет, Ваше сиятельство Петр Алексеевич, даже узелки отпечатались. Очень четко и качественно отпечатались. Каждое звено видно, — старик поднял трясущуюся руку словно желая прикоснуться к ожогу и тут же отдернул ее, истово перекрестившись.

— Вот же заладил Ваше сиятельство, да Петр Алексеевич, — возмутился я, садясь на землю — зови как раньше Петром, не чужой человек-чай. Рядом со мной оказалась вбитой в землю какая-то железка, ну я и направил на нее руку с желанием пустить молнию. Молния железку нашла. Послушная, стало быть.

— Значит молния во мне крестом заперта? Доктор, а если я сейчас всю молнию выпущу, что со мной будет?

А и правда, что будет? Но вот проверять желания как-то нет. Может быть, потом, когда освоюсь со своими новыми возможностями.

— Ну вы молодой человек и задали вопрос. Я не знаю. Но думаю что ничего хорошего, так как из ничего, ничего не происходит. Убьете вы себя.

Воооот, и я того же мнения!

— Ну, и не будем проверять. Помогите мне встать, будьте любезны. Нужно еще кое-что посмотреть.

Когда мне помогли подняться, я опять повернулся к витрине.

— Дядька а я ведь красавцем стал!

Отражаясь от витрины на меня настороженно и немного испуганно смотрел самый обыкновенный двенадцатилетний лопухий и кареглазый мальчуган. Брови и ресницы сожжены полностью, на голове остатки волос торчат подпаленными клоками. Если не знать, что княжич, от деревенского и не отличишь. Хотя, тут вру. Отличишь, еще как отличишь. Вон стоят, деревенские мальчишки, перебирают босыми ногами по сырой после грозы земле. И дело даже не в одежде и наличии обуви. Взгляд другой, осанка, да и телосложение. Нет на мне следов вечного голода и авитаминоза. А вот на деревенских есть.

— Петр не переживай ты так из-за внешности, — с сочувствием попытался утешить меня дядька, — Волосы отрастут, и станешь как и прежде.

— Ну это вряд ли, — хмыкнул я. — После такого прежним не возможно остаться. И ожог зарастет? И нательный крестик заново вырастит? — подпустил я в голос ехидства. — Значит так. Идем к доктору, на осмотр и лечение. И вызови туда же цирюльника. Все это безобразие надо сбрить, полностью сбрить. И домой, в глушь, в имение, — я барственно махнул рукой, давно хотел так сделать, — Устал я что-то от этих приключений.

Спустя минут сорок, а может час, на время как-то внимания я не обратил, тщательно осмотревший меня доктор вынес свой вердикт:

— Вам, молодой человек, хоть и оказана вся необходимая помощь, но я не рекомендую под вечер ехать в имение. Вы туда ночью приедете, а это может сказаться на вашем самочувствии. Лучше уж полежите у нас под наблюдением, переночуйте, а с утра и поедете.

— Нет уж, доктор, — заупрямился я, еще с прошлой жизни терпеть не могу все эти больницы, — в имение поедем. Дома и стены помогают, да и матушка волноваться будет. Опять же вечером солнце не такое злое, глазам легче будет.

— Ну тогда я вам дам мази и инструкции применения, и с богом, — не стал настаивать местный эскулап, — И не забудьте врача вызвать в имение, вам сейчас необходимо постоянное наблюдение, случай не ординарный и науке не известный, мало ли какие осложнения могут быть, — и без переходов закруглил разговор, — Пролетка вас ждет. До свидания, — нет, все таки доктора они в любом времени в любом месте одинаковые.

— До свидания, и спасибо за помощь. А по поводу наблюдения, тут я уже заранее переживаю. Там ведь мамка с матушкой. Так ведь мало того святые отцы набегут. Вот где будет постоянное наблюдение и контроль, а так же душеспасительные беседы! — я скривился.

— Ну здесь уже ничего не поделаешь, — усмехнулся эскулап, ну да, ему-то смешно, — Такие происшествия не каждый день происходят, чтобы их игнорировать. Еще раз до свидания, Ваше сиятельство.

Не понял. Это он меня так мягко выгоняет? Мол, не захотел под наблюдением остаться, так дуй себе на все четыре стороны, не отвлекай занятых людей. Да и пусть себе! Помог, и на том спасибо.

— До свидания, — попрощался я с местным медикусом.

Ну вот и все, народные гулянья и хороводы вокруг моей особы прекратилось. До имения добираться несколько часов. Можно в спокойной обстановке, пока едем все обдумать. Появление мое здесь вышло феерическое, да и пока сориентировался знатно отметился. Пересудов на всю Калужскую губернию, на долго хватит. И мне к стати это выгодно. Но не думаю что вести далеко разойдутся. Перед Романовыми вряд ли засвечусь. И это очень

хорошо. Рано мне с ними встречаться, сожрут. Разговоры о моих не задокументированных способностях так и останутся разговорами. В дальнейшем я не собираюсь часто их использовать, так что быстро все забудется. А между знаниями о них, и памятью о них же, огромная пропасть. Вспомнят только когда жареный петух на темечко сядет. Но перед духовенством надо отметиться, и подтвердить что сила моя не от лукавого, а самая что ни на есть божественная, и желательно оформить это все документально. Здесь, думаю, придется еще немного мистики продемонстрировать, но так, чтобы святоши и сами не могли внятно что-либо объяснить, но в то же время прониклись. Главное не заиграться, а то по монашеской стезе добровольно-принудительно могут направить. Замучаешься отбиваться, хотя, и так придется. Еще и народ в этом времени пока что патриархальный и сильно верующий.

— Дядька Николай, а ведь у нас проблемы.

— Знаю Петя, — кивнул казак и лениво стегнул лошадку по округлому боку, — А какие ты видишь проблемы?

— Думаешь я не слышал разговоры о тебе среди народа? Народ только в лицо нам не говорит, что ты характерник, а мамка Николаевна ведьма. Думаю, как приедем в имение там уже будет батюшка, ну или с утра приедет. Слухи у нас стремительно распространяются. Обоз то скоро на месте будет, это мы подзадержались. Надо нам всем на службу в храм напроситься, молебен заказать и отстоять во спасение души и изгнание бесов.

— А бесы-то причем здесь? — как-то без особого удивления отозвался дядька.

— Ты разве не заметил что я после удара молнии изменился? Я сам чувствую что какой-то не такой стал. Потому и надо нам исключить одержимость и документальное подтверждение получить об этом. И тебе с мамкой тоже надо будет присутствовать, иначе разговоры пойдут нехорошие. А слухи они такие, могут мгновенно на небеса поднять, а могут так изгваздать что никаким мылом не отмоешься. И вообще, может такое быть, что службу придется отстоять день и ночь?

— Обязательно так будет, — кивнул казак.

— Это после молнии еще и такую нагрузку терпеть придется, — пригорюнился я, — Тяжеловато будет, но деваться некуда, придется стоять.

— Если не хочешь, чтобы о тебе шептались по углам, как об одержимом, придется потерпеть, — согласился дядька.

— Здесь только одно радует, не одному мне терпеть придется, — злорадно хохотнул я, а старый казак обреченно вздохнул.

Ну что же, материала для размышлений много набралось. Еще бы переварить его, хотя бы частично. Вот и выяснилась вся задумка мироздания. Взять не нужный элемент из одной параллели и заменить им слабый элемент в другой. Классическое попаданчество. Значит вспомним первоисточники по этой теме. А книжек я много читал! И есть там главный рояль у всех попаданцев, это дар убеждения. Даже если он один, во тьме! И тогда все равно, в обязательном порядке сам себя убеждать начнет. И самое главное дар действует опосредованно, с выкрутасами какими то. Что и подтвердилось на станции. Там от той дичи, что творилась народ либо разбежаться должен был, либо камнями нас закидать. А они помощь посильную оказывать кинулись. Да еще и советами закидали, когда в себя пришел, как и в какой форме всех оприходовать надо, когда буйствовать начну. Психи! Не знаю кто и что там в недоступных мне канцеляриях планировал, но я буду действовать по своему.

На службу в храм надо завтра попасть в любом случае. И добиться подтверждения, что

сила моя не от нечистого. Тут думаю, особых сложностей не будет. Хотя попыют кровушки святые отцы, не один месяц отбиваться придется. У них ведь как в высказывании: «Такая корова нужна самому». Но думаю это моим планам не помешает. Главное что бы Романовы раньше времени обо мне не узнали и в свое стойло не привели. А то буду крестить и говорить что Романовы и Церковь предписывают.

А мне в этот год кровь из носу надо выделиться и закрепиться на поприще, как изобретателю. Для всех современных и достаточно легких задумок все упирается в двигатель. Значит им и займусь. Точнее ими. Это двигатель внутреннего сгорания и электрический двигатель, ну и заодно генератор. Я все таки молнией стукнутый. Значит должен либо любить ее родимую, либо бояться. Нет, по любому бояться не получится. Значит будем любить.

Как залегендировать изобретательство ДВС? Ну, здесь-то слава богу все просто. В Питере... Опа надо привыкать к здешнему произношению, иначе можно получить возмущение окружающих. В Санкт-Петербурге сейчас начинает, или уже работает Костович Огнеслав Степанович. А он уже в 1879 году продемонстрировал летающие модели вертолета, самолета и орнитоптера. Жаль, что только модели. И какие тогда братья Райт великие? С их этажеркой 1903 года и дальностью в шестьдесят метров, и каких то пятнадцать секунд полета? Вот к Огнеславу Степановичу мы с перепиской и пристанем. А выйдем мы на него через нашего механика, который меня обучает.

Ну узнал человек об изобретателе и поделился знаниями с учеником. Что в этом такого? Вон, даже кузнец слышал. Легенда готова, никто не докопается. Нет, как же хорошо, что у меня есть матрицы на все случаи жизни. Двигатель со своими способностями и местным оборудованием я сделаю за три месяца уж точно. Срок работы пусть будет часов семь, но это не важно. Мне и этого за глаза хватит на первое время. Правда какой же мусор, и кривые руки надо использовать для такого срока работы. Но повторяю это все не важно.

Мне надо отметиться. Отметиться сильно и громко. А это значит нужен управляемый полет. Что для этого надо. Пойдем от малого к большому. О воздушных змеях уже тысячу лет как знают, китайцы отметились. Берем тот же принцип, полет за счет набегающего потока воздуха. А это у нас, из известных мне дельтаплан. Его и возьмем пока за основу. Возможно ли создать дельтаплан в современных условиях, и из современных материалов? Думаю да. Моя задача летать при спокойной метеообстановке. Что для этого нужно? Шелк, растяжки, и возможно бамбук. Для растяжек можно использовать тонкие пеньковые тросы. А на сколько я знаю правильно обработанный бамбук эластичный и прочный, как раз подойдет на каркас. Для спокойного полета конструкция получится устойчивая.

А это значит что? Пока изобретаю двигатель, нужно закупить материалы, и по возможности готовить конструкцию дельтаплана с моторной тележкой и седлом для авиатора. Будем делать мотодельтаплан! В этом времени не имеющем летающих средств передвижения тяжелее воздуха, это будет великое изобретение, на стыке нескольких наук. А вот к стати и новое изобретение. Сок азиатского одуванчика, можно использовать для изготовления каучука. Колеса мне по любому понадобятся. Так что мотодельтаплан будет считаться вполне настоящим средством управляемого полета, в просторечии называемом самолет.

Позже когда двигатели отработаю и наработаю практику по аккумуляторным батареям, а также по стеклянному производству, займусь мини подводной лодкой и автомобилями. Для первых поделок и Оки с нашими дорогами хватит. Нужно будет что то с топливом

решать, но это проблема будущего. Пока хоть на спирту, хоть на керосине кататься можно. В аптеках насколько я знаю он уже продается, да и касторовое масло есть.

Можно конечно попробовать еще обратиться к Менделееву. Но тут вряд ли что получится. Дмитрий Иванович скорее всего не ответит. Я хоть о нем мало что знаю, но даже моих знаний хватает что бы понять, что переписка с ним без известности не будет возможной. А у него ведь интересные темы сейчас. Насколько помню, он с адмиралом Макаровым разрабатывает тему пароходства в северных морях. А это не много, не мало ледоколы. Как провожают ледоколы, совсем не так, как поезда. Ледоколы-ледоколы, что-то вертится такое, а вспомнить не могу, и это при моей нынешней абсолютной памяти! Что-то здесь не так. Ну да ладно, пока не критично. А вот с химией с Дмитрием Ивановичем был бы интересно поработать. Скоро он займется бездымным порохом. Нет, все-таки не судьба. Ладно, начнем пока с двигателей, а там по нарастающей в смежных областях продвинемся.

— Петр просыпайся, — вырвал меня из размышлений дядька, — Мы уже приехали.

— Я что, заснул пока ехали? — вот ведь, умудрился заснуть в неудобной и тряской бричке! Надо действительно выспаться. Завтра будет беспокойный и достаточно важный для меня день.

— Да, Петь. Вон, встречают нас уже.

— Ну, тогда, помолясь, выходим потихонечку на суд общественный.

Выйдя из брички, чтоб избежать ожидаемых причитаний, сразу же задал вопрос:

— Здравствуй мамка, а где матушка?

— Да как где?! — запричитала мамка, сухонькая, седая, но при этом чрезвычайно бодрая бабулька на вид лет шестидесяти, сколько ей на самом деле, есть тайна покрытая мраком, ровно как и возраст дядьки Николая, уж больно таинственные они и загадочные. И где их только маменька откопала? — Вон, ее дохтур отпаивает после вестей с обозом привезенных. Как мужики прибыли, страсти всякие на станции произошедшие понарссказывать начали, так народ и набежал. Даже батюшка с дохтуром приехали послушать. Матушке-то твоей, от тех рассказов плохо и стало. Дохтур остался тебя ждать и матушку отпаивать, а батюшка сказал, что по утру подъедет. А что это ты весь блестишь, гладкий такой, как яйцо куриное? Неужто правда в тебя молния попала? Не соврали обозники? Вот окаянные не уберегли дитячко?! — погрозила кому-то сухим кулачком Николаевна.

— Да полно тебе, мамка, ну ударила и ударила. Главное жив и здоров остался, а волос нарстет еще. Сейчас умоюсь и к матушке поднимусь. Успокоить ее надо. А то надумает еще чего.

— Не надо, Петенька, подниматься, — на крыльцо вышла в черном строгом платье и красивом расписном шелковом платке, накинутом на гордо поднятую голову, с темными, кое-где с проседью волосами, бледная княгиня Елизавета Петровна, — Я уже сама спустилась. С тобой правда все в порядке? Не обманываешь? — неподдельная тревога и яростная, беспредельная любовь звучали в ее глубоком, властном голосе, от которго у меня защипало в глазах.

— Правда, правда матушка. Меня доктор со станции не отпустил бы, если б что-то не так было. Просто вымотался сильно. Сейчас бы умыться, перекусить и спать пойти.

— Может, баньку сходишь? — заботливо спросила маменька.

— Нет, — с сожалением отказался я, банька это прекрасно, но не сегодня, слишком уж денек выдался насыщенным на события, — устал очень. Вон, у колодца умоюсь, да перекушу

молочком холодненьким и хлебушком. Остальное не полезет в меня, после всех всех этих передраг. Прямо вот здесь, на крыльце и перекушу.

— Да как же это, на крыльце! За столом надо, на стуле, как полагается! — воскликнула мамка Николаевна.

— Мамка, у меня и так все качается, а крыльцо вон как на земле твердо стоит, — убеждать старую женщину не хотелось, но пришлось, — С него уж точно не свалюсь. Ничего один раз можно. Да и не сильно светло сейчас на улице, у меня глаза сейчас от света сильно болят. Надо бы в Калугу кого послать, что бы мне очки затемненные изготовили. Первое время ходить в них буду, пока глаза не поправятся. Да и все интересное дядька Николай рассказать может, он там тоже присутствовал и участие принимал. А я спать. С утра чувствую ни какого покоя не будет. Тут наверное целый табор посетителей по утру наберется.

— Ох, страсти-то какие! — все причитала Николаевна.

Тут голос подал наш доктор:

— Петр Алексеевич, мне все-таки придется вас сегодня осмотреть, — голосом не терпящим возражений сообщил он. Ну придется, так придется, что уж теперь:

— Вот сейчас умоюсь, перекушу и поднимемся ко мне в комнату. Там и осмотрите, хорошо?

— Хорошо, давайте так и сделаем. Мы с Елизаветой Петровной здесь подождем, а потом вместе и поднимемся.

— Хорошо, — кивнул я, повернулся и пошел к колодцу.

— Дядька Николай, помоги сорочку снять и полей мне. Сам я наверное не сниму.

Мне помогли снять пропахшую потом, гарью и чем-то еще неприятным нательную рубаху, и я начал тщательно отмываться. Обтерся поданным полотенцем и отошел от места где мне поливали.

— Дядька, а поставь-ка ты ведро в эту лужу, сейчас проверку устроим.

Когда ведро было установлено, я направил руку на ведро. И приказал ударить молнии. Да уж! В темноте это выглядело феерично. Ведро отлетело метра на два. Дядька Николай поднял ведро и осмотрел.

Дырку прожег, — в этот раз спокойно выдал он. Народ загомонил, Николаевна начала креститься, а матушка схватилась за сердце.

— Знаешь, дядька, это со мной наверное навсегда теперь. Ладно периодически проверять будем. Кто его знает может и пройдет. Все, — я устало махнул рукой, — перекус на крыльце, процедуры от доктора и спать.

После легкого ужина я, матушка, доктор, дядька Николай и Николаевна поднялись ко мне в комнату. Обсудили мою блестящую и гладкую голову, причину появления этого явления, а так же шрам от ожога на груди и шее. Больше никаких отклонений доктор не нашел. Еще немного поспорили по поводу выжженного креста на груди, хорошо это или плохо, и нужно ли мне теперь носить новый крест. Ладно хоть что не долго спорили, жаль только, что к единому мнению не пришли. Теперь еще придется по утру выслушивать многословные рассуждения батюшки. Бедная моя голова, как она переживет завтрашний день!

Все спать. И ни каких рассуждений, перед сном.

А все-таки сколько времени потеряю в ближайшие дни. А его и так, судя по всему, не хватает. Напрямую вмешиваться в существующие в Империи процессы я не могу, головушку

свернут. И не какие то мистические или божественные силы, а самые банальные группировки. Государственные и около государственные, внутренние и внешние, разной направленности и политического толка.

Только косвенные воздействия здесь могут помочь. Цель-то у меня простая. Не игра политическими и прочими словами и лозунгами, а не допустить разграбления России в будущем. Чтобы не загнали ее под ковер политического мира, оставив только представительские функции в виде сырьевого придатка, и откусывая потихоньку территории пока не пропадет государство и народ.

Юг развивать нет смысла, он постоянно находится на пути разграбления захватчиков. На дальнем востоке скоро война с Японией. А потом почти полная оккупация Японией, США и Англией. И полное разграбление как чужими, так и своими. Остается Сибирь и Урал, хоть они находятся в зоне умеренного комфорта. Но меня туда никто не допустит, мал еще. Значит надо искать последователей, которые все сделают за меня. Хорошо что есть матрицы, которыми я смогу использовать свой дар убеждения.

Но для этого надо стать знаменитым. И только потом набирать вес. С политическим весом не знаю, тут как получится, хотя иметь Романовых за спиной было бы не плохо. Но вот наработать вес богатого и удачливого авантюриста я точно смогу. Тогда и буду искать помощников в Сибири и на Урале. А это время, которое я буду терять на подготовку. Нужно любыми путями вывести Сибирь и Урал хотя бы на уровень самообеспечения по промышленным товарам. Я уж и не мечтаю об экспорте в центральные районы Российской Империи. Но хотя б тогда война с Японией легче пойдет.

Эх как бы мне сейчас помог Нафаня! Но до мест его возможного обитания в ближайшее время мне не добраться. А когда будет возможность, то не будет времени. Так что встречу придется отложить на конец двадцатого века, если будет такая возможность. Да и уверенности нет, что в этой реальности он существует.

Опять отвлекся! Время спать. Спать я сказал!

Поздний вечер 30 июня 1882 года. Москва. Тверская площадь. Кабинет московского генерал-губернатора князя Долгорукова Владимира Андреевича. Срочное совещание по произошедшей железнодорожной катастрофе на участке Чернь — Мценск, возле села Кукуевка.

Докладывал обер-полицмейстер генерал-майор Янковский Евгений Осипович. Статный сорока пяти летний мужчина с умными глазами и статью истинного шляхтича. Нездоровая бледность и покрасневшие глаза говорили, что ночь у обер-полицмейстера выдалась бессонная и тревожная:

— Владимир Андреевич, по полученным данным это действительно природная катастрофа. В тот момент был сильный ливень с грозой. Водой размыло насыпь, вот поезд и сошел с рельс. Дренажные системы просто не смогли справиться с таким количеством воды, да и насыпь как говорят путейцы была не рассчитана на такие катаклизмы. Проводник с предыдущего поезда пытался остановить движение по телеграфу на соседних станциях. Но гроза и ливень повредили телеграф, он просто не мог ничего сделать. Разгул стихии, — Янковский развел руками. — К несчастью в этом поезде ехал племянник Тургенева Ивана Сергеевича, Тургенев Николай Николаевич. Он погиб. И как доложили мне в обед, на месте катастрофы сейчас находится писатель Гиляровский Владимир Алексеевич. Так что публикаций и внимания общественности не избежать, — генерал-майор недовольно дернул щекой, — Больно уж резонансное дело получается, как бы кто из высочайшей фамилии не приехал с проверкой.

Митрополит Иоанникий, перекрестившись, прогудел:

— Надобно будет службы назначить по Москве и соседним губерниям. И обратился непосредственно к обер-полицмейстеру: — Значит Евгений Осипович козней не было и проповедей по церквям, по этому вопросу проводить нет необходимости?

— Ну почему же, проповеди все-таки не помешают. У нас проблемы не только с террористами-революционерами наблюдаются. — вместо Янковского возразил князь Долгоруков. — Наверняка были предпосылки для катастрофы, но люди внимания на них не обращали. Вот и результат. Надо бы напомнить всем о внимательности. И еще не мешало бы дать предварительные рекомендации, для лиц проверяющих по проверке железнодорожного полотна и насыпи, по всем путям зоны нашей ответственности. Вы Евгений Осипович, озаботьтесь поручить путейским предоставить материалы по особо сложным перегонам и их рекомендациям по исправлению возможных недочетов.

Обер-полицмейстер кивнул, приняв распоряжение к исполнению. В кабинет заглянул адъютант с сообщением, что прибыли посыльные со срочными донесениями. Долгоруков разрешил им войти и очень сильно удивился, когда увидел, что посыльные прибыли сразу к митрополиту и обер-полицмейстеру. Янковский первым прочел донесение и повернувшись к обоим посыльным попросил подождать в приемной дальнейших распоряжений.

— Что у вас? — подобрался генерал-губернатор.

Янковский молча передал ему донесение. Митрополит помахивая донесением спросил:

— Значит, Евгений Осипович у вас видимо то же самое?

— Утверждать не буду, но если вы позволите ознакомиться с вашим донесением: — и протянул руку митрополиту. Иоанникий передал ему донесение, и попросил Долгорукова

показать ему другую часть. После ознакомления с донесениями, установилось молчание.

— И какое отношение имеет станция Ферзиково, к катастрофе? — спросил Долгоруков.

— Наверное гроза и туда дотянулась, — ответил Янковский.

Митрополит задумчиво произнес, покачав головой:

— Видимо надо ехать в Калугу, как бы ереси не было. Да и случай очень не обычный, если это не выдумки конечно. Но тогда надо будет срочно решать что с этим делать.

— Голицына Елизавета Петровна? Это она вроде была Валуева до свадьбы? — поинтересовался Долгоруков ни к кому конкретно не обращаясь. — А Петр Алексеевич значит ее сын?

— Да, ваша светлость, — ответил Янковский.

— Знаете, Евгений Осипович отдайте ка команду по сбору информации по семье Голицыных. Особое внимание обратите на Петра Алексеевича — распорядился князь — И съездите вместе с Его Высокопреосвященством в Калугу. Опросите свидетелей, да и с самими Голицыными поговорите. Особенно постарайтесь узнать их отношение к произошедшему.

— Вас что то беспокоит Владимир Андреевич? — спросил Митрополит.

Долгоруков задумался:

— Вот соберете данные, тогда и поймем что беспокоит. А пока, Господа, очень Вас прошу, сделайте все возможное чтобы окружающие не узнали о нашем интересе к этой семье. А то начнут рыскать, греха потом не оберешься.

— Но ваша светлость я обязан доложить обо всем туда, — сказал Янковский и посмотрел в потолок.

— Да и моя обязанность в том же состоит. Такие вещи от Синода не утаишь, — подтвердил Митрополит.

— А вы и докладывайте, но по существу дела, хитро посмотрел на них Долгоруков, — Тут я думаю и без нас докладчиков будет много. И в основном это будут слухи и прочие выдумки. А вот мы по остальному, после обсуждения собранных данных и примем решение. И на всякий случай слухи тоже соберите. Видимо все-таки придется с личным докладом нам ехать в столицу, — князь полными перстней холеными пальцами нервно пробарабанил по столу.

— Неужели все настолько серьезно? — спросил Янковский.

Митрополит помахивая донесением ответил вместо князя:

— Если судить по этому, и если это правда, то только у нас представители всех конфессий вцепятся в Петра Алексеевича. Начнется борьба за влияние на него и его семью. Ему сколько, двенадцать? Значит давить будут не только на него, но и на Елизавету Петровну. Лишь бы добиться влияния на Петра Алексеевича. А ведь есть еще и Католическая Церковь! Но вы ведь, Владимир Андреевич, совсем не это имели в виду, так ведь? — митрополит испытующе посмотрел на князя.

Долгоруков немного помедлив ответил:

— Знаете, мужа Елизаветы Петровны, звали Александр Васильевич. Мы с ним знакомы были, да и с Елизаветой Петровной я не раз встречался. И умер князь Голицын в 1869 году. Но Петра все равно записали как Князя Голицына. Просто так, по собственному желанию, такого никто сделать не сможет. И живет он хоть и не афишируя себя, но и не скрываясь. Да и имя с отчеством меня пугает. А уж в месте с данными донесениями, то тут поневоле задумаешься.

— Это какой же змеинный клубок может здесь развернуться? — проговорил Янковский — Похлеще иных столиц! Но тогда тем более нужен срочный доклад!

— Потому и говорю, докладываем только по существу дела! — проговорил Долгоруков — Обо всем остальном только тщательно проверив материал. Еще бы знать кому докладывать надобно, а кому нет необходимости знать об этом.

Митрополит покачал головой и заявил:

— Тут видимо вопрос стоять будет не так. А кому первому доклад пойдет. Все и так на виду находится. Осталось только посмотреть и нужные вопросы задать. Голицына ведь тоже не скрывается, открыто живет и сына воспитывает.

— А ведь кто-то же скоро обязательно придет с высочайшей проверкой, — заметил Янковский, — Тот же обер-прокурор Священного Синода Победоносцев Константин Петрович. В тайне, не привлекая внимания, полную информацию собрать не получится.

— Соберем что сможем. Обдумаем. Сделаем выводы, — закончил совещание Долгоруков, — Тогда и пойдем на доклад.

Утро 1 июля 1882 года. Имение Жарка.

Проснулся я хоть и не с первыми петухами, но рано. Рассвет едва-едва наступал, окрашивая горизонт светло-розовыми тонами. Селянки только на скотный двор пошли. Кстати, а возможно ли организовать что-то в виде колхозов в это время? Хотя, нет, не думаю. Скотные и птичьи фермы, еще куда ни шло, ну сады, наверное, а вот с полями будет беда. Тяговая сила стоит дорого, и уход за ней тоже стоит не малых денег. Сами по себе лошади тихоходы и требуют периодического отдыха. Так что для деревни такое хозяйство будет смерти подобно. А организация крупного хозяйства с обработкой земли по принципу МТС нашего времени, приведет к отставанию в обработке земли. В общем или землю не успеют вспахать, или засеять не успеют. А если и засеют, то уже поздно будет. И как ни крути, а голод обеспечен. Но все-таки задумка интересная. Потому какие-нибудь промежуточные варианты отработать надо, до появления средств механизации. В своем имении и не в ущерб селянам. Пусть люди потихоньку привыкают к новым видам хозяйствования. Правда здесь еще не очень хорошие моменты есть. Реакция перекупщиков хлеба и опять таки царской семьи. Ну с перекупщиками я справлюсь. А вот с Романовыми воевать, это рубить сук на котором будешь сидеть, или висеть, это по обстоятельствам. Они то как раз и являются основными продавцами сельскохозяйственной продукции, а мне родственниками будут. Так что как ни крути, а обо мне Романовы все равно узнают. У Государя Императора в советниках не дураки сидят, до истины докопаются. Ладно, это дело не сегодняшнего дня, время еще есть. Да и побочное направление это, попутно решать буду.

А сегодня у меня по плану церковь. Вот и надо подготовиться. Правда гарантии нет, что задуманное на сто процентов получится, но готовиться надо.

Итак, я знаю, что любые действия у меня получаются только в своем энергетическом поле. Так что и начнем с поля. Нужно определить, смогу ли я его выпускать, и какую площадь оно занимает. Начнем с медитации. Уйдя в себя, стал искать энергию, которая и была мной до моего вселения в тело Петра. Энергия есть, плотность ее запредельная, а ведь еще и в оболочках запас находится. Но она жестко ограничена телом, а значит бесполезна. Но вокруг тела есть другая энергия, назовем ее аурой. И занимает она площадь буквально сантиметры от тела. Надо запомнить на будущее, что с аурой можно политические бонусы

получить. Если правильно преподнести ее общественности. Только подождать придется, примерно до 1890 — 1900 годов. А сейчас надо любыми путями вывести свою энергию за пределы тела. Вот только как?

А что у нас делает молния? Ну не может она сама по себе быть, я бы уже давно сгорел. Значит я сам ее формирую. Вот только с глупостью, типа пулять ей во все подряд, как из пистолета, надо разобраться. Итак клетки тела вырабатывают энергию, какую не важно. Эта энергия и создает своеобразное облако, или поле вокруг клеток. Суммарные поля и создают ауру вокруг тела. Теперь вопрос, а где же электроэнергия для молнии? Она у меня была на момент прихода в себя, и была заперта полем моей души. Частично я ее потратил во время экспериментов. Но так же добавив энергию души к энергии тела, электроэнергия восстановилась. А так ли это? И опять же, в нашем времени электроэнергию могут замерять приборами у людей. Простейший пример электрокардиограф, он выдает показания работы сердца. То есть электроэнергия в теле есть всегда. Но не в таких же значениях, чтобы кидаться молниями как снарядами.

Что тогда происходит? Надо попробовать понять весь процесс. Иначе не смогу развернуть свое истинное поле. А если и смогу, то выпаду из тела. Самоубиться я всегда успею, а нужно научиться жить. Вот ведь проблема на ровном месте образовалась. Я же вроде живым считался, а теперь надо заново учиться. И ни чему-нибудь, а именно жить в физическом воплощении. А то появилось отношение к собственному телу, как костюму. Истерся, ну и ладно — новый надену. Реально демонизмом и одержимостью пахнет.

Итак, смотрим с помощью медитации, что происходит. Вижу границу тела и условную границу ауры. Хочу пустить молнию с какого-нибудь участка тела. И вижу малюсенькую молнию, точнее разряд, который бьет от тела к границе ауры. Это радует. Тонкие манипуляции буду разрабатывать не с нуля, навык сохранился. Так получается, что имея большой объем духовного тела и смешивая его с материальной энергией тела, я получаю большую мощь электроэнергии. Но только при желании ее куда то направить. А в спокойном состоянии этого не происходит. Ну вот кажется и разобрался. Желание пустить молнию, электроэнергия тела бьет в нужном направлении. Но сила настолько смехотворна что ее никто не замечает, она и бьет то от тела до границы ауры. Но когда вмешивается духовное тело, то тут все выглядит совсем по другому. Достаточно создать сильную разницу потенциалов что бы ударила молния большой силы. А это значит я могу вывести свое поле за границу тела, смешав свою энергию с аурой.

Тогда приступим. При смешивании энергий увеличивается аура. Не значительно, но достаточно чтобы заметить собственным зрением. Значит я воздействую на сами клетки, и уже они вырабатывают больше энергии ауры. Это прекрасная тренировка. Тело становится крепче и быстрее. А уж избежать эффекта быстрого старения можно полноценной едой и тренировками. На крайний случай можно использовать матрицы обновления клеток и метаморфизма. Все, смешивание в теле прошло успешно. Я чувствую собственное тело в плоть до границы кожных покровов.

Пора потихоньку начать контролируемое смешивание с аурой за пределами тела. Главное не спешить, а то собственное поле развернется на полную и меня быстро выбьет из тела. Смешивание с аурой уже на начальном этапе начало давать область контролируемого пространства где то на один, три сантиметра. Но аура резко скакнула в ширь и заняла пространство до двадцати сантиметров. Снова пришлось заниматься накачкой и смешиванием энергий тела и ауры. Но больше скачков не было, значит все, предел на

данном этапе развития достигнут.

Начинаем эксперименты. Молнией заниматься не буду. Шумная она больно, да и не нужно мне это. А вот манипуляции аурой, точнее моим полем в ауре надо отработать сейчас. За границей ауры мое поле резко теряет в силе и рассеивается. Видимо сказывается связь с телом. Перегон и концентрация поля в определенной области получается без проблем. Там аура увеличивается в площади, соответственно прижимаясь ближе к телу в других областях. Но обязательно оставляя прослойку примерно в сантиметр. Я думаю что аура имеет какую то защитную функцию для любого живого организма, вот и занимает площадь вне тела. Что то вроде энергетического скафандра.

Попробую ка я вытянуть поле в виде жгута как можно дальше от себя и за одно создать площадь занятую моим полем на расстоянии. Стоящий стул в нескольких шагах от меня был заключен в поле достаточно быстро и я мог его двигать и поднимать.

Теперь самое трудное, создать разреженное и подконтрольное мне поле на большой площади. Потери энергии конечно большие, но терпимо. Главное я могу в этом поле уверенно прокладывать каналы в нужные точки и создавать полностью контролируемые области. Попробуем легкое дуновение сквозняка, получается, и довольно неплохо. Теперь поднимем пыль и притянем к себе. А сейчас на границе областей ауры и разреженного поля будем создавать разные фигуры из пыли. А ведь красиво получается! Фигуры четкие в области ауры, оплывают и развеиваются легким дымом в разреженной области.

Ну а теперь поиграем со сквозняками и огнем. Беру зажженную свечку и ставлю ее на стол. Нужно направить сквозняк так что бы свеча ярко загорелась, тоже довольно легко получилось. Видимо сказывается умение тонких манипуляций. Свеча горит ярко, язычок пламени достаточно большой, что бы обратить внимание на не естественность данного процесса. Ставил свечу в разные места комнаты, эффект тот же. Ну вот и все, я готов к встрече со священниками и походу в церковь.

Ну время все равно еще раннее, выходить из комнаты во двор думаю пока рано. Так что выгоню пока запах горелой свечи из комнаты на улицу, ну и выводы сделаю. Моя духовная энергия переполнена заемной. И заемная энергия, это невосполнимый ресурс. Надо развивать тело и ауру, тогда заемная энергия станет собственной. Хоть так увеличу объем и продолжительность манипуляций. Иначе использовав невосполнимый резерв останусь ни с чем, а так он хоть на тренировки уйдет. Использовать молнию, полнейшая глупость. Ее сейчас только для убийства и запугивания использовать можно. А расход энергии души неоправданно высок. Опять же получится что невосполнимый резерв использовать буду. Да и кого мне запугивать? Собственных крестьян? А убивать? Монахов? Вот и не будем творить всякую дичь. Вот встречу наставника всех чебурашек, из далекой, далекой. Который говорил, что размер не имеет значения. Тогда Да, сама Великая Сила будет требовать надеть ведро на голову. И назвавшись Дарт в`Ведре разбрасываться молниями по округе. А сейчас про молнию можно забыть. На долгие годы забыть. Ну хотя бы до особых случаев, в виде средства убеждения.

Вон на дворе кажется началось бурное брожение, шевеление и движение. Значит можно выходить во двор. Умоюсь у колодца и посижу на крылечке, понаблюдаю за местной жизнью. Мои то все равно еще спать должны.

В коридоре действительно было тихо, все еще спали. Только в районе кухни раздавались еле слышимые звуки. Видно кто то уничтожает продукты в доме. Может мыши? Нет мыши этим занимаются по ночам. Значит домашняя прислуга уже занялась предписанным им

занятием. Возможно там же и мамка Николаевна находится. Слышно тихие переругивания. Это она как обычно с поварихой переругивается. Придется прокрасться, что бы не заметили. Знаю я их с поварихой! Тяжелый день начнется сейчас, а не в районе запланированного завтрака.

Пробравшись на крыльцо, не задерживаясь отправился к колодцу. Там как раз вертелась красotka много старше меня. Вот ее и попросил полить мне, что бы умыться. После умывания, уже спокойный и расслабленный отправился к крыльцу. Усевшись на него начал созерцать идиллию на нашем дворе, тихо напевая песню:

— *За дорогой кольцевой,
Как привет из прошлого,
Повстречался нам с тобой
Уголок заброшенный.
Опустевший старый дом,
Без вины покинутый,
И колодец под окном
С небом опрокинутым.*

*Колодец, колодец,
Дай воды напиться!
Колодец, колодец,
Дай неба глоток!
Быть может, быть может,
Ещё возвратится
Счастливое время
И в наш уголок.
Счастливое время
И в наш уголок.*

*Мы не зря пришли сюда:
Здесь обиды кончатся.
И прощаться навсегда
Нам с тобой расхочется.
Мы сюда ещё придём,
Чтоб в ошибках каяться —
Ведь в колодце даже днём
Звёзды отражаются.
Ведь в колодце даже днём
Звёзды отражаются.*

*Колодец, колодец,
Дай воды напиться!
Колодец, колодец,
Дай неба глоток!+
Быть может, быть может,
Ещё возвратится*

*Счастливое время
И в наш уголок.
Счастливое время
И в наш уголок.*

*Колодец, колодец,
Дай воды напиться!
Колодец, колодец,
Дай неба глоток!
Быть может, быть может,
Ещё возвратится
Счастливое время
И в наш уголок.
Счастливое время
И в наш уголок.*

Вот кстати вопрос. Пока умывался у колодца, мимо крыльца проходило, пробегало и пропрыгивало много лиц разной половой принадлежности и возрастных групп. Правда не шумели, не кричали и не гомонили, но все-таки. А как только я устроился на крыльце, как отрезало. Как будто зона отчуждения появилась от места, где я расположился, до места, где умывался. Все прошмыгнуть норовят с другой стороны колодца. Это что, уважение к князю расположившемуся на крыльце и созерцающему мир вокруг, или страх передо мной, молнией стукнутому? Или и то и другое?

Вот всегда так, допеть успел, а до рассуждать нет. Дядька Николай подошел и сразу разговоры разговаривать затеял:

— Доброе утро Петр, — поздоровался он, усаживаясь рядом, — Что это за песню поешь? Вроде бодрая, но я такую не слышал.

— Доброе, дядька. Да вот сижу, делать нечего, любуюсь красотами нашими. Слова-то, и навеяло. А я что, мне не жалко. Вот и напел.

— Хорошая, должно быть, песня.

— Могу записать, — пожал плечами я.

— Ты лучше матушке своей ее напой, — попросил казак.

— Эх, дядька, сегодня вряд ли, — с тоской в голосе заметил я, — Сам знаешь какой день будет.

— Это да. Ты что встал так рано, время еще тебе спать и спать, — посочувствовал бедному мне дядька Николай.

— Да выспался. Вот даже настроение и здоровье бодрое. Могу песни бурчать. А чем еще заняться, не знаю.

— Тогда может разомнемся в воинском искусстве малость? — он изучающе окинул меня взглядом, все-таки после того, что произошло, физические упражнения, могут не пойти на пользу неокрепшему организму. Но я то знаю, что со мной все в порядке.

— Ну если здраво рассудить, — согласился я, с хитринкой глянув на старого казака, — то матушка спит еще, мамка Николаевна на кухне с поварихой переругиваются, святой отец со своими душеспасительными речами прибудет только к завтраку, а доктор со своими не разрешать и недопускать тоже спит. Можно сказать, что нам никто и не запрещает этого. Ведь всем известно что не запрещено, то разрешено! Ведь правда?

Дядька Николай хохотнул, поднимаясь и смачно потягиваясь:

— Тогда пошли с саблями разомнемся.

Он сходил за саблями, и мы отошли в угол двора на площадку, где всегда занимались. Здесь можно сказать только одно. Я стал крепче, я стал сильнее и быстрее. Дядька это заметил, и стал наращивать темп. Потом, когда мы остановились что бы передохнуть, он об этом мне и сообщил.

— Знаешь, дядька, неправильно это. Чувствую, что сила не моя, а как бы заемная. Не знаю когда она кончится и начнется моя. Думаю надо на выносливость уклон делать, — поделился я с ним своими мыслями.

— И как же ты собираешься выносливость тренировать? — с интересом спросил он.

— А бегать буду.

— Куда бегать? — удивился дядька.

— Да вот сидор возьму и буду бегать по округе, да по роще, — усмехнулся я.

— А сидор-то тебе зачем? — старый казак удивился еще больше

— А я в него мешочки с песком буду класть, — пояснил я свою задумку, — Пока силы не закончатся или мешок не переполнится.

— Разумно. Только бегать ты будешь под обязательным моим приглядом, — строго заметил он, — Иначе надорваться можешь.

— Хорошо, — под приглядом, так под приглядом, мне-то что.

— А как зимой по снегу будешь бегать?

— Ну по накатанной дороге можно так же. А по снегу возьму охотничьи снегоступы. Правда их доработать надо будет, но это мы с тобой у столяра обсудим. Ты мне вот что скажи. Слышал я что есть такое умение, волчий шаг называется. Научишь?

Дядька хохотнул и сказал что научит. Вместе с бегом тренировать будем. Тут как раз и Николаевна подошла, и сразу стала выговаривать дядьке:

— Ты что же старый черт мальчонку из спальни умыкнул. А вдруг после вчерашнего ему плохо станет? Может нельзя еще Петру железками звенеть? Доктор встал, пошел Петра смотреть, а его уже и след простыл. А они вот где! Железками, звенят!

Пришлось вмешаться:

— Да полно тебе, мамка. Я сам дядьку уговорил позаниматься. Утром проснулся, а у меня бодрость духа ну совсем как в здоровом теле. Хорошо же ведь! Так почему бы и не порадоваться?

— Ладно идите умывайтесь и приводите себя в порядок, — сбавила напор мамка. — Тебя Петр, доктор должен посмотреть. Скоро завтрак уже.

Мы вернулись к колодцу, чтобы в порядок себя привести. Я быстро ополоснулся, а тут и механик с кузнецом подошли. Вот и проведу подготовку по созданию алиби своих будущих открытий. Пока дядька умывается, начал разговор с подошедшими. Поговорили о Костовиче Огнеславе Степановиче. Попутно создавал мнение у механика, что разговор начал он, заодно внушая желание собрать информацию о господине Костовиче. Кузнец только и сможет что сказать, что мы разговаривали о каком-то изобретателе. Приведя себя в порядок, мы с дядькой зашли в дом. Казак пошел по своим делам, а я на осмотр к доктору.

Осмотр как и ожидалось, проходил в присутствии матушки и Николаевны. Доктор с удивлением отметил что я абсолютно здоров, ну не считая шрама от ожога. Да и тот заживший, и имеет вид застарелого. И это после вчерашнего удара молнией! Еще он заметил что шрам имеет серебристый вид.

— Как серебром облит, — пошутил он.

И правда, когда утром проводил свои эксперименты тоже обратил внимание что шрам имеет как бы напыление серебра. Но никакого излучения или влияния не оказывает. Мистика! Даже для меня мистика. Получается, что когда меня впечатало в тело Петра, крест запечатал меня в нем. Это что же получается я могу проводить эксперименты более смело? Нет, не стоит. Полное применение духовного тела буду использовать только в экстренных случаях. Когда терять будет нечего. А пока у меня есть аура. Вот и буду ей пользоваться.

После осмотра, сразу же направились на завтрак. Тут как раз и святой отец подъехал. Господи, как же хорошо что во время завтрака не велись душеспасительные беседы. Иначе завтрак мог перейти в обед. Святой отец оказался вполне современным и не чужд шуткам. Вот после завтрака и начались разговоры и расспросы. Святой отец в лучших традициях КГБ и Инквизиции расспрашивал о каждой мелочи. Даже ожог осмотрел. На вопрос не хочу ли я использовать молнию ответил правду, да и скрывать то здесь нечего:

— Не имею такого желания отец Константин. Запугивать окружающих мне сейчас не зачем, а убивать некого. Глупости все это.

— Говоришь ты разумные слова, да и действия твои уравновешенные. Нет зла в тебе. — и, подумав, добавил. — Что удивительно при сравнении с отроками времени нашего, и более старшего возраста.

— Святой отец, скажите как быть с нательным крестиком? Носить его надо или нет?

— Знаете, Петр Алексеевич, нательный крестик по большому счету это символ, — проговорил отец Константин, — Но у вас посерьезнее символ, и всегда с собой. Так что могу сказать только одно. Носить крестик вам можно, хотя бы для того что бы снизить ажиотаж и ненужные разговоры вокруг вас. Но лучше думаю нам надо посоветоваться. К нам как раз приехал Митрополит Московский и Коломенский Иоанникий, в миру Руднев Иван Максимович. Он как раз и приехал из за вашего случая.

— Вот, кстати, по поводу разговоров! Вы знаете, отец Константин, что вокруг нашей семьи и так разговоры идут? Особенно вокруг мамки и дядьки? Ну а уж после вчерашнего, каких только разговоров не наслушался, там на пристанционной площади! — я покачал головой. — М-да уж. Я и не думал, что у народа столь богатая фантазия. Надобно эти разговоры пресечь! На корню пресечь! До того, как они в свидетельства не превратились. Вот и думаю, надобно нам всей семьей службу заказать и отстоять. Во здравие или сохранение души, а так же изгнание бесов. Так и пресечем разговоры об одержимости, да и свидетельство получим.

— Задали вы задачку, Петр Алексеевич, — задумался отец Константин, — Ну пресечете вы одни разговоры, так ведь другие появятся. Если понимаете о чем я. Но тут думаю матушка вам объяснит. И опять же с митрополитом Иоанникием советоваться надо.

— Если вы о святости говорите, то понимаю. Да проблема легко решаема. Вон попрошу Дядьку Николая с кузнецом вчерашнее ведерко возле колодца установить. Сразу все поймут, что святость святости рознь. Мое благословение хрустящей корочкой закончится может, не мирный это дар. Не стоит им людей мирных пугать. Так что разговоры об этом, быстро за пределы имения разбегутся.

— Да уж, Петр Алексеевич, а я ведь хотел вам предложить в духовную семинарию поступать, — в голосе отца Константина послышалось разочарование.

— Извините, батюшка, но я Князь Голицын. И моя стезя, в мирской жизни определяется. Я вон с механиком нашим и кузнецом беседовал о Костовиче Огнеславе

Степановиче. Там очень интересные идеи высказаны были, вот чем заниматься надо. Двадцатый век на пороге как-никак, уже в дверь стучится. Так что жизнь моя с науками и военным делом связана будет.

— Ну что же. На том и порешим, — расстроено согласился отец Константин, хлопнув ладонями по коленям. — Сейчас едем в Михалоархангельский храм, и там советуемся с митрополитом. Ну а дальше, как Его преподобие посоветует, так и сделаем.

Ну вот и все. До храма часа три добираться, надо на беседу настроиться. И подготовиться к событиям в храме. Если не ошибусь и не будет случайностей, то история этой параллели может кардинально измениться. Значит быть этой параллели самостоятельным миром.

— Да, отче, поехали. Сейчас только все соберемся и в путь, — решительно заявила матушка.

— Так что же, Елизавета Петровна, нам тоже собираться надо? — удивленно всплеснула руками Николаевна.

— Да, — Ответила матушка, — И ты, Николай, тоже собирайся. Вон видите какие страсти развернулись? Надо бы их решить до того, как лавиной на нас не рухнули.

До храма добирались не спеша, потому и заняло путешествие наше аж два часа. Подъехали к пристроям, а не к центральному входу. Отец Константин подтвердил, что нас уже ждут для решения всех вопросов. Ну что же раз ждут, то не будем задерживаться. Зашли в помещение, где кроме отца Константина находились еще двое мужчин. Первый, в богатой рясе и белом клобуке с крестом, изучающе зыркнувший на меня из-под густых бровей, думаю Митрополит Иоанникий, а вот кто есть второй в генеральском звании с рыбьими на выкате глазами, высокомерно поглядывающими на окружающих даже предположений не имею. Он-то первым и завел диалог:

— Здравствуйте, Елизавета Петровна, — начал он приторно-сладким баритом опытного светского ловеласа, от чего меня передернуло, — Вы столь же прекрасны, как и на прошлом балу. Куда же вы пропали на столь долгий срок из светской жизни?

Матушка, слегка покраснев, ответила:

— Ох, Евгений Осипович, столько времени прошло, а вы все также предпочитаете кавалерийским наскоком ухаживать за дамами. Смотрю подросли в чинах, не поделитесь?

— Позвольте представиться, — с некоторой гордостью выпятив грудь, представился генерал, — Обер-полицмейстер генерал-майор Янковский Евгений Осипович, — явнс красуясь он щелкнул каблуками и, мотнув головой, залихватски подкрутил ус, — По Москве ответственность несу.

— Что же привело Вас в наше имение? — спросила матушка.

— А нас с Его Высокопреосвященством митрополитом Иоанникием привела к вам ересь и крамола, — засмеявшись, заявил Янковский, — Надобно нам разобраться, Елизавета Петровна, что на самом деле произошло на станции Ферзиково.

— Да, ладно! Вы это серьезно?! — Пришлось вмешаться мне. Нет, ну каков наглец! Они что, совсем с дуба рухнули?! Обвинять нашу семью во всех смертных грехах из-за удара молнии.

— Петр! Прекрати! — воскликнула разволновавшаяся матушка, а дядька Николай хищно подобрался. Николаевна, буквально подскочив ко мне, ухватила за руку и, глядя меня по плечу, успокаивающе заворковала:

— Ты Петенька успокойся. Ну не подумавши они это сказали, не со зла. С каждым ведь такое бывает.

В это время отец Константин бочком, бочком подбирался к выходу из кельи. Янковский удивленно смотрел на сложившуюся картину.

— Что все это значит?! — требовательно спросил Митрополит Иоанникий, сурово оглядев присутствующих.

— А, это вы Ваше Высокопреосвященство слышали страх и ужас нашей округи, — без пиетета перед высоким саном хмыкнул дядька Николай, — Если Петр Алексеевич сказали свою коронную фразу, то обязательно что-то будет. Вон даже отец Константин об этом знает, — казак с усмешкой кивнул на местного батюшку, пытавшегося слиться с темной дверью кельи.

— Да, ладно! — я никак не мог успокоиться. Но меня опять прервала матушка, в голосе ее послышалась сталь:

— Петр, прекрати!

Я нервно дернул плечом, подошел к столу и сел на стоящий рядом стул:

— Я всего лишь хочу сказать что мне и двенадцати еще нет! Нашли тут Емельяна Пугачева! Какая ересь?! Какая крамола, я вас спрашиваю?! Да и вообще, это оскорблением пахнет! — я зло посмотрел на обер-полицмейстера, — Я и вся моя семья дворяне! Князья! Я ведь и на дуэль вызвать могу! И не посмотрю на должности и звания! И не имеет значения что мне двенадцать! Вы что же хотите сами себе врагов выращивать?! И дар мой пусть и разрушительный, но это Дар. Он свыше мне дан. Дядька! — скомандовал я Николаю, — вон самовар на столе, вылей кружку воды на тот табурет у стены. Дядька, поколебавшись, все-таки выполнил мой приказ. Я, не вставая, повернулся к табурету и вытянул руку в его направлении. Ну и дал команду на удар молнией. Табурет разлетелся на составные части, хорошо хоть не загорелся. — Мой дар совсем не мирный. Я меч и разрушение, — я тяжело посмотрел сначала на Янковского, потом на митрополита, — И могу только почувствовать тем, кто с дури подумает что я щит и защита! Не дано мне этого. Благословение в моем исполнении хрустящей корочкой кончится может для окружающих. Да и что бы одного благословением вылечить, полплощади спалить могу. Не собираюсь я его без необходимости использовать. Но если вынудите! — на мои губы напозла жесткая и злая усмешка, — Я все сделаю для безопасности своей семьи. Так что не рассчитывайте что возьмете моих в заложники и будете из меня веревки вить. Всех найду! — и немного помолчав, чтоб прониклись моими словами, продолжил, — Приехали мы сюда, чтобы подтвердить, что дар мой Богом мне дан. И в обязательном порядке надо мне исключить одержимость, документально это подтвердив. Мне бесы не нужны, сам их поджарю. И еще, господин обер-полицмейстер, — требую проверить и подтвердить, что это не происки врагов Российских. Заранее предупреждаю, для меня существует только православие и Российская Империя. Все для Империи! И за попытку извратить мои слова, руки и ноги с языками извращу. Так извращу, что через поколения вспоминая креститься будут! — немигающим, бешеным взглядом я обвел всех присутствующих. Вывели! Ересь и крамолу они ищут! Не там ищут!

Отец Константин побледнел и стал быстро креститься приговаривая:

— Господи, спаси и сохрани. Убереги от пришествия времен новых, не бывалых.

Ой знает что-то отец Константин. Не может не знающий так реагировать на все. Вот и еще один кусочек мозаики вспомнился и на свое место уложился. Видно кто-то сообщил ему тайну нашей семьи. Святые отцы из воспоминаний Петра и моих знаний не больно-то церемонились с дворянскими детьми. Могли и розгами отходить. А меня почему-то даже за ухо по малолетству с опаской таскали. Возможно сама матушка и рассказала. Хотя нет. Наверяд ли. Вяземские? А им зачем? Надо будет потихонечку окружающий народ на откровенные разговоры между собой подбить. Думаю много чего интересного узнаю.

— Да уж. Не ожидал я такого, Петр Алексеевич, — устало сказал Митрополит, — Отец Константин, отойди от двери. И накрой на стол что ли, чаю попьем. Успокоимся и мирно решим все вопросы.

Янковский молча подошел к столу и сел рядом с митрополитом. Вот чувствуется военная жилка. Рядом не пойми что молниями разбрасывающееся сидит, да об одержимости речи спокойно ведет, а он даже усом не ведет, на матушку заглядывается, наверняка сейчас шутками гусарскими кидаться будет. Пришлось посмотреть на матушку, и выразительно посмотрев ему в глаза поднять руку, пуская молнии между пальцами.

— Петр, прекрати, — попросила матушка.

— Ну если не будет задета ваша честь, то я, как бы, ничего и не делаю, — сказал я,

ласково улыбаясь Янковскому, — Не мне решать, как жить окружающим. Я только подлечить могу. В добровольно-принудительном порядке!

— Знаете, Петр Алексеевич, давайте без воспитательных и лечебных процедур обойдемся, — хохотнул Янковский, — А с матушкой Вашей мы уже много лет знакомы. Мы с князем Голицыным в очень хороших, почти дружеских отношениях состояли. Да и не смотря на ваши возможности, мне все равно придется с вами беседы провести, чтобы доклад в столицу составить. Это необходимо, — он примиряюще развел руками, — донесения о случившемся еще вчера разными инстанциями направлены были.

— Ох, Петенька, как быстро ты вырос, — счастливо вздохнув с любовью и гордостью сказала матушка, — Защитником стал.

— Дел-то! Совсем ничего, — улыбнулся я, — Всего-то, молнией промеж глаз получить. Успокоившийся отец Константин, наконец-то оторвался от двери, но, постояв и подумав, выглянул из кельи и попросил подать чай. Пока служки суетились, готовя стол к чаепитию и попутно убрав обломки табурета, в комнате стояла тяжелая тишина. Наконец, стол был накрыт и все стали рассаживаться. Мамка с Дядькой сели в стороне ото всех, вроде как не их это дело, с барами сидеть.

Нет, все-таки надо показать свой гонор. Иначе разговора не будет. Так и будут все подряд указывать, что мне делать. Митрополит вроде адекватный, обязан сообразить, чем все может кончиться. Я посмотрел на дядьку. Хитрый казак усиленно делал вид, что не замечает моего взгляда. Пришлось, взглянув на Янковского, поиграть пальцами правой руки, правда без громов и молний. Я все конечно понимаю, здесь не Евгений Осипович играет главную роль, но предложить что то он ведь может?

Разрядил обстановку митрополит:

— Здесь все дети Божьи. И грех рассаживаться по разным столам общие вопросы решая. Рассаживайтесь за общим столом, так нам всем проще будет.

Чаепитие оказалось необычайно спокойным. Разговоры вели в основном матушка, митрополит и Янковский. Так, ни о чем. Только немного успокоившись и попривыкнув друг к другу Владыко обратился непосредственно ко мне:

— Петр, ты вот заявил, что приехал в храм за подтверждением, что у тебя Божий дар. А если это не так? Сам вон об одержимости печешься, и избавиться желаешь. Что делать будешь? Да и сам ты сказал, что разрушительный дар твой. Значит надо под контроль его ставить. А где? Ты ведь не единственный такой. В хрониках есть упоминания, да и в библии об этом прямо говорится. Надобно тебе в духовную семинарию обратиться. Там тебе точно помогут и на путь истинный направят. И даже если это не от бога дар даден, то оградят там тебя от происков нечистого.

А ведь интересно Митрополит к делу подходит. А как остальные относятся к данному вступлению? Матушка и дядька слушают внимательно, но одобрения не показывают. Мамка хоть и достаточно набожная, но опять же не вижу согласия со словами митрополита в ее взгляде. Янковский, тут все понятно. Его эти танцы с бубнами пока что не касаются. А что это отец Константин взгляд отвел и делает вид, что чаем занят? А давайте-ка мы тему чуть-чуть уведем в сторону и проверим что скажет батюшка. Не знаю почему, но кажется мне, что его поведение даст понимание, как действовать дальше. Мне конфронтация не нужна.

— Отец Константин, скажите, а почему у вас такая реакция была на мои слова? Вроде мой дар и не мирный, но не настолько всемогущ, чтобы так реагировать на него. Вы ведь не сбежать пытались. Стражи с ружьями за дверьми точно нет. Стойте! Вы это серьезно? — я

удивленно хохотнул, все как-то сразу напряглись. А я сразу же поднял руки, — Я просто высказал удивление. Отец Константин вы серьезно хотели позвать служек? Чтобы при таком количестве людей я удержал свой дар в узде и не нанес вреда окружающим?

Немного помолчав отец Константин ответил:

— Понимаете, Петр Алексеевич, Ваш дар просто выделяет Вас среди многих и не более того. Но еще утром беседуя с Вами я заметил, что дар ваш вполне подконтрольный, и к самостоятельным действиям не склонен. Даже более того скажу, вы его как бы сами подталкиваете к действиям. У нас храм хоть и не из древних, молодой можно сказать, но библиотека и архив есть. Прихожане многие документы жертвуют. Архив не богатый, но и у нас есть ценные экземпляры. Москва-то вон она, под боком. Тут кругом места исторические. В основном гравюры и жизнеописания у нас. Но и из ранних времен тоже есть. Я ведь историей люблю заниматься. Вот и перебираю, классифицирую архив. Есть у нас детские гравюры Петра Алексеевича Романова. Да и годы жизни его, в империи все знают. Особенно деяния его. Вы ведь в зеркале себя часто видите.

А вот это уже серьезное и опасное заявление. Это же надо как из неверных предпосылок сделать верные выводы! Вот и понятны стали перешептывания в народе о нашей семье. Меня как бы и нет, а бастард вот он бегаёт. Политика, копытом ее по ниже спины. Придется частично раскрыть истину. Мне нужна поддержка церкви. Иначе сожрут. Но вот под их дудку, я плясать точно не буду. Матушка вон как побледнела, митрополит напрягся так, что напряжение это в комнате физически чувствуется, только что не искрит. Да и Янковский в стойку встал, как борзая на след. Рано. Ой рано разговор начался. Мне бы еще года два отыграть. Придется идти по возможности в открытую. Попробую перетянуть митрополита на свою сторону через конфронтацию. Что-то долго думаю, пора разрядить обстановку.

— Романов значит. Ну а что, действительно пугающе звучит. Вы отец Константин намекаете на известную истину, — рассмеялся я, — что всегда приятно поговорить с умным человеком, особенно если это ваше, собственное отражение в зеркале?

— Сын мой, не следует глумиться над собеседниками при столь серьезных разговорах, — вмешался митрополит.

— Ваше Высокопреосвященство, зачем на себя брать чужие грехи? Тем более что по закону-то и греха быть не может. Вы же знаете что я не ваш сын. А императорская семья Богом поставленная править на земле, и бастардов, ублюдков по определению иметь не может. Тут даже разговоры об этом на измену тянут. Да и императорская семья если честно правильно все делает. Бастардов не признает, чтобы сущности не плодить. А сразу дает иное имя и титул, все вопросы этим закрывая. Примеры имеются. Ну а мне-то и этого не надо, все и так есть. Так что от родства по крови я не отказываюсь, кровь ведь не водица. Но формально родства не признаю! Сам не признаю! Мне смута в Империи не нужна. И даже указы этого не изменят, все равно не признаю. Я законнорожденный и крещеный Князь Голицын! Сын матушки своей Княгини Елизаветы Петровны Голицыной. На радость и умиротворение души ей рожденный! Вы вот отец Константин внешнего вида и совпадением в датах испугались. А совпадения-то и нет. Не собираюсь я потешные полки создавать. Зачем? Если уж понадобится так, через дядьку казакам клич брошу. И поведу их за собой. Им за зипунами, а мне за землей на кормление. Вон Наполеон, захотел и стал Императором. Всю Европу под себя прибрал. А я чем хуже? И в предках у меня никто нибуль, а сам Петр Великий! Да и не для себя все таки. Я матушку на трон посажу. Пусть порадуется. Она ведь у меня молодая еще. Видная и красивая, ей ведь тоже счастье, да радость в жизни нужны, — я

с вызовом посмотрел вокруг. Ты смотри, как их всех повело. То, что у дядьки есть заветная фляжка с лекарством, это все знают. Вон достал уже, правда руки потряхивает, крышку открутить не может. Но Янковский-то каков! Тоже достать такую же пытается, а она из пальчиков-то и выскальзывает. Отец Константин и мамка крестятся, бормочут чего-то непонятное. Да и митрополит с матушкой побледнели чего-то. Видно свечей много горит, воздуха не хватает. Ну оно так и есть, душновато. Надо бы сказать что бы двери открыли, хоть так свежий воздух поступать будет. Не из-за моих же слов реакция такая. Вполне себе безобидные слова. Ведь правда?

— Петенька, что же ты говоришь-то такое? — взволнованно воскликнула матушка.

— Дядька, а ты ведь не говорил о разговоре нашем на станции, матушке, — не столько вопросительно, сколько утверждающе проронил я.

— Нет, Петр, не говорил. Такие вопросы часто мальчишки задают. Те кто без отцов растут. Не посчитал их важными. Хоть и разговоры по округе о твоей причастности к императорской фамилии и ходили.

— Понимаете, матушка, я ведь в библиотеку заходил. За день до отъезда на станцию. Вот Вы считаете что Бог Вас наказал. Не так это. Он меня наказал на станции. И не наказал даже, а поучил. Жестко, можно даже сказать жестоко, но поучил. Я ведь хотел наши проблемы на чужие плечи скинуть. Ну а что? Скинул свои проблемы на чужие плечи и живи припеваючи дальше. На следующий день после станции и хотел поговорить с отцом Константином. Не бледнейте так святой отец, я уже понял какие проблемы мог создать. В общем, в библиотеке никого не было, и на столе лежали документы по нашему имени, вот и захотел их посмотреть, — немного помолчав и отпив чаю, продолжил. — Там среди документов Ваш, матушка, личный дневник оказался. Но я-то этого не знал! Отец Константин, раз Вы подозревали что-то, почему с матушкой не поговорили? Она ведь не последний человек в нашем приходе, да и помощь безвозмездную оказывает всей округе.

— Понимаете, Петр Алексеевич, грех это без спроса в чужую душу лезть. Беседы нужны вести с теми, кто сам за помощью и утешением духовным пришел. Ну а сами беседы проводил конечно. С мамкой вашей. И она очень просила пресекать и не допускать разговоров таких. Очень ей хотелось что бы Вы спокойно росли, без внимания пристального со стороны.

— Мамка, ну а ты то откуда о нас узнала? Мы же много позже жить вместе стали!

— Эх, Петенька, какой же ты еще маленький и глупенький. Столько лет вместе прожить и ничего не узнать? — мамка замолчала и покачала головой.

— Так что же такого Вы узнали, Петр Алексеевич, что Вам совет посторонних потребовался? — спросил митрополит.

— Знаете, Ваше Высокопреосвященство, Калужская губерния по сути большая деревня, на одном конце чихнешь, на другом уже здоровьица желают, вот все наши тайны и окзались секретами Полишинеля. Но все таки обсуждать, и тем более осуждать жизнь матушки не буду. Я поддержу ее во всем, какое бы она решение не приняла. Так что извините, — и развел руками.

Митрополит смотрел на меня как-то неверяще и удивленно. Матушка взволнованно и благодарно. Ну а дядька Николай положил руку на плечо, надавив так, что все заметили, это чтобы не дергался видимо, и заговорил:

— Не удивляйтесь, отец Иоанникий. Мы когда с Петром со станции возвращались завели разговор о случившемся. Петр заметил что он изменился, по другому вести себя стал.

А объяснить это не смог. Да и я не могу. Вот и думать он стал об одержимости. Да только, я думаю, он просто взрослым стал. Как и почему не знаю. Я вообще не понимаю, как в детском теле взрослый может быть. Взрослость ведь жизненным опытом определяется. А откуда у двенадцатилетнего мальчишки, который только учится, может взяться опыт взрослого человека? — дядька покачал головой и перекрестился, — Вот это то и непонятно. Нет, не одержимость это. Все тот же Петр перед нами, только взрослый. Вот и ведет он разговоры по-взрослому. Тяжело же ему с окружающими придется, ведь никто его разговоры серьезно воспринимать не станет. Как бы даром он своим, всех убеждать не начал. Много обиженных и напуганных ведь будет. Он ведь взрослый не во всем, а только в отдельных моментах. А так как был дите, дитем и остался. А что будет, когда действительно взрослеть начнет? Когда мужское естество свое возьмет?

Я не выдержал и скинул его руку:

— Прежде всего головой своей думать буду! И зная о последствиях, от ответственности не побегу. И проблему не прячась сам решу! И вообще почему я должен быть князем на бумаге, фиктивным князем? Князем может быть только тот, кто народом призван на княжение. Так что некогда мне ерундой заниматься, учиться и готовиться надо. Земель свободных в мире еще много. Вот и возьму под свою руку свободные, и матушку на трон посажу. Будет у нас новая династия удельных князей. Чем плохо? Кому от этого вред будет?

— Вот видите Святой Отец? Бесовщины тут и рядом нет и не было. Мальчишка сс взрослым разумом в раздрай пошли. Это не одержимость. Это кровь Петра Великого разыграла и своего требует. Да и еще и идея эта матушку на трон посадить. И ведь посадит! Да даже я ему в этом помогу, — дядька лихо и зло усмехнулся, — Тут понять надо где он взрослый, а где ребенок из-за отсутствия опыта. Тяжело это, а нам вдвойне тяжелее будет, с его то молниями в виде убеждения, — он радостно хохотнул, — Да и тут не все так просто оказывается. Сегодня утром мы на саблях позанимались немного. Так Петр против прежнего вдвое быстрее, гибче и сильнее стал. Когда сказал ему об этом, так он ответил, что сила эта не его. И не знает он когда она закончится. Подвести она его может в любой момент. Так что использовать ее нужно только для тренировок и обучения. А вам, отец Константин, что Петр ответил на вопрос о силе? Что пугать не зачем, а убивать некого. А на станции он что сотворил? Мужичка извозчика молнией приложил со словами Пусть Воздастся Тебе Пс Делах Твоим! Мужичок-то весь перекореженный, да перекрученный был. Простудился он, под лед в прошлом году провалившись. Как выжил, до сих пор односельчане удивляются. А тут молнией его шибануло. Да так что он на несколько шагов отлетел. Думали все прибил. Ан нет, мужичок вскочил и смеется, весь ладный такой стал, да не покореженный. Сам чуть ли не в пляс вокруг нас, да колесом. И приговаривает все: "Ну старая я тебе покажу на что я гожусь, да чего могу сегодня ночью". Еле угомонили. Вот так вот. Так ведь все равно Петр сомневается, не зная границ силы своей. Применять не желает. Я всяких людей на своем веку встречал, да и учился тоже. И с людьми умными и учеными беседы вел. Встречал и таких, кто будучи взрослыми детские порывы имеет, их максималистами называют. Но что бы дите взрослый ум имело не встречал. Тут только одно сказать могу, это Петр. И в нем кровь предков великих разыграла. А в таком случае ждите перемен, не смогут такие тихо сидеть. Слава Богу, что против Российского трона и Российской Империи зла не держит. Но как быть с остальным миром? Не вижу я у Петра уважения к остальному миру. А зная повадки послов иностранных, то и вообще плохо получится может.

Вот дядька всех загрузил. Теперь долго переваривать будут. А глаза то какие у всех

ошарашенные!

— Скажите Петр Алексеевич, — обратился ко мне Янковский, и куда только делось его высокомерие. Видимо решил тему сменить, да обстановку разрядить. — В начале нашего разговора прозвучали странные слова. Меч и разрушение, и щит и защита. Объясните их пожалуйста.

— Скажите, Евгений Осипович, вам понятно будет такое высказывание? Вечная борьба меча и щита. Вы можете их нам объяснить?

Янковский рассмеялся:

— А что тут объяснять, если это действительно так. На протяжении веков совершенствуется оружие и соответственно защита от него. Это противостояние было до нас, идет при нас и будет после нас.

— Меня дядька Николай воинскому искусству учил. Индивидуально и индивидуальному искусству. Ну матушка еще книги покупает, не очень сложные, по воинскому делу. Не улыбайтесь, Евгений Осипович, я прекрасно знаю, что в воинской науке отношусь к категории всезнающих кое-какеров.

— Как-как? — весело воскликнул Янковский, — Очень интересное и обидное выражение. Никогда его не слышал. Петр Алексеевич, разъясните его, пожалуйста. Очень интересно будет применять его в соответствующей обстановке.

— Мы все можем когда-нибудь, где-нибудь, что-нибудь и как-нибудь делать. Но задумайтесь, а нужно ли нам то, что сделано кое-как? Такое разъяснение подойдет?

— Гениально! — восхищенно мотнул головой Янковский, — Сколько же у нас этих кое-какеров в империи. Я ведь и сам с такими встречался, но ни разу об этом не задумывался. Нет этим выражением надо будет обязательно поделиться со своими. Но простите, я перебил вас, прошу продолжайте.

— Так вот, вы все таки напрасно смеетесь надо мной. Понимаете, некоторые науки имеют общие образующие корни. Вот, можно попробовать привести такой пример. Мне преподают математику, географию, астрономию, химию и геологию. Вроде бы какое это может иметь отношение к воинскому делу? А ведь с помощью этих наук можно освоить ориентирование по карте, вычисление долготы и широты днем и ночью. А если учесть что дядька учил меня ориентироваться на местности и использовать ориентиры и описания местности. То я хоть и уступлю строевому командиру по опыту, но все равно выйду в заданный район и в заданную точку. Или еще пример. Вы ведь не артиллерист?

Янковский аж поперхнулся от возмущения:

— Я между прочим, Петр Алексеевич, Михайловскую Артиллерийскую Академию окончил! — видно было что своей альма-матер генерал-майор гордится.

— Тем более, Вам легче будет понять мое объяснение. Только представьте командира далекого от артиллерии, который, если не будет рядом с ним нужного специалиста, команду сможет дать приданной артиллерии, лишь махнув рукой и сказав стрелять в ту степь, — Янковский, улыбнувшись на мои слова, кивнул, а я продолжил. — Я же хоть и мучительно долго и вероятно с большими ошибками, но смогу рассчитать обстрел заданного района с закрытых позиций по карте. Вот так вот. Но мы опять отвлеклись от нашей темы. Учась у дядьки и изучая книги по воинским наукам, я для облегчения понимания военного дела поделил воинов на две категории. Это воины одиночки, имеющие высокопрофессиональную индивидуальную подготовку. И да время таких уже проходит. И воины строя, имеющие высокопрофессиональную групповую подготовку на базе общеобразовательных военных

учреждений. За ними, кстати, будущее в современном мире и воинской науке. Как вы понимаете, в поле строй всегда затопчет индивидуала и даже не заметит его, как бы хорошо не был подготовлен индивидуал. Увы закон больших чисел, еще никто не смог оспорить. Вообще воины строя предназначены в наступлении проломить оборону противника и перемолоть основные его силы. Это не меч, это кувалда. И в дальнейшем выдвинуться в заданные районы с целью организации обороны до подхода основных сил. Ну здесь все понятно, задача нарушить коммуникации, управление и обеспечение обороняющегося противника. У обороняющейся стороны задача стоит та же, но сразу. Без всяких прорывов, то есть она уже имеет преимущество в этом плане. Как видите у воинов строя первоначальная задача стоит оборона, даже если это наступление. Воины с индивидуальной подготовкой не в состоянии работать от обороны в виду индивидуальной работы в поле. Они способны только разрушать и уничтожать. У них просто нет сил и возможностей защищать и укреплять. Это вот деление применимо к воинам общегосударственного строя. Заметьте индивидуальная подготовка в данном случае применима и к малым группам и объединениям воинов. И как бы не казалось что индивидуальная подготовка уже не нужна, но требоваться будет всегда. Да хотя бы для той же разведки. То есть там где строй кроме вреда ничего не принесет. Вот эти вот рассуждения и привели меня к попытке разделить уже самих людей воинского сословия на две категории. Это воины разрушители и воины защитники по складу характера. Разрушитель в принципе защитить не может. Отомстить да, не допустить может быть, но защитить нет. Защитник же всегда найдет способ как защитить и не допустить уничтожения или разрушения. Такова природа наша. И сопротивляться ей, только портить порядок вещей. А значит восстать против законов природы и божеских. Я смог ответить на ваш вопрос? Если нет, то извините — я развел руками, — образования пока что маловато, мне еще многому учиться надо.

Картина получилась веселая. Янковский и дядька Николай смотрели растерянным взглядом на окружающих. Матушка и мамка не понимающе. А отец Константин креститься устал наверное, у него же скоро так рука отвалится!

— Да уж, о таком я не задумывался. Надобно вам Петр Алексеевич в кадетский корпус поступать, а потом в академию. Не те у вас знания. В военных учебных заведениях другому учат, — сказал растерянный Янковский.

— Евгений Осипович, Вы, наверное, как и все старые генералы к прошедшим войнам готовитесь, — рассмеялся я, — А в академиях у нас наверное до сих пор построение римской пехоты изучают. Забудьте! Двадцатый век к нам в дверь стучится. А это новые знания и новые науки. И ускорение научно-технического прогресса. Что тянет за собой новую технику, оружие и новые требования к воинской науке. Кто первый это поймет, тот и будет иметь неоспоримое преимущество в новой войне и соответствующие преференции.

Янковский аж покраснел возмущенно глядя на меня, но промолчал. А ведь весело. Двенадцати летний пацан генерала строит. Если бы не мой дар, он бы меня наверное максимум розгами отходил на заднем дворе. Ну или за уши оттащил в виду моей непонятной сословной принадлежности. Вот чем хорошо сословное общество? Тем что на возраст здесь конечно смотрят, но и про вертикаль сословной власти не забывают. Нет разницы в возрасте, если ты барин. Тут и двенадцати летний двадцатилетнему указывать может, что и как делать. Хотя для меня это дико и смешно, но уввы реальность такова. Надо это учитывать, да и вообще научиться опосредованно с людьми работать, через третьих лиц, не вылезая на первые роли с перстом указующим. А то таких дров наломаю, что самому тошно

станет. С людьми этого времени могут работать только те, кто вырос и воспитан этим временем. Не мне лезть в отлаженный механизм. Сколько же мне помощников надо! Ладно, пора обстановку разрядить. Потянувшись к чаю и попробовав его, сказал ни к кому не обращаясь:

— Холодный.

Отец Константин как-то излишне торопливо выскочил распорядиться заново накрыть на стол. И опять в келье установилось молчание. Все о чем-то думали. Митрополит вообще ушел в себя, смотря в пространство пустым взглядом. Чай тоже пили в полном молчании, тягостном каком-то молчании. Никто не решался начать разговор. Наконец, митрополит нарушил тягучую тишину:

— Знаете, Петр Алексеевич, но мне придется все таки направить вас в духовную семинарию.

Я вскинулся, чтобы ответить, но Митрополит поднял руку, останавливая меня, — А будете сопротивляться, лично обращусь к Его Императорскому Величеству. И тогда Вас ждет монастырь. Под конвоем отвезут. Решайте.

Все игры кончились. Я протянул руку к пустой глиняной кружке. Обхватив кружку пальцами, представил как молнии охватывают мою руку. Получилось эффектно. Не стоит всем знать о моих реальных возможностях, потому молния сейчас выступает прекрасной маскировкой. Рука одетая в перчатку из молний обхватившая кружку. Выглядит довольно завораживающе. Подняв кружку на уровень глаз стал наблюдать как молнии стали охватывать ее со всех сторон.

— Сбегу, — произнес я, когда кружка оказалась полностью покрыта молниями. И в тот же миг она осыпалась тонкой стружкой глиняной пыли. Не быстро, но таким тоненьким ручейком. От верхних краев, до доньшка. Только не воды, а пыли. Все заворуженно смотрели на горку пыли на столе. Митрополит нахмурился.

— Петр Алексеевич, а куда побежите если не секрет? — спросил отец Константин.

— Я как-то слышал прекрасную поговорку. «Дальше боя не пошлют. Дальше Сибири не сошлют.» Войны у нас нет. А куда меня еще сослать можно, если я сам в Сибирь побегу? Ну не в Крым же? А Сибирь хоть и большая, но дальше то уже ссылать некуда. Разве что на Сахалин, так ведь и там развернуться есть где. Если с умом к делу подойти. Там ведь так обустроиться можно, некоторые монархи позавидуют. Ну, а Сибирь это вообще благодатный край. Да суровый, да не освоенный. Но богатый. Еще величайший Ломоносов говорил: "Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном". Те края благодатные столетиями еще осваивать можно и должно. И мы опаздываем на эти самые столетия. Если туда сбегу никаких армий мира не хватит, чтобы меня от туда выкурить, — матушка ахнула, а я с вызовом посмотрел на митрополита.

— Петр Алексеевич, это ведь бунт и крамола, — сказал Янковский, — А Вы сами говорили что против империи не злоумышляете.

— Вот мы и подошли к главному. Как быть с нательным крестиком? Что делать с меткой на мне? Как провести благодарственный молебен? Как подтвердить что не одержим я при всем народе? Нужно ли при всем народе крест целовать, что не злоумышляю я против империи нашей, и не допущу смуты и раскола ее? А по поводу Сибири. Так Евгений Осипович говорил я ведь уже, на фамилию, и уж тем более на трон не претендую. А в Сибири. А что в Сибири? Ну захочется Его Императорскому Величеству войска в слаживании потренировать, так ведь это же на пользу для империи нашей пойдет. От этого

только сильнее наши войска станут.

— Что за метка у вас Петр Алексеевич? — спросил митрополит, будто и не было меж нами разногласий, хитрый поп, чую я, попьет он еще мне крови, если не договоримся, — И при чем тут нательный крест?

Пришлось молча встать и скинуть с себя рубаху. Митрополит увидев четкий отпечаток нательного креста и цепочки серебристого цвета перекрестился и откинулся на спинку стула.

— Понимаете, Ваше Высокопреосвященство, крестик и цепочка серебряные были. Это вон и по серебристому оттенку отпечатка видно. Вы представляете себе, какая температура должна быть что бы серебро в одночасье испарилось? Меня ведь цепочка должна была обезглавить, — все дружно побледнели и стали креститься, — но доктор, который на станции был, подтвердил что отпечаток имел вид застарелый. А дядька подтвердил, что след разрывов не имеет, каждый узелок и звено четко отпечатались и рассматриваются. Да и сегодня наш доктор сказал, что ожог имеет вид многолетней давности. Никаких воспалений.

— При таких условиях с новым крестиком второе имя дается. Здесь никак без семинарии и монастыря не обойтись.

— Сбегу! — но митрополит остановил меня властным взмахом руки.

— Такие вопросы в одночасье не решаются. Придется в Санкт-Петербург ехать. Крестик соответствующий есть у меня. У входа в храм при всем честном народе получите его. И целовать будете, и клятву на верность Престолу Российскому и Российской Империи принесете. Задумку Вашу одобряю. После клятвы и войдете в храм. Провести ее надобно при всем народе незамедлительно. Но как крестик оденете носить его будете до принятия окончательного решения. С ним вас крестить будут и новое имя дадут. Тут уж какое решение примут, я не знаю.

— А может правда в Крым? — задумчиво обратился Янковский к митрополиту. — Казаков возьмем, я своих сейчас подтяну. Повяжем и в вагон. А там напрямиком в Крым.

Глядя выразительно на Янковского взял пустое блюдечко, и в полной тишине стал сметать кучку глиняной пыли в него.

— Это Вы, Евгений Осипович, по прообразу с Наполеоном предлагаете? Его значит не остров Святой Елены, а меня в Крым? А там ведь такой котел с нечистотами бурлит, что если рванет вся Европа всколыхнется. Посудите сами. С одной стороны Турция, с другой Балканы с Австрией. И ни к тем, ни к другим, да и к третьим я пиетета и уважения не имею.

Я задумчиво помолчал и потянулся к чаю.

— А чем же вам Балканские народы-то не угодили. И тем более Австрия, она ведь союзник наш. А вы ее хулите. Да и балканские народы родственные нам, братья наши, Славяне.

— Балканские народы может быть и славяне. Да только выродились они. Мелкая у них душонка, продажная. Предать они готовы. А Австрия только на бумаге союзник, а сама нож в спину готова сунуть. О том история за последнее столетие однозначный ответ дала. Нет им доверия, и дел с ними я иметь не желаю.

И вот тут меня заклинило. Не ожидал такого. Вспомнился мне сказ о Федоте стрельце Филатова. А к архивам я еще доступа не имею. Приходится своими мозгами шевелить, так ведь и мозги пока еще заемные. Когда они еще своими станут! А вспоминать я начал его усиленно, аж мозги задымились и заискрили. Видно надолго я завис, раз меня дядька ударом в плечо из такого состояния вывел.

— Петенька, что с тобой? — забеспокоилась матушка.

— Да вот вспомнилось. Нет, сложилось в голове. Сказку я сложил матушка, в уме вроде красиво получилось. А как на бумаге? Мне бы записать ее.

— Это как ту песню, что ты утром напел? — спросил дядька.

— Да что песня, я ее хоть сейчас на бумаге изложить могу. Тут сказка.

— Так ты же ее матушке напеть обещал, — возразил дядька.

— Пустое. Обещал, значит напою, — махнул я рукой.

— И что же за сказка? — заинтересованно спросил митрополит, — Не перескажите?

— Очень уж большая она, но вот отрывок сейчас попробую подобрать:

"Скоморох-потешник

А царь с послом уже сидят за столом.

Рядом — ты глянь-ка! — царевна да нянька.

И все ждуют от Феди обещанной снеди.

Какая ж беседа без сытного обеда?

*А на столе пусто: морковь да капуста, укроп да петрушка —
вот и вся пирушка.*

Гость скушает, ботфортой качает, дырки на скатерти изучает.

Царь серчает, не замечает, как Федьку по матери величает.

*Вдруг — как с неба: каравай хлеба, икры бадейка, тушеная индейка,
стерляжья уха, телячьи потроха — и такой вот пицци
названий до тыщи!*

При эдакой снеди — как не быть беседе!..

Царь

Вызывает антирес

Ваш технический прогресс:

Как у вас там сеют брюкву —

С кожурою али без?..

Посол

Йес!

Царь

Вызывает антирес

Ваш питательный процесс:

Как у вас там пьют какаву —

С сахарином али без?..

Посол

Йес!

Царь

Вызывает антирес

И такой ишо разрез:

Как у вас там ходют бабы —

В панталонах али без?

Посол

Йес!

Нянька

Постеснялся хоть посла б!..

Аль совсем башкой ослаб?..

Где бы что ни говорили —

Все одно сведет на баб!

Царь

Ты опять в свою дуду?

Сдам в тюрьму, имей в виду!

Я ж не просто балабоню,

Я ж политику веду!

Девка эвон подросла,

А тоща, как полвесла!

Вот и мыслю, как бы выдать

Нашу кралю за посла!

Только надо пользы для

Завлекать его не зля —

Делать тонкие намеки

Невсурьез и издаля.

Нянька

Да за энтого посла

Даже я бы не пошла, —

Так и зыркает, подлюка,

Что бы стибрить со стола!

Он тебе все «Йес» да «йес»,

А меж тем все ест да ест.

Отвернись — он пол-Расеи

Заглотнет в один присест!"

Не знаю как митрополит сдерживался, но видно с трудом. Смех так и проскальзывал в глазах. Дядька просто положил голову на стол и в открытую смеялся. Мамка смеялась прикрывшись ладошкой и приговаривая.

— Вот ведь, и про меня не забыл.

Янковский отвернулся и ржал. Ржал, как гусарский Конь. Ну а матушка встала из за стола подошла ко мне и провела профилактическую работу в виде подзатыльника со словами:

— Что же ты такое говоришь бесстыдник. Мал еще такое говорить. Да и иностранцев позоришь на весь мир. Это же политический скандал может получиться.

Ну вот как можно проводить серьезные воспитательные беседы, еле сдерживаясь от смеха?

— Петр Алексеевич, Вы когда сказку на бумаге изложите, вначале мне ее представьте, — сквозь смех попросил Янковский.

— Я-то представлю. Да только ведь Вы ее потом мне не вернете.

— Это как водится, — подтвердил Янковский, — Но зато рецензию оформим, как положено, со всеми подписями от нашего ведомства. И даже в рамочку вставим.

— Вот ведь, — сделал я вид что пригорюнился, — А у Ершова Петра Павловича Конька-Горбунка читают. И ни к какой политике его сказку не привлекают. Все опять рассмеялись. — Ну и ладно. Мне и в Крыму будет чем заняться! Дядька, ты не знаешь, казачество на Дону еще не все мхом заросло? Найдутся желающие не только за зипунами, но

и за славой и доблестью воинской пойти? Матушка, Вам нравятся благословенные берега Средиземноморья? Не хотите там княгиней быть? Вы не волнуйтесь народ тамошний на вас молиться и боготворить будет. Правда, наверное, придется новый вид алычи и инжира вывести, на ветвях которых янычары созревать будут.

Дядька Николай рассмеялся. Митрополит, покачав головой, заметил:

— Это Вы, Евгений Осипович, не подумавши предложили Петра Алексеевича в Крым сослать. Скажите, Петр Алексеевич, а почему вы так матушку на трон посадить хотите? Землю вроде сами воевать пойдете, а на трон все равно матушку сажаете.

— Мал я еще, Ваше Высокопреосвященство, погулять хочу. Да и как представлю что весь день придется на неудобной табуретке сидеть, железную шапку тяжеленную на голову напялив, так передергивает всего. Там ведь и остается то, что весь день выкрикивать будешь: "Мороженное мне, пирожное!" Знаете как это называется? Тунеядство! За такое смело можно в Сибирь отправлять, на перевоспитание. Эх Сибирь, не край, а мечта!

Тут уже и Янковский не выдержал и рассмеялся. Митрополит же махнул рукой и скомандовал:

— Так, давайте, отец Константин, отправляйте служек народ собирать. Вы, Петр Алексеевич, перед храмом крестик получите и клятву принесете. Бесов и одержимости в вас нет, так что только благодарственным молебном обойдемся. А выписку о том, что вы чисты перед Богом, я сам выпишу со всеми свидетельствами.

Все дело сделано. И молебен придется отстоять с малой кровью. Никаких ночных бдений. А уж служба при всем народе прикроет меня, как каменной стеной. Отыграть уже никому не получится. Да и заготовочки есть у меня в рукаве. Осталось как-то пережить в ближайшем времени встречу с Романовыми. Они ведь при таких исходных данных могут изменить своим правилам. Могут ведь и матушку за Алексея Александровича выдать. Законы-то они пишут. А мне Восточные Княжества в не столь далеком будущем создавать. Что теперь вместо матушки его на трон сажать? Ладно попаданец я, или погулять вышел? Буду использовать основной Дар всех попаданцев, Дар убеждения. Главное к этому дару еще и револьвер с патроном крупного калибра приберечь. Договоримся как-нибудь.

Пока служки бегали оповещать народ, пока готовились к службе, время быстро пролетело. Настала пора выйти нам всем ко входу в храм. Митрополит, отец Константин и Янковский пошли первыми и с разу ко входу. Ну а я, матушка, мамка Николаевна и дядька Николай по договоренности обошли площадь, и подошли к храму сквозь народ.

Проходя по людскому коридору, стал накачивать ауру духовной энергией по максимуму. С жестким контролем на рассеивание. Мне случайности не нужны. Войдя в храм нужно будет отпустить духовную энергию беря под контроль максимальную площадь храма как можно быстрее. Там придется четко работать, буквально по секундам совпадая со своим планом. Иначе вместо Богом благословленным, стану антихристом, которому даже храмы не страшны.

Интересный момент, кстати, обнаружился. При плотной накачке ауры духовной энергией окружающие ее чувствуют и при эмоциональном окрасе соответствующе реагируют. Коридор хоть и был, но ведь народ-то у нас своеобразный. Хочется ему в первых рядах сидеть и все видеть, да и еще и каждое действие комментировать. Пока шли построение наше довольно оригинальное получилось. Впереди я, справа и чуть позади матушка, а слева, отставая от матушки шли дядька Николай и мамка вровень с ним. Получалось я как ледокол пер, своей духовной энергией всех раздвигая. Некоторые особо

чувствительные аж отскакивали, теряясь в толпе, под смех той же толпы. Так и дошли до высокой комиссии нас встречающей.

— Петр Алексеевич, слышал я от народа, что несчастье с тобой случилось, — начал свою партию митрополит, — Молния в тебя ударила и крестик нательный испарила, отпечаток его оставив на теле твоём. Прими же этот крестик от меня в святых местах намоленный, он сможет быть с тобой, даже при силе твоей.

— Благодарю Вас, Ваше Высокопреосвященство, и, принимая этот Символ Веры, клянусь на нем при всем народе служить верно Трону Императорскому и Империи Нашей Российской! И не допустить смуты и разора народам нашим, и тем более дробления земель наших. На том и целую крест, — нагнувшись и поцеловав крест, поднял его правой рукой над головой, чтобы все видели.

Народ дружно ахнул. Я поднял взгляд на свою руку с крестом. Да твою же пеплом на седую голову! Нет, так-то все понятно. Большие концентрации энергии приводят к физическим проявлениям в виде свечения. Но на дневном и ярком солнце этого не видно! И надо же именно в тот момент когда я поднял руку с крестом на солнце набежала маленькая тучка, создав легкий и кратковременный полумрак. Естественно свечение вокруг меня видно стало. Вот прям в данный момент!

Минута, ну три максимум и я бы уже зашел в храм отпустив духовную энергию. Никто бы уже ничего не заметил. Нет, надо же именно в тот момент, когда я крест на вытянутой руке держал туче набежать. У меня складывается такое впечатление, что там наверху все-таки кто-то есть. И этот кто-то, тихо подсмеиваясь, проверяет и визирует мои планы, по принципу: "Это пойдет, а это слабовато будет, надобно вам, батенька, экшена добавить". И кроет мои планы моими же методами. Чтобы доказательств не было, чистые случайности. А я как составитель этих самых планов отыгрываю свои роли, самим собой составленные при постоянно изменяющейся обстановке. И ведь обвинить некого, сам игру затеял. Ну как такое могло произойти, чтобы сложилось все вместе? Моя накачка энергией ауры, крест в поднятой руке, туча на солнце и корреспонденты на заднем плане. Ну подумайте какая может быть фотография у аппарата девятнадцатого века? У них же выдержка чуть ли не минута! Так как эти чертовы аппараты, будь они неладны, сработали именно в момент, когда туча набежала? Одна надежда — качество подведет, и свечения видно не будет. Да и вообще, откуда в провинции корреспонденты взялись? Что их сюда в этот день принесло? Ладно, делать нечего, продолжаем строить хорошую мину при плохой игре.

Повернувшись к митрополиту, передал ему крестик для того, чтобы он надел его на меня. Крестик, кстати, простой серебряный, без всякой драгоценной мишуры. На обычном волосяном шнурке. После того как крестик оказался на положенном месте, мы вошли в храм. Вот и пришла пора моих заготовок.

Остановившись на пару секунд на пороге храма, выпустил накопленную энергию, пытаясь охватить всю внутреннюю площадь храма. И только после этого вошел. Пока шел к предназначенному нам месту поднял легкий сквознячок, который взбудрил огни свечей и лампад. Они загорелись ровно и ярко. Попутно подтягивая к себе пыль сформировал из нее крылья у себя за спиной. Народ зашептался:

— Что? — обратился я к своим.

Дядька громко так и говорит:

— У тебя крылья.

Я посмотрел себе за спину. Действительно крылья. Четкие и прозрачные ближе к телу и

рассыпающиеся дымкой вдали от него.

— Чушь! Это всего лишь игра света и тени, а так же сквозняки, — и стал разгонять их рукой, естественно прекратив их формирование.

— А свечи? — спросила мамка.

— А что не так со свечами? И при чем здесь я?

— Мы вошли, и они стали гореть ровно и ярко, — ответила мамка.

Я пожал плечами:

— Сквозняк, — и ведь не соврал. Ну не я же раздувал свечи! Вон сквозняк гуляет по храму, вот с него и спрос.

Все роли отыграны. Концентрацию энергии можно потихонечку снижать. Буду поддерживать самый минимум на всякий случай. Если придется поиграть огнем свечей и лампад. А так от меня сейчас ничего не требуется. Только стоять, слушать и вовремя креститься. Надеюсь хоть здесь обойдется без всяких мистических неожиданностей?

Молебен проводил митрополит при помощи отца Константина. И закончилось это мероприятие ближе к вечеру. После молебна Его Высокопреосвященство и Янковский засобирались в Калугу, чтобы к утру на поезде прибыть в Москву. Ну и нам пора возвращаться в имение. Наконец-то этот бесконечно долгий день закончился, и все запланированное исполнено. Теперь можно приступать к личным планам.

— Петр Алексеевич, слухи в наше время быстро разносятся, — на прощание сказал митрополит, — Могут сюда приехать разные представители конфессий и государств. Будьте пожалуйста осторожнее. Евгений Осипович конечно оставит жандармов для присмотра, да и я пришлю наставников. Но все-таки и Вам повнимательнее надо быть. И ты Николай постоянно будь рядом с Петром.

Я рассмеялся:

— Ваше Высокопреосвященство, если вам не жалко ваших соратников, то просто забудьте их предупредить о моих особенностях. Креститься они точно долго потом не смогут.

— О чем Вы говорите, Петр Алексеевич? — встревожился митрополит, — Почему они креститься не смогут?

— Так ведь если они припрутся к нам в имение, со своими перстами указующими, — я, выразительно помолчав, продолжил, — Вот эти-то персты я им и пообломаю. Как они после этого креститься будут? Я уже устал говорить, но повторю еще раз, для меня существует только православие и Российская Империя. А пиетета перед иностранцами у меня нет и не будет. Я русский князь!

Митрополит перекрестился:

— Надобно срочно к вам наставников слать. Евгений Осипович, Вы уж проинструктируйте людей своих. Очень скверно получится может, так и до беды не далеко.

— Хорошо Ваше Высокопреосвященство, — согласился Янковский, — Вот в Калуге все дела и порешаем.

— До свидания, Елизавета Петровна. До свидания, Петр Алексеевич, — попрощался с нами обер-полицмейстер. Митрополит же просто окрестил, и направился к повозке.

Все можно и домой с Богом.

После позднего ужина мы сидели за столом и, попивая чай, вели беседу ни о чем:

— Дядька, бегать завтра начнем?

— Петенька, а зачем вам бегать? — забеспокоилась матушка.

— Понимаете, сила во мне есть. Но эта сила не понятная и не моя. Я не знаю ее начала и конца. Подвести она может в самый ответственный момент, если полагаться только на нее стану. Потому и решили мы с дядькой использовать ее только для учебы и тренировок. Ну и еще в крайних, исключительных случаях. Когда выбора не будет. И это подводит нас еще к одному. Надо с нашим доктором побеседовать, пусть займется моим обучением. Буду пытаться под его присмотром использовать свою силу для лечения. В этом польза большая есть для нашей семьи. Так что матушка и ты мамка, хотите вы того или нет, но будете вы моложавыми и красивыми, — рассмеялся я. И все поддержали меня смехом. — Есть тут еще один момент. Надобно мне в Калугу завтра после обеда съездить. Очки затемненные заказать.

— Петенька, не принято у нас очки носить. Не поймут, — сказала матушка.

— Мне можно. А до чужого мнения мне дела нет. У меня действительно глаза болят на ярком солнце. Реально же тут сложнее все. У меня бывает глаза светятся. Вчера заметил. Не зачем народ без дела привлекать и пугать. Тем более затемненные очки с прошлого века известны. Тут делов то к ювелиру зайти и заказать серебряную оправу по своим эскизам. И свести его с мастером который затемненное простое стекло изготовит. Изобретать то ничего не надо, все до нас изобретено.

— Хорошо, мне тоже в Калугу не мешало бы съездить, заказы сделать, — скрепя сердце согласилась Елизавета Петровна.

— Вы, матушка, к купцам ведь пойдете? — спросил я и, получив утвердительный кивок, поставил матушку в известность, — Тогда я с вами пойду, мне кое какие материалы очень нужны. Чтобы еще до осени готовы были. Не много. Но вот по срокам и ценам я не знаю. На месте обговаривать будем.

— Зачем тебе это, Петр?

— Да вот есть у меня одна задумка. И я знаю, что она рабочая. Но вот как с воплощением получится не знаю. Потому и говорить ничего не буду, что бы не сглазить.

— Хорошо Петенька, — кивнула матушка, — но заказы при мне делать будешь.

Я рассмеялся:

— Конечно при Вас и только с Вами. Кто ж из уважаемых купцов со мной о делах разговаривать будет. Ладно пойду к себе, — сказал я, поднимаясь из-за стола, — устал я. А мне еще посмотреть чего и в каком количестве заказать надо. Спокойной ночи.

Поцеловав матушку, поднялся к себе. Вот теперь день точно закончился, можно отдыхать.

Утро началось с восходом солнца. Мы с дядькой, как и договаривались вышли на пробежку. Он как раз приготовил мне вещевой мешок:

— Песком наполнять будем? — он тряхнул вещевым мешком и скривился от облачка закружившейся в золотистых лучах солнца пыли.

— Знаешь, не будем спешить, сегодня с пустым побежим. А после пробежки подберем оптимальные веса и скажем чтобы нам мешочки нашили под песок. Вот и будем понемногу их подкладывать, на каждую пробежку. Тем более ты меня обещал волчьему шагу тренировать. А это дело, как я его понимаю, надо налегке начинать. — Предложил я.

— Ну тогда побежали. — Бодро отозвался дядька.

— Пстой, волчий шаг по наезженной дороге это конечно здорово. Но по моему не полноценное умение. Мне хотелось бы тренировать его на разной местности, песок, густая трава, лес, можно даже по кромке воды. Ну что бы вода бег тормозила. — Остановил я наставника.

— Радует, что хочешь полностью волчий шаг освоить. Но понимаешь, в этом случае вот какая заковыка получается, песок и густая трава, как раз для него и созданы. И воду тоже тренируют для быстрого освоения бега. Но вот лес, нет у нас методы. Как я тебя научу? — Озадаченно потирая шею, спросил дядька.

— А горы? Методика по горам есть? — С надеждой спросил его.

— Это уже будет какой-то козлий бег. — Рассмеялся он.

— Надо. Понимаешь, очень надо. Ладно освоим бег, по твоей методе. А потом будем осваивать лес. Ну а уж горы, думаю подберем мы время и место для них. — Проговорил я задумчиво. Надо будет поискать по кладовым своей памяти, там должны быть если и не методика, то хотя бы опыт по работе в горах.

— Петр, ты что задумал? Неужто Балканы воевать собрался? Не вздумай. Наша империя после Крымской отойти до сих пор не может. Опять вся Европа против нас объединится. — Забеспокоился дядька.

— Знаешь, мне Европа не указ! Вот они где у меня будут! — Прошипел я зло, и вытянул кулак покрытый молниями. — Всех, по ноздри в землю вколочу, коли указывать будут мне как жить должен.

Все кто был на дворе и якобы занимался своими делами прыснули по углам. Ой, любит у нас народ уши погреть. Уже сегодня невероятные слухи по округе разносятся. Да и черт с ними. Слухи в торбе не унесешь. Они сами рождаются, сами множатся и сами рассеиваются. А вот то, что ранее въехала тройка казаков к нам во двор и они явно слышали наш разговор меня несколько выбило из колеи. Да и слухи не остановишь. Казакам много времени не понадобится, чтобы с дворовыми переговорить и весь разговор восстановить. Пока бегаем, они тут легко все разнюхают.

Дядька среагировал сразу: — Кто такие? С чем пожаловали?

Старший среди них спрыгнул со своего коня и подойдя к нам представился:

— Вахмистр Елисеев. Направлен к вам с уведомлением, о действующих казацких разъездах по округе. — Глядя с опаской на мою руку, отрапортовал он.

— Никак каторжане сбежали? — Спросил дядька.

Я посмотрел на казака, на руку и убрал молнии.

— Никак нет. Приказ из Калуги. Старших Митрополит Московский и Обер-полицмейстер из Москвы лично инструктировали. А на разъездах, вообще, с казаками жандармы стоят. Приказ у нас вязать всех непонятливых и в околоток доставлять. Для особ дворянского сословия и особо важных чинов даже целое, отдельное здание выделили в Калуге. Что бы конфуза и скандала не было.

— С чего такие драконовские меры приняты? — Вмешался я.

— Как нам объяснили, Вы Ваше Сиятельство осерчать можете от излишнего внимания. Ну и начнете всех подряд благословлять. Без разбора. — Несколько нервно ответил вахмистр.

— Это мы можем, нам только волю дай. Вы казачки не стесняйтесь, если встретится кто-то со скорбным разумом и с раздутым самомнением сразу меня зовите. А уж после моего-то благословения, только и останется, что тушку в телегу свалить и в Калугу отвезти. — Хохотнул я.

— Эх, Петр Алексеевич вот как раз по этому поводу и выставлены разъезды. Что бы не допустить верениц телег скорбных в Калугу. — Горестно произнес казак.

— Да? Жаль. — Кровожадно усмехнулся я, отчего казака слегка передернуло. И с чего бы это, я, вроде, человек добрый, мирный. — Ладно шутки в сторону. Вы, казачки, пока здесь располагайтесь. И не спорьте. — Отрезал я, видя, что вахмистр хочет возразить. — Это приказ! Скоро матушка проснется, она с вами побеседует. Ну и место для вас определит. А до того как раз успеете узнать распорядок поместья, все легче вам будет службу нести. Вас ведь трое, всегда сможете посыльного отправить. На сегодня у нас распорядок такой. Сейчас мы с дядькой по округе побегаем. И да, позвольте представить вам моего наставника. — Я показал на оглядывающего служивых с ироничным прищуром дядьку. — Дядька Николай. Он из потомственных казаков, так что в общении вам с ним легко будет. По многим вопросам к нему можете обращаться, он вам поможет и подскажет. Потом, после пробежки на дворе немного с оружием позанимаемся. Ну а далее завтрак. После завтрака каждый своими делами занят будет. Если успею механика в Санкт-Петербург с письмом отправлю, к Костовичу Огнеславу Степановичу. Потом обед. И после обеда мы с матушкой и дядькой в Калугу поедем за заказами и покупками. Так что все просто у нас на сегодня. Гонца уже сейчас можете отправлять с докладом. Я ведь правильно понял? Вас сюда направили наблюдать что в округе происходит и докладывать обо всем?

Вахмистр согласно кивнул.

— Ну что дядька побежали? — Я взглянул на Николая. Тот кивнув, под удивленными взглядами казаков надел такой же вещевой мешок как и у меня и скомандовал:

— Значит так, бежишь отставая от меня шагах в трех и выполняешь то, что делаю я.

— Дядька, а тебе то зачем мешок? — Рассмеялся я.

— Ну должен я знать на сколько твоя задумка бестолковая. — Отзеркалил он мне смех. И мы выбежали из поместья.

Ну что же пока бегаем по дорогам вокруг поместья можно и о вечном подумать. Я нахожусь в отражении своего мира и своей земли. Отличий между мирами нет. За исключением Петра Алексеевича Голицына — Романова. Но он мог существовать и в моем мире. Просто умер в детстве и это не отразилось документально в истории. История затерла и отправила в небытие знания о нем. Тут же возникает вопрос, мы вносим изменения глобально в плане вселенной, или локально в плане земли, или какой-либо местности. Гигантоманией страдать не будем, потому возьмем локальное воздействие. Мы все таки не

боги. Даже в моем мире мы только начали учиться создавать миры с помощью книг, фильмов и компьютерных игр. Отсюда вывод, в какой-то момент времени должно произойти столкновение реальности вселенной и измененной реальности земли. Вот этот момент и будет точкой зарождения отражений. Это как круги на воде. Которые в свою очередь могут получить шанс на самостоятельный путь развития. Интересный момент, инициатором изменений будет человек или существо обладающее неординарными способностями и знаниями. Значит и отражения получают все эти атрибуты. А ведь звучит! Прародитель псевдомагии. Есть чем гордиться.

Это что же будет твориться во вселенной если будет несколько отражений с измененной реальностью и они с ней столкнутся? А может вселенная именно по этому считается бесконечной и много вариантной? Может такие столкновения происходят повсеместно? Тогда я возможно на правильном пути. Единственное условие которое надо выполнить любыми способами, это выжить и не дать себя изолировать. Для меня эти понятия синонимы, а для этой реальности потеря шанса на самостоятельное развитие.

Каждый год моей жизни здесь будет вносить изменения. Но ведь и я не собираюсь сидеть ровно, а буду шевелиться и вносить изменения. Так что шанс именно для этой реальности есть. Только надо дать толчок достаточно сильный, что бы она сама начала развиваться, по своим законам. Без постороннего влияния. Иначе чувствую если слабые отклонения будут, то что бы защитить право на самостоятельное развитие этой реальности придется самому погибнуть. Мне то в теории это не страшно. Но вот получится ли реальности после этого самостоятельно развиваться? Тут только гадать можно. Потому будем осторожными и последовательными. И обязательно надо обрастать поддержкой в верхних эшелонах власти. Хорошо хоть, что стартовые условия у меня идеальные.

— Петр, подтянись ко мне поближе. — Позвал дядька. А когда я побежал рядом с ним, он продолжил:

— В принципе ты справляешься со рваным ритмом бега, но надо довести его до автоматизма, что бы тело само бежало, без влияния разума.

— И как ты этого хочешь добиться? — Заинтересованно спросил я.

— А вот будем бежать и беседовать. — Хохотнул он.

— Ну давай поговорим. — Пожал я плечами.

— Ты так и не ответил по Балканам? — Продолжил прерванный казаками разговор дядька.

— А что говорить? Балканские народы и так прекрасно друг другу кровь пускают. И лезть туда, чтобы еще больше крови пустить? Извини, это не для меня. — Скривился я. — Там ведь придется буквально целые селения под корень вырезать. Но ты не расстраивайся. На наш век хватит мест и помимо Балканских и Кавказских гор. Да и время на подготовку еще есть. Пока меня учили, я много знаний получил, плюс пресса, да и разговоры окружающих слушал. А как молнией ударило, все в единую картину сложилось. Правда, не цветную, ну ничего цветами я ее сам заполню. Так что есть у нас примерно двадцать лет времени, ну плюс-минус пять лет.

— И куда ты нацелился? — Заинтересованно спросил он.

— Извини, не скажу. Все еще тысячи раз сможет измениться. Сглазить боюсь. А по поводу княжеств не волнуйся, будут они, и ты еще будешь у меня главнокомандующим. И дети у вас с мамкой еще будут. — Рассмеялся я и тут же получил подзатыльник от дядьки. Мы со смехом побежали дальше.

Вернулись в поместье пробежав где-то восемь — двенадцать километров. И направились к колодцу попутно ведя разговор.

— Надобно нам маршруты во все места проработать, где мы будем отрабатывать бег на местности. — Проговорил я, скидывая мокрую от пота рубаху. — И в соседнюю рощу тоже, потихонечку и там будем учиться. И еще на всех маршрутах верстовые столбы надо будет поставить что бы знать сколько пробегаем. Нам надо довести пробежку до четырнадцати верст, с увеличением веса снизим расстояние до девяти. А дальше будем подбирать оптимальное положение расстояние и веса. Вес вещевого мешка нужно довести до веса полной экипировки пехотинца. А вот с расстоянием пробежки будем думать, думать.

— Петр, зачем тебе это? — Сверкнул на меня глазами наставник.

— Дядька ты когда-нибудь слышал высказывание: «Мы ответственны за тех кого приручили»? Так вот тех кого я поведу, я терять не хочу. Это мое. И своего я никогда не отдам. Так что если не хочу терять людей, буду их учить. Точнее ты будешь учить и другие тоже будут. А чему их можно научить если сам не можешь и не умеешь? Вот потому мы здесь и сейчас закладываем с тобой учебную базу наших побед. — Напористо сказал ему.

— Но ты же сам говорил, что время одиночек прошло! — Возмутился он. — И пришло время строя.

— Поставь в строй доходяг напротив строя обученных воинов. Чья сила возьмет? — Я с улыбкой посмотрел на дядьку. Он молча пожал плечами. А что тут отвечать и так все ясно. — Вот так вот и получается. Надо правильных воинов, правильно учить. Не так их уж и много у нас будет, что бы бездарно их терять. У меня должно быть все только высокого качества, и людей своих этому буду учить.

— Ну и задачи ты ставишь! — Удивился дядька. — На это времени много уйдет.

— Я же сказал, у нас лет двадцать есть, ну чуть меньше. И не забывай про мой дар. Уж с ним я найду способ ускорения процесса обучения. — Ответил ему ехидно улыбаясь.

Дядька рассмеялся:

— Вот как раз этот способ я могу представить.

— Посмотрим. — рассмеявшись в ответ, сказал я.

Весь наш разговор внимательно слушали находящиеся рядом казаки. Дядька заметивший это показал мне на них глазами. Я махнул рукой:

— Пусть слушают. Им все равно доклады подавать надо, а я из всего этого секрета не делаю. Да и должны они знать, что их в ближайшем будущем ждет.

— И что их ждет? — заинтересовался дядька. А казаки подобрались и слегка побледнели. Видно слава обо мне уже начала свою тлетворную работу. А я ведь добрый, мягкий и пушистый. Ну совсем как тот северный полярный лис, песцом именуемый.

— Понимаешь, ты сам по себе имеешь неординарную подготовку, характерник как-никак. Не морщись, эту твою и мамкину тайну, что она ведунья и знахарка, любой кот на заборе, любой бродячей собаке расскажет. Ну а та уже наверное всей округе донесет. Только по секрету, но всему свету. — рассмеялся я. — Со мной тоже не все в порядке. Я границ силы своей не знаю. Так что наработки наши без проверки ну никак не обойдутся. Я вон смотрю на казачков и чувствую, слабоватые они какие-то. И это без учета моей силы.

Дядька расхохотался:

— Ну ты Петр сравнил. Это же строевые, обычные казаки. Они общую подготовку имеют, ну плюс семейные ухватки и приемы и традиции. А меня с детства по-другому учили и воспитывали. Как только заметили мои возможности и силу, да и стремление у меня было

к познанию нового. Я ведь даже нашел в себе силы гимназию закончить, несмотря на нагрузки от тренировок и обучения наставников из круга. Даже медицинское обучение частично прошел, через него и с мамкой твоей познакомился. Эх жаль детей нам бог не дал. Были бы славные казачата. — Сказал дядька, обняв уже давно подошедшую мамку. Она с кухни пришла, приказать неподалеку крутящимся и греющим уши девкам принести воды.

— А что, мамка, давай я вас с дядькой благословлю по своему, на силу и плодородие земли! — Смеясь предложил я.

Мамка тут же вывернулась из-под руки дядьки и стала обхаживать нас полотенцем, приговаривая:

— Ах вы охальники, чего придумали! Ты, старый, чему мальчишку учишь? Седина в бороду, а бес в ребро! А ты Петька со своей силой и стремлениями неумными ведь всю округу по незнанию благословишь! И будут тут по имению бегать сотня богатырей былинных и казачков — характерников, и все благословенные будут. Управы на них не будет ни у кого. Да им тесно станет во всей Калужской губернии!

Мы с дядькой смеясь уворачивались, и я еще и подначивал:

— Все равно ведь благословлю! Чего упираетесь!

Народ во дворе включая казачков, глядя на нас смеялись до слез, разряжая обстановку. Да и матушка, достаточно долго стоявшая на крыльце и слушавшая наш разговор, улыбнулась вместе со всеми. Так немного подурчавшись, мы продолжили разговор.

— Так что Петр ты даже без своей силы, по некоторым ухваткам и бою должен фору им давать, что бы хотя бы на равных быть. — уже без тени улыбки заметил дядька. — Я ведь тебя по своей методе учу, а не по общей.

— Вот потому и говорю, что надо нам наработать методику для простых воинов. А то получится, что после каждой тренировки мне их лечить через благословение придется. А какое мое благословение ты уже знаешь. Они же рехнуться так могут. Так что немного сами занимаемся и методику нарабатываем, а потом на каждую тренировку берем по одному казачку и проверяем что у нас получилось. Подготовка по сравнению с крестьянами у них достаточная.

Казачки опять побледнели, а один, самый молодой, с едва пробившимися под носом усиками, перекрестившись, даже попытался рвануть к расположенным неподалеку коням. Но вахмистр успел поставить подножку.

— Колька, и куда это ты собрался? — ласково поинтересовался он.

Колька перевернувшись на спину ответил:

— Так ведь посыльный я. Вот на доклад и собрался.

— Сиди, еще не все вопросы решены. Нечего тут докладывать. И смотри у меня! — Он махнул у молодого под носом костистым кулачищем. — Завтра добровольцем на тренировки и отправлю. А то, как погляжу, уж больно бегать любишь.

Дворовой народ дружно рассмеялся, но смолк под недобрый взглядом молодого казака.

— Знаешь, Петр. — Задумчиво заговорил дядька. — А ведь местная старшина казацка к тебе выборных прислать может. Для обучения молодежи.

— Сейчас не пришлют. — Махнул я рукой. — Ждать будут и варианты просчитывать, пока наверху решение не примут. Да и не забывай я при всех крест целовал, что худого против Империи не злоумышляю.

— А это то здесь причем? — Спросил наставник.

— Получается, что в тренировках я себе дружину набираю и готовлю. — Ответил я. —

А из кого? Из подданных Императора и на территории Империи. Казаки-то присягу Императору приносят. Это как ни крути, а прямая крамола и подготовка к бунту. Ты подумай сколько казаков таким образом я за собой потяну? Кому это понравится? — Я покачал головой. — Нет, пока только наработка по подготовке нужных мне воинов будет. Нужно дождаться решения сверху. Тут ведь для всех и для нас, в том числе не понятное пока положение складывается. Не то имение изолировали от всего мира, не то мир от имения. А там уж в скором времени и решение придет. Лишь бы действительно от того решения в Сибирь бежать не пришлось.

Матушка, поспешив ко мне, обняла:

— Не волнуйся Петенька, все хорошо будет.

Я отстранился и покачал головой:

— Лишь бы с плеча рубить не стали. Тут ведь и у церкви интересы. Очень нехорошая поговорка на ум приходит: «Нет человека, нет проблемы»! — Я дернул щекой, о таком варианте развития событий даже думать не хотелось. Но приходится. — Ладно дядька пока время есть пошли с саблями потанцуем.

Позанимавшись еще немного, мы пошли умываться и готовиться к завтраку. Казаки как раз успели переговорить с матушкой. Им было выделено место для постоя. Заодно у меня уточнили, точно ли собираюсь механика с письмом в Санкт-Петербург отправлять и обещали его сопроводить и посадить на поезд. Посыльного, который с докладом будет отправлен для этого хватит. Тут как раз, и доктор подъехал, что бы меня осмотреть.

Завтрак прошел в разговорах о Кукуевской железнодорожной катастрофе, что на Тульской дороге произошла. Доктор привез газеты, а они пестрели заголовками и статьями. Даже фотографии были с места крушения.

После медицинского осмотра и завтрака, пришлось в срочном порядке беседовать с механиком и писать письмо Костовичу Огнеславу Степановичу. Я просил у инженера выдать разрешение для механика, что бы он ознакомился с мотором его изобретения, и за одно получить добро на применение его в нашем хозяйстве. А так же о возможных доработках в случае необходимости под себя. И гарантировал ему, что все доработки изобретателю будут предоставлены по первому требованию. И что мы заинтересованы в совместной с ним работе по данному проекту в дальнейшем. Я даже казаков позвал, что бы они послушали о чем мы говорим. И ничего не перепутали, во время доклада. Мне помощь сейчас от любых источников нужна. А жандармы и церковники через казаков по любому все узнают. Так почему бы и не понадеяться на то, что помощь окажут?

Наконец отправили механика в Калугу вместе с посыльным. После обеда они уже там будут. До Санкт-Петербурга около двух дней добираться, и если жандармские чины не помогут, то сколько времени уйдет на поиски, знакомства и беседы не известно. Время, кругом потери времени. Да когда я достаточно сил и веса в обществе наберу, что бы иметь возможность экономить время?

А у нас начался тихий ужас с подбором веса для мешочков с песком. Мне нужны были мешочки примерно в двести грамм. Вот и приходилось изгаляться, подбирая вес. Действовал по принципу много или мало. С большой потерей времени все-таки удалось убедить дядьку, что мешочки в полфунта веса будут достаточны для нас, это как раз и есть приблизительно двести грамм. После эпопеи с подбором весов и заказа на изготовление мешочков у местных. Нами было решено провести что-то вроде раннего обеда, или второго завтрака. Для того что бы пораньше выехать в Калугу. До нее как-никак тридцать восемь верст. Не один час

придется добираться на коляске. Как же все здесь медленно и не точно. Объемы, расстояния и вес лаптем меряют. Тяжело мне будет. Буду собирать свою команду сразу матрицы знаний применять буду, по мерам и весам.

И когда у меня появится возможность и я займусь разработкой мотора?! Кстати, а ведь можно попробовать в будущем ускорить наше прибытие и убытие в Калугу из имения. И возможно даже местными техническими возможностями. Надо будет подумать об этом. Правда все равно год улетит на подготовку, а на строительство не менее пяти лет. Я машину быстрее построю. Но альтернативу все равно попробую сделать, хоть как проект, для Сибири пригодится, ее кровь из носу осваивать надо. Было бы проще если бы железная дорога от Калуги до станции Ферзиково двух путная была, но чего нет того нет. Будем думать. Еще и не факт что придется здесь что-то строить. Могут ведь и приказать в Санкт-Петербург перебираться, под присмотр Церкви и Романовых.

В ожидании обеда я поговорил с матушкой, и получил разрешение пригласить вахмистра к нашему столу. Пока не накрыли мы были во дворе, и мне пришло на ум высказать свое отношение к современной системе мер и весов. Я попросил мамку принести ножницы, а Вахмистра достать шашку. Положив все это добро на крыльце перед собой, я из бумаги свернул кулек и насыпал в него песку. Повернувшись в сторону двора, и подбросив кулек в верх ударил его молнией. Кулек разлетелся песчаным облаком. Потом повернулся к своим и стал ждать реакции выгнув бровь. Молчание продлилось достаточно долго. Наконец, дядька не выдержал и спросил:

— И что это было?

— А это я выразил свое отношение к системе мер и весов принятых в нашей Российской Империи. Сколько времени мы сейчас убили только на мешочки для песка? А ведь мы с тобой Дядька могли на саблях это время использовать, мы много чего могли сделать. — Раздраженно ответил я. — Сто лет назад Франция уже приняла самую удобную на данный момент метрическую систему на законодательном уровне. А мы все за англичанами плетемся! Так мало того, еще и под себя изменяем все меры. Я так понимаю в мире на данный момент есть три системы измерения, французская, английская и российская. И российская судя по всему самая дурная. Не смотрите на меня так удивленно, десятины нигде в мире нет. Это вон лаптями можно расстояние от крыльца до ворот измерить. И ошибка на десяток лаптей ничего не испортит. А возьмем кузнеца, который подкову для коня откует. Что будет если он так же лаптем мерить будет? Да где же вы коня для такой подковы возьмете? Это хомут будет, а не подкова. Я нагнулся и взял ножницы с шашкой. Вот два предмета. Один для изготовления, и другой для войны. И спросил:

— Мамка они острые?

Мамка посмотрела на меня, потом на ножницы и шашку. И ответила:

— Да.

— Ты точно в этом уверена? — Переспросил я ее.

— Шашка поострее будет. — Ответила она.

— А как узнала? — Настырно переспросил ее.

— Петенька, соколик ты часом не заболел? Это же все знают. — Сказала мамка.

— Все знают, но не понимают. — Ответил я. — Острота определяется режущей кромкой. Чем тоньше кромка тем острее предмет. — Я передал ножницы мамке, а шашку вахмистру и продолжил. — И острота эта тоже измерена может быть. Там размеры идут на толщину волоса. Понимаете? Нет там места для лаптей. Доктор, ведь не просто так для

аптекарей специальные меры весов ввели? — Спросил я у нашего эскулапа. Тот подтверждающе кивнул. — И как, удобно? Подумайте. Меня ваш ответ, что это привычно не устроит.

— Нет, неудобно. Но по другому нельзя! — Ответил он.

— Как видите везде нужны измерения. И эти измерения должны быть в единой системе. И дальше требования к измерениям всего подряд будут ужесточаться. Самим временем будут ужесточаться! Я ведь механика отправил к Костовичу за новым двигателем. И этот двигатель мне нужен как воздух. А там точность обработки и подгонки деталей нужна очень высокая. Вы представить себе не можете какие возможности открываются с использованием нового двигателя! А я представляю. Да чего уж, знаю, и могу сказать что они невероятны. — Сказал я.

— Петр, а откуда ты знаешь про его возможности? — Спросила матушка.

Я развел руками и ответил:

— Не знаю откуда. Но я знаю точно, это будущее. А для меня путевка в жизнь! Я уже представляю для чего и где буду его использовать. И даже больше скажу, то что я задумал, будет работать и удивлять окружающих. Весь мир удивит! Так что любую попытку помешать мне воплотить мои планы буду пресекать. Жестко пресекать. Потому что знаю, так нужно и необходимо. Сам мир и время мне шепчут, поторопись, опаздываешь. — Пока говорил, стал использовать матрицы легкого воздействия вызывающие сомнения в своей правоте, и доверия к моим словам. Думаю хоть здесь немного смогу обогнать время. — Я когда узнал о метрической системе, еще до удара молнии. Обратил внимание на ее удобство, но не мог понять в чем это удобство. А сейчас я знаю, что метрическая система может развиваться и уточняться. Она как будто специально создана, для совершенствования с ростом требований времени по точности. И это очень важно как в производстве, так и в повседневной жизни. Время кустарей одиночек безвозвратно прошло, пришло время заводов и фабрик. А это требования по точности и массовости. Значит детали в изделиях должны быть взаимозаменяемы. Мне вон вообще придется думать как изготовить хоть какое-то подобие измерительных устройств для нормальной работы с двигателем. Матушка у меня к вам просьба. Надо в нашей школе, которую мы курируем, ввести дополнительным предметом метрическую систему. Митрополит обещал прислать наставников нам, я думаю что смогу их уговорить курировать это направление. Мне помощники нужны, и сейчас придется их самому выращивать и учить. Взять то других неоткуда. И иностранцев приглашать я смысла не вижу. Когда своего народа не пристроенного много ходит. А это время, которое нельзя упускать. Про метрическую систему я достаточно помню, сам распишу. Пусть зубрят и учатся применять, а так же пересчитывать на Российскую систему мер и весов. Нам оторванные от жизни люди не нужны. Я всех людей приму. Людей ведь мне много надо. А убыль в землешах на нашей земле я качеством компенсирую. Не волнуйтесь, земли наши будут плодоносить. Да и еще лучше прежнего. Зато и предприятия сможем разные открыть. Грамотный люд к делу пристроим и их семьи всем необходимым обеспечим. И нам прибыль будет от этого. Да по более прежнего. В общем все пристроены будут.

— Хорошо Петенька. — Согласилась матушка. — Я обдумаю твои слова и с наставниками поговорю когда они придут.

Тут как раз накрыли на стол и мы поднялись в дом на обед. А после обеда стали сразу собираться в Калугу, чтобы не терять светлое время попусту. И так затемно возвращаться придется. С нами собрались ехать дядька и вахмистр в виде сопровождения. А доктор

обещал прибыть в имение к вечернему чаю. Еще один казак остался в имении для наблюдения за окружением и связи с казачьими разъездами.

Пока добирались до Калуги, постоянно встречались разъезды казаков, а местами и пехотные патрули. На оживленных перекрестках как правило. Это-то меня и удивило. Вахмистр ведь говорил только о казачьих разъездах, которые, впрочем, периодически к нам и подъезжали. Точнее их старшие. Сопровождающие казаки оставались в стороне, настороженно постреливая взглядами в нашу сторону. Видимо действительно слухи уже широко разнеслись, раз казаки побаиваются. Этот момент я и решил уточнить:

— Скажите, урядник, разъезды и патрули по всей округе выставлены? — спросил я старшего.

— Никак нет, Ваше сиятельство, — ответил урядник, сдерживая горячащегося коня, — По всей губернии. Калугу от слухов трясет. Пришлось наряды дополнительно выставлять, чтобы беспорядков избежать. В Калугу из Москвы и окружающих мест народ разный прибывать стал. Намедни даже двух революционеров задержали, они как раз в розыске были.

— А этим то что здесь понадобилось? — изумился я.

— Не могу знать, Ваше сиятельство, — ответил тот.

— Так у нас в Калужской губернии военное положение объявили что ли? — я удивленно вскинул брови.

— Официально, нет. Но, как объяснили, в связи с наплывом народа разного, и слухов к беспорядкам призывающим, введены дополнительные наряды в Калуге и Калужской губернии, — ответил урядник.

— О чем слухи хоть ходят? Просветите, — попросил я урядника.

— После железнодорожной катастрофы возле села Кукуевка брожение умов в народе началось, — начал тот.

— Постойте, железнодорожная катастрофа на Тульской дороге произошла, — перебил я его, — При чем здесь Калуга? Урядник замаялся, явно не зная как ответить. — Говори как есть, — подбодрил я его.

— Понимаете, Ваше сиятельство, — после заминки начал он, явно подбирая слова, — Происшествие на станции Ферзиково все изменило. Народ шептаться начал, что благословенный появился. И он с катастрофой связан. Теперь будет всех кто технику использует по своему благословлять. А дар этот у него разрушительный и болезненный. Не знает народ, как на это реагировать. Вот и пошли у нас брожения, а тут еще и приезжие воду мутят. Вынюхивают все что-то, да слухи распускают.

— Так, — задумчиво начал я, — Позови ка сюда своих казачков, — сам в это время спустился с коляски и подобрал валяющуюся у дороги небольшую ветку. После того как подъехали казаки, я продолжил: — А что, казаки, интересно ведь посмотреть как мой дар действует? Да и похвалиться будет чем, так ведь?

Казачки замаялись по началу, но дружно ответили, что да мол, интересно. Я недолго думая подбросил ветку в воздух и направил на нее молнию. Трухлявая ветка эффектно разлетелась на щепы. А я продолжил:

— Те, кто слухи распускает — дураки необразованные в основном, таким сразу кулаком в лоб прописывайте. Ума не добавится, но болтать меньше будут, — казачки согласно усмехнулись, — Вот с упертыми не знаю, но тут власти есть, они знают, как с бунтовщиками быть. Разберутся. А на словах всем передайте: "Калуга мой город! Я здесь живу, мне и ответ

перед всем миром держать. И мне не нужны беспорядки и мятежи. Я мал еще кулаками махать. Так что буду вразумлять непонятливых, так как смогу и понимаю. Даром и силой своими. Прогресс не остановить! Да и нужен он как воздух государству и народу. Это жизнь наша". Вот так и говорите всем, — после чего поднялся в коляску и мы уехали.

Вот и все. Изменения пошли. Правда на уровне слухов, но ведь и документально они тоже зафиксированы. А значит их уже не забудут в будущем. Пусть и незначительные, пусть в будущем их могут проигнорировать. Но они уже вписаны в историю. Документально вписаны. А дальше поглядим, я еще смогу потряхнуть этот мир!

Проехав какое-то время в молчании, решил продолжить разговор:

— А ведь эти брожения от чудовищной безграмотности народа. У нас в Империи наметился разрыв между грамотностью населения и техническим прогрессом страны. В такой ситуации любой грамотный смутьян может подбить народ на бунт, просто играя словами. Подождите матушка, я объясню. Безграмотный крестьянин легко внушаем и управляем. Любой кто имеет более или менее нормальное образование спокойно поведет народ за собой. И устроит революцию. Примера Франции я думаю достаточно будет. И поверьте мне она еще не раз будет приведена в пример. Вот на таких примерах мы и видим, что бунты и революции устраивают образованные люди, а это у нас дворяне и как любят говорить французы буржуа. Так кому настоящее положение дел и существующий строй мешает? Что неужто дворянству? Чушь! Значит тем кто относится к среднему классу населения! А это у нас купцы, промышленники и банкиры. Ну еще возможно обедневшее дворянство, из тех у кого рот разевается шире чем они переварить могут. А ведь есть еще казнокрады, мздоимцы, пьяницы и игроки. Эти при любой власти были, есть и будут. Но их, к сожалению, становится с каждым годом все больше и больше. Оглянуться не успеем, как их станет большинство. А ведь за ними и аристократия тянется, в празднестве, бездумных кутежах, во вседозволенности, поправ законы человеческие и Божьи, проводя никчемные дни свои, забыв, изначальное значение понятия "аристократия", что сиречь есть "владычество лучших". Лучших! — я в сердцах стукнул кулаком покрытым переливающимися тоненькими паутинками молний по лакированной стенке экипажа, оставив на ней черный след. Запахло горелым. Щека сама собой нервно дернулась, ноздри раздувались с шумом втягивая и буквально тут же выбрасывая ароматный, пахнущий землей и разнотравьем воздух. Поймал на себе встревоженный взгляд матушки и опасно — укоризненный дядьки. Так. Надо успокоиться. И что завелся-то? Но ведь обидно. За Державу обидно! Несколько раз глубоко вздохнул, ненадолго задерживая дыхание. Молнии тут же успокоились. Нельзя мне так нервничать. Спалю кого-нибудь ненароком. Помолчав, приведя чувства в порядок и продолжил:

— Как там звучит кодекс Чести Русского Офицера от тысячи восемьсот четвертого года? — я прикрыл глаза, припоминая, и начал цитировать, выделяя голосом и интонацией каждую фразу, и делая задержки перед зачитыванием каждой новой фразы. Что бы каждый пункт доходил до сознания слушающих:

— **Не обещай, если ты не уверен, что исполнишь обещание.**

— **Держи себя просто, с достоинством, без фатовства.**

— **Необходимо помнить ту границу, где кончается полная достоинства вежливость и начинается низкопоклонство.**

— **Не пиши необдуманных писем и рапортов сгоряча.**

— **Меньше откровенничай — пожалеешь. Помни: язык мой — враг мой.**

— Не кути — лихость не докажешь, а себя скомпрометируешь!

— Не спеши сходиться на короткую ногу с человеком, которого недостаточно узнал.

— Избегай денежных счетов с товарищами. Деньги всегда портят отношения!

— Не принимай на свой счет обидных замечаний, остроумия, насмешек, сказанных вслед. Что часто бывает на улицах и в общественных местах.

— Если о ком-то не можешь сказать ничего хорошего, то воздержись говорить и плохое.

— Ни чьим советом не пренебрегай — выслушай! Право же, последовать ему или нет, остается за тобой.

— Сила офицера не в порывах, а в нерушимом спокойствии.

— Береги репутацию доверившейся тебе женщины, кто бы она ни была.

— В жизни бывают положения, когда надо заставить молчать свое сердце и жить рассудком.

— Тайна, сообщенная тобой хотя бы одному человеку, перестает быть тайной.

— Будь всегда начеку и не распускайся.

— На публичных маскарадах офицерам не принято танцевать.

— Старайся, чтобы в споре слова твои были мягки, а аргументы тверды.

— Разговаривая, избегай жестикюляции и не повышай голос.

— Если вошел в общество, в среде которого находится человек, с которым ты в ссоре, то здороваясь со всеми, принято подать руку и ему, конечно, в том случае, если этого нельзя избежать. Не обратив внимания присутствующих или хозяев. Подача руки не подает повода к излишним разговорам, а тебя ни к чему не обязывает.

— Ничто так не научает, как осознание своей ошибки. Это одно из главных средств самовоспитания.

— Когда два человека ссорятся, всегда оба виноваты.

— Авторитет приобретается знанием дела и службы. Важно, чтобы подчиненные не боялись тебя, а уважали.

— Нет ничего хуже нерешительности. Лучше худшее решение, чем колебание или бездействие.

— Тот, кто ничего не боится, более могуществен, чем тот, кого боятся все.

— *Душа — Богу, Сердце — женщине, Долг — Отечеству, Честь — никому!*

Вот ведь, все помню. Что ни говори, а память у меня тут отличная. И не понятно, то ли это еще один бонус от переноса, то ли от занятий интенсивными науками разными. Помолчав немного продолжил:

— Этот кодекс для всего дворянства звучать должен, а не только для офицеров, а то скоро и офицеры о своей службе забудут. А у нас что сейчас происходит? Дворянство до состояния мещан скатывается. В революционеры подаются. И прикрываются разными лозунгами. Ну что-то похожее на чтобы не было богатых и грабь награбленное. Тем самым ввергая Империю в смуту и развал.

— Петр, но ведь изменения нужны. Ты же сам об этом говоришь! — возразил дядька.

А тут еще и матушка спирту в огонь добавила:

— Нельзя обвинять дворянство. Оно основа и опора, трону и империи! Против тебя все прогрессивное дворянство ополчится.

Тут то меня и тряхнуло. Видно эмоции малолетнего Петра верх над разумом брать стали. Память о прошедшем будущем много чего напомнила. Ну и пусть, надо разрядиться немного. Вреда ни кому не принесу. Вот и выпустил немного духовной энергии. В воздухе сразу грозой запахло. А матушка, дядька и вахмистр побледнели.

— Прогрессивное дворянство?! — зло заговорил я. И со мной одновременно окружающее пространство заговорило, повторяя мои слова. — Это не дворянство, это отщепенцы. Выродки! Плевать мне на них! Раз за основу взяли лозунги разбойников с большой дороги. А с разбойниками разговор один. Плаха и виселица. Они должны понимать, что если смогут повести не грамотное крестьянство за собой, то в Империи начнется разруха и голод. Стон и плачь стоять будет над всей страной. Много, очень много будет замученных и уничтоженных. Всю страну разграбят. История французской революции вам в пример. Ведь дворянство первое под нож пустят, а над женщинами и детьми еще и люто поизмываются перед смертью. Хотите помочь народу? Так боритесь за то, чтобы не было бедных! А это трудно, особенно если делать все не причиняя вреда империи. Более того скажу, невозможно.

— Так зачем бороться за то, что невозможно? — спросил дядька.

Я закрыл глаза и с силой выдохнул, попытавшись успокоиться. Так с закрытыми глазами и сделал еще несколько глубоких вдохов и выдохов. Эмоции улеглись, и я смог втянуть в себя духовную энергию. После чего продолжил:

— И раньше так было, и сейчас так есть, и в будущем так будет. Среди равных, будут те кто ровнее. Среди сообщества равных будут Первые. Лидеры! Не будет никогда безликого сообщества. Значит всегда будут и недовольные. Потому и говорю, что борьба с нищетой, это борьба с ветряными мельницами. Но сделать можно многое. Поверьте мне. Здесь нужно поднимать нижнюю планку бедности. Законодательно установив тот минимум за который население не может опуститься. И по мере развития государства эту планку поднимать. И поверьте, планка эта, не только деньги в кармане нищего. Это целый комплекс мер по вытаскиванию народа из беспросветной безнадежности. Вот этим мы с вами и начнем заниматься. Только на уровне нашего имения. В дела государства я лезть не собираюсь. Мне за эти двадцать лет нужно людей набрать, которые будучи лишними в России, прекрасно подойдут для меня. Тут как раз Сибирь и Дальний Восток мне в помощь. И помощь России от этого огромная будет. Развитие Сибири все-таки. Я же заберу только излишки. А крестьяне сами по себе лишь в исключительных случаях способны на бунт. Не связаны они с политикой. Инертные они в этом плане. Кукуевская катастрофа ну никак не тянет на повод для беспорядков. Не должно быть бунта. Значит кто-то воду мутит. Кого обвинят в этом, надеюсь вы догадываетесь? Так что как хотите, но если встречу такого разжигателя розни, особенно если он меня в пример приводить будет, сожгу.

Все как то побледнели. А матушка и вахмистр даже креститься начали.

— Петенька, как же так-то, живого человека и молнией жечь, — загомонила матушка.

— Уж лучше я спалю одну беспринципную сволочь, чем потом буду смотреть, как из-за нее сотни и тысячи людей уничтожат и мучить будут. А ведь там будут старики, женщины и дети. Целые поселения опустеть могут. Это чума. А с чумой бороться именно так возможно. Выжигать! Беспощадно! А выход один. Люди должны понимать, кто их ведет, куда, и какова конечная цель. Крестьяне наши темные в основной массе своей, на подъем тяжелые, им работать надо, землю пахать, хлеб родить. Потому и не получилось ничего у революционеров с их "хождением в народ". Далекі они от того народа нашего, не знают его,

не понимают. Однако умный подлец все же может много бед натворить. И пойдут по деревням карательные команды пороть и вешать. Кровь польется, люди озлобятся, власти вина, а подлец уже в Петербурге к тому времени будет радостно ручки свои потирать. И ладно если этот подлец не обученный и не прикормленный банкирами с запада или Туманного Альбиона. А так сопляк восторженный, о подвигах и геройствах мечтающий. И здесь и сейчас желающий всю Россию осчастливить. Но не понимающий, что только боль, слезы, горе и проклятья так можно породить. Его быстро поймают и разберутся. А если это враг? Враг народа нашего и нас? Обученный и деньгами обеспеченный. Этот ведь если дело хорошо сделал и много крови пустил, в этом случае сидеть не будет. Он сразу за границу сбежит, что бы виселицы избежать. Потому и просил вас матушка начать обучение детей на нашей земле. Пока с метрической системы. Дальше, если все нормально пойдет переведем на полноценное начальное образование всех наших людей. И детей и взрослых. И нет, вмешиваться в устройство и управление Российской Империи я не собираюсь. Даже считаясь Романовым по крови. Пусть и ублюдком.

— Но как же так, Ваше сиятельство? — заговорил вахмистр.

Поглядев на растерянного унтера я не выдержал и рассмеялся:

— Вахмистр, наверное на наших землях вы единственный кто не знает об этом. У нас уже каждая ворона, на каждой ветке устала рассказывать об этом секрете. Не расстраивайтесь, мы и сами только вчера узнали, что о нас знает вся округа. А ведь думали что тайна скрыта глубоко, и никто до нее не докопается. Или вас коробит слово ублюдок? Ну да, как же, благословенный ублюдок, страшно звучит, — я снова рассмеялся, — Законы они ведь не с неба упали и не для красного словца пишутся. Особенно законы о престолонаследии. И в этих законах ясно указано, что незаконнорожденных у правящей фамилии быть не может. Написан такой закон для того, чтобы исключить смуту и гражданскую войну. А наша Империя огромна по территориям, многонациональная и многоконфессиональная. Если рванет у нас, весь мир тряхнет, тем более с развитием технического прогресса. Так что здесь только два выбора. Либо ублюдок, но Романов. Либо князь, но Голицын со всеми вытекающими. Вахмистр, как думаете какой я выбор сделал?

— Князь Голицын, Ваше сиятельство, — не задумываясь ответил он, — Но вы ведь Романов по крови! Что с этим делать?

— А ничего не делать, — махнул рукой я, — Ну Романов и что? Это ведь жить не мешает. Ну вот и будем жить дальше.

— Но ведь царствующая фамилия может вас в свою семью захотеть принять! — запротестовал Вахмистр.

— Не может, — жестко пресек я всякие крамольные домыслы, — По государственным и церковным законам, я рожден вне брака. Никто эти законы переписывать не будет, что благо для меня. Да и если честно не хотелось бы этого. Я ведь сопротивляться буду такому делу. Как уже говорил вплоть до побега в Сибирь. Я Князь Голицын, а Романовы просто мои родственники по крови. Они царствующая фамилия, мы князья без княжества, пока что. Это ведь дело поправимое, княжество всегда себе найти можно. Было бы желание. Вот для будущего княжества мы и будем обучать людей. Для себя учить будем. А нам их много надо, очень много. Но за двадцать лет подготовим и для себя, и для Российской Империи. А коли не понадобятся они Российской Империи так к себе всех заберем. Нам ведь в нашем княжестве смута и революции не нужны. Нам развитие надобно. Пока княжество будет развиваться, ему не до смуты будет.

— А знаешь, Петр, — вдруг заговорил внимательно слушавший нас дядька, — ты ведь ошибаешься.

— И в чем?

— Высочайшей фамилией может быть принято решение о женитьбе, — ответил он, — И тогда ты автоматически станешь Романовым.

— Мезальянс! — отрубил я, — Во первых Алексей Александрович может и не захотеть. Во вторых матушка может и отказать, уж неволить то ее точно никто не будет, — я ненавязчиво показал руку одетую в перчатку с молниями. — В третьих, вернее, это надо ставить, во-первых, Александр Второй может отказать в браке. Как я уже сказал, брак-то не равный будет. И законы не просто так писаны. И в четвертых. Я то тоже сопротивляться буду. Так что самое малое, что возможно в этой ситуации это приставка Романов, но никак не полноценная фамилия. Да и не в фамилии дело. Мне очень не хочется получить звание Великий Князь. Уж очень много ограничений там для меня, а я погулять еще хочу. Вот этому я буду упорно сопротивляться. И никто меня не заставит. Понимаешь я всего хочу добиться сам. И поверь мне добьюсь. Внук я Петра Великого, или не внук?!

— Ох, Петенька, — горестно вздохнула матушка, — Как же рано ты повзрослел. Ты ведь детства лишен.

— Детство? Взрослый в двенадцатилетнем возрасте, не имеющий опыта и поддержки? — на лице сама собой образовалась саркастическая усмешка, — Матушка, меня ведь вообще быть не должно. Вспомните. Я ведь случайно на свет появился. Меня не было! Да я родился. Да меня окрестили и зарегистрировали как Князя Голицына. Но в то же время меня не было, никто не знал обо мне, хоть мы и не скрывались. Самое большее что меня ждало прожить короткую и незаметную жизнь. Хотя нет, теням на ярком солнце не место. Я взбрыкнул. И меня за это наказали, но и позволили жить на свету. Ярко жить. Я опять взбрыкнул. И что же? Пока что мне позволено жить так как я считаю нужным и правильным, без повода. И поверьте я это ценю, и буду защищать свое право. И ваше право на счастливую жизнь. Так что в истории моей жизни детство не предусмотрено. Но кто сказал что отсутствуют радость, праздник и веселье? Этого никто не отменял. А значит они будут. Да и почему вы считаете что я не могу по хулиганить под настроение? Очень даже могу. Не расстраивайтесь, все у нас будет хорошо. Вот поверьте, и у ворот нашего имения перевернется телега с шампанским, — рассмеялся я. Меня поддержал дружный смех вахмистра и дядьки. Правда матушка сидела расстроенная и пунцовая. Здесь лучше не вмешиваться. Не каждая мать будет рада тому, что дитя малолетнее узнает такую правду о себе. Я лишь кинул матрицу на легкое спокойствие и философское отношение к произошедшему. Все легче ей будет.

На подъезде к Калуге нас встретил казачий разъезд в сопровождении полицейского, или жандармского чиновника. Тут не совсем понятно для меня было, но явного высокого чина.

— Здравствуйте, Елизавета Петровна, — поздоровался он, с любопытством косясь на меня, — Вас ждем. Я удивленно посмотрел на матушку и чиновника. Даже привстал с коляски. — Ох, простите, Ваше сиятельство, — продолжил он спокойно и как-то обыденно, — Позвольте представиться. Николай Эрнестович Мантейфель. С этого года состою на должности помощника Калужского уездного исправника. Мне вас сопровождать по Калуге сегодня надобно будет. Пока все дела не сделаете и обратно в имение не вернетесь.

А чин то достаточно высокий для Калуги, и вдруг в сопровождение приставлен. И я на

всякий случай кинул на него матрицу доверительного общения. У исправника должно сложиться мнение, что он сам принял решение о такой форме общения. Зачем идти на обострение, если можно мирно общаться. Скоро я так в матрицах натренируюсь, что на автомате, не задумываясь раскидывать их буду. Я рассмеялся. А исправник посмотрел на меня недоуменно. — Простите Николай Эрнестович. Ваша фраза звучит двусмысленно, как будто вы нас из Калуги побыстрее в имение спровадить стараетесь.

— Простите, Ваше сиятельство, — заговорил исправник, — Вы позволите к вам обращаться Петр Алексеевич?

— Да я даже буду благодарен за такое обращение, — пожал я плечами.

— Понимаете, Петр Алексеевич, в Калуге сейчас беспокойно стало. Внешне все вроде бы и пристойно благодаря усиленным патрулям. Но вот по углам шепчутся. А тут вы еще необдуманно подсобили. Недавно разъезд казачий вернулся взмыленный и взъерошенный. И ведь сразу объявили ваши слова, при всем народе. Еле утихомирили казаков. Вы уж, пожалуйста, взвешенно относитесь к своим словам, ваше положение повыше некоторых стало. А то ведь казаки всю губернию выпороть могут, — с улыбкой сказал он, — Правда, положив руку на сердце, некоторым полезно было бы мозги на место поставить. Но я ведь не могу этого допустить, и даже говорить, мне Устав не позволяет самим Государем Императором подписанный. Вот такое положение у нас. И как видите мои слова не двусмысленно звучат. А спровадить вас и не получится. Много вопросов решить надо и без вашего и вашей матушки присутствия тут никак. Вот кстати ваше сопровождение надо в Калугу отправить.

— Опрос и доклад? — спросил его, улыбнувшись.

— Да, — не стал он устраивать никаких секретов.

Я повернулся к вахмистру:

— Все понимаю, служба. Но не завидую я вам. Ведь все мозги вам вывернут, уточняя разные детали и слова. И, вахмистр, помните, обратно в имение мы в вашем сопровождении поедем, — и повернувшись к исправнику продолжил, — Вы уж, Николай Эрнестович, посодействуйте в возврате нашего сопровождения в не измученном виде. А мы торопиться не будем. Все вопросы не торопясь и спокойно решим.

Вахмистр уехал в сопровождении одного казака, а Мантейфелю мы предложили пересечь к нам в коляску. Все равно разговоры они с матушкой разговаривать будут. Я тут как декорация буду присутствовать. Так в дороге они возможно все вопросы и порешают. Единственное, что уточнил у исправника, это как добрался наш механик:

— Скажите Николай Эрнестович наш механик в Калугу прибыл?

— Да прибыл и даже уже отправлен в Москву, — ответил Мантейфелю, — У нас оказия случилась. Жандарма с донесением срочно отправлять надо было, вот их вместе и отправили.

— Заодно и опросят его, — с улыбкой подметил я, чем заставил Николая Эрнестовича отвести взгляд.

— Скажите, Петр Алексеевич, вы будете возражать этому? — осторожно спросил Мантейфелю.

— Нет, — спокойно ответил я, — Мне прекрасно известно неоднозначное положение нашей семьи. А произошедшее два дня назад, вообще создало напряженную обстановку. Тут еще и Кукуевская катастрофа дров в огонь подкинула. Так что ни чего удивительного в том что опрашиваются люди из нашего окружения нет. Можете спокойно со всеми

разговаривать. Поверьте секретов я имею мало и в разговорах их не использую. А если и будет необходимость вынести их на свет, то так их зашифрую, что без подсказок их не расшифровать. Да и будет это только на бумаге. Пока что людям доверять свои секреты рано, не то время. Можете мои слова и другим передать.

В Калугу мы прибыли по времени практически в обед, не на много позже. Мантейфель сразу нас покинул, как он сказал ненадолго. Но вместо себя оставил жандарма. И это не считая казака сопровождавшего нас со въезда в Калугу. И действительно, отсутствовал он не более часа. Видно доклад писал о нашей предварительной беседе.

А нам пришлось помотаться, обговаривая разные детали. Для начала мы с матушкой и дядькой зашли к фотографу и сделали снимок на память. Я еще фотографа попросил рассказать о фотографии и показать его фотолабораторию и саму камеру. За одно освежил в памяти процесс кинематографа. До его изобретения еще десять лет, есть возможность перехватить изобретение уже в этом или следующем году. Пленку то уже сейчас изготовить можно. Не даром Ричард Меддокс в тысяча восемьсот семьдесят первом году изобрел желатиносеребрянную эмульсию, а в тысяча восемьсот семидесятом году был получен окончательный вариант целлулоида. У меня даже идея появилась изготовить камеру по принципу "Туриста" образца пятидесятых — шестидесятых годов. Уж больно завод меня прельщает. Электрику еще рано делать, а ручку крутить, ну не нравится мне это. Тем более "Турист" пойдет на мотодельтаплан, только сильно упрощенный. Со скидкой на время. А обычную можно с механическим заводом делать как патефон. Первые модели сам соберу, с помощью своих способностей, а дальше часовщик, механик и инженер нужны. И обязательно надо будет отработать технологию позитива — негатива. Они еще не скоро появятся, а без них никуда. И значит стоит у нас вопросом насущная необходимость создание химической лаборатории. Слишком многое на нее завязано. И металлы со сплавами, тот же алюминий. Вот с местными глинами поработать можно, алюминий везде есть, а способ попробую с использованием поташа и угольного порошка. Какой бы ни был выход, со своими способностями я весь алюминий вытяну из них. А резина! Надо с местными одуванчиками поработать, пусть даже и выход будет не самый большой. Мне много не надо. Да много чего решать придется с помощью химической лаборатории. Видимо химика тоже придется приглашать в имение, но позже. Пока рано, сам по мелочи делать буду.

И только потом мы проехали к ювелиру и стекольщику. У стекольщика дополнительно заказал стекла для защитных очков, которые буду использовать для будущих полетов. Не такие, как использовались авиаторами начала двадцатого века. У меня опыт развития и использования защиты глаз при неблагоприятных условиях по больше будет нынешнего мирового как-никак. Я захотел сразу цельнолитые очки, что бы закрывали переднюю часть лица, там где глаза. С легким затемнением чуть выше середины и до конца в верх. Пришлось даже делать маску лица из гипса для правильной подгонки. И линзы для будущих кинокамер. Еще и матрицы подкинул стекольщику, чтобы с изготовлением не мучился. Помощь будет мастеру от этих матриц, если с мозгами дружит конечно. А если не дружит, то матрица соответствующая примирит его с собственным разумом. Остальное кожевник и кузнец в имении доделают. Пришлось еще и ювелира со стекольщиком знакомить, что бы затемненные очки без задержек изготовили. Нужную мне оправу из серебра я ювелиру в подробностях описал.

Да и еще хорошо, что купец для моих нужд оказался один. Не пришлось бегать по разным торговцам в поисках нужных материалов. Пеньковый шнур и шелк, правда цветной,

но крепкий, и нужного мне размера одним куском он клятвенно обещал предоставить в кратчайшее время. Менее чем за месяц. А уж с бамбуком это точно фортуна наворожила, или мистика опять к нам заглянула. Оказалось что купец знает где за две недели можно приобрести разноразного, но подходящего мне по размерам бамбука. Выдержанного и правильно обработанного. Правда придется покупать целый воз. Я махнул рукой и уговорил матушку покупать, срочно покупать. Найду куда приспособить. Мастерскую по изготовлению разных безделушек и сувениров открою. У меня еще эти изделия выпрашивать будут. Я даже на радостях пообещал купцу, ювелиру и стекольщику, что если они все сделают вовремя и в срок, и надлежащего качества. То буду их постоянным заказчиком. Мне то без разницы с кем работать. Кинул матрицы привязки, а потом корректируй не навязчиво. Что бы людей не угробить. Они только в выгоде будут, и заработают больше обычного, а я еще и со здоровьем им помогу. Стекольное производство так и так развивать надо, да и ювелир это не только кольца да брошки, в этом случае еще и точные приборы развивать можно, да и для медицины кое-что в то время могли только ювелиры делать. Найду часовщика вообще сказка будет, а я его обязательно найду. Единственное, что с собой купил, это несколько пластин пробки от пробкового дуба. Вот к стати еще одна тема образовалась, нужно будет посадить рощу из пробкового дуба и гевеи. Будет тогда свое производство. Надо в памяти своей поковыряться, как возможность появится, где они лучше всего произрастать будут на территории Российской Империи: на Дальнем Востоке, на Черном море, в Средней Азии или еще где.

Со всеми делами мы управились ближе к пяти часам вечера. Как раз, и вахмистр подтянулся к нашей компании и привел с собой священника, отца Александра. Митрополит быстро сработал, сразу направив в Калугу двух наставников. Один будет в самой Калуге, а второй при церкви Архангела Михаила с отцом Константином. И судя по разговору между исправником Николаем Эрнестовичем и отцом Александром, полномочия святым отцам даны большие, и подтверждены они обер-полицмейстером Москвы Янковским. В имение уже возвращались в расширенном составе. По дороге заехали в церковь Архангела Михаила за отцом Константином. Что бы после ужина все могли познакомиться и определиться с дальнейшими планами. А по приезду в имение узнали что доктор тоже прибыл на ужин к нам. По времени мы приехали раньше и ужин еще не был готов. Потому все расселись в гостиной для беседы. Я же сел за отдельным столом с заранее заготовленными листами и тетрадями. Полноценно участвовать в беседе все равно не могу, так почему бы и не сделать ряд записей.

— Петр, что ты пишешь? — с интересом спросила матушка.

— Ну, Янковский просил меня представить ему сказку про Федота стрельца, — ответил я, — Вот и заносу в тетрадь для него. А вдруг положительный отзыв будет? Глядишь и опубликуем.

Дядька с мамкой рассмеялись. А матушка улыбаясь, покачала головой.

— А что Николай говорил про песню? — напомнила она.

Я осмотрел всех, подумал и отложив тетрадь взял лист бумаги. Слова песни «Колодец» набросал быстро. Подумав, еще и добавил ноты для фортепьяно и гитары между строк и размножил сам текст дополнительно на двух листах. Потом обратился к доктору.

— Ян Карлович, вы ведь хорошо играете на гитаре? Не поможете нам?

— С удовольствием, — не раздумывая, согласился он.

Тогда я встал и раздал листы со словами матушке, доктору и дядьке.

— Матушка, Вам фортепьяно. Ян Карлович, Вам гитара и поддержка голосом, в этом случае сами определитесь. Дядька, а ты у нас будешь вести. У меня голос не тот, глупо звучать будет, — усмехнулся я и отошел к своему столу. Песня с первого раза не получилась. Несколько раз прерывались, чтобы подобрать интонацию и такт, да и я еще вмешивался, объясняя, как она должна звучать. Но наконец все-таки спели. И надо сказать удачно спели. Хорошо. Душевно так. Да и песня всем понравилась, но не сказать чтобы сильно впечатлила. Не привыкли в этом времени к таким песням. Но, покивав согласились, что песня достойная, и ее на вечерах можно исполнять. Ну и ладно, не буду настаивать. Привыкнут еще. Время само к таким песням приведет. А я еще потихонечку подкину таких же, из нейтрального репертуара.

Тут как раз, и ужин подоспел. После ужина все остались в гостиной для беседы, а я вышел во двор. Уж больно прогуляться хотелось, да и слушать разговоры не видел смысла. Темы разговора и так знаю, а сказать то мне и нечего. Да и кто слушать меня будет? Тяжело взрослым воспринимать умные речи детей. И давить постоянно воздействием матриц на эмоциональную сферу окружающих, не стоит. Ничего хорошего из этого не будет, вред один. Люди сами за мной пойти должны. А так прогуляюсь и в баньку схожу, помоюсь. Баньку как раз протопили не сильно, только для помывки. Думаю быстро управлюсь.

Пройдясь по двору, вышел на площадку где мы с дядькой занимались с оружием. Народу почти не было. И на площадке меня практически не видно. Вот и стал смотреть на звездное небо в тишине.

У меня примерно двадцать лет до запланированных событий. К ним я хочу подойти полностью подготовленным. А как? Мне нужна база, где я смогу подготовить людей. Сибирь прекрасное место, для этого. Организовав освоение Сибири я скрою производства, флот и обученных людей от всего мира. Для этого нужна поддержка Романовых и церкви. Значит с церковью надо плотно работать. Мы просто обязаны стать партнерами. Знаний и моих личных возможностей должно хватить. Друзьями мы не станем, я слишком циничен для веры, да и материалист по воспитанию. Но партнерами мы стать можем. Крепкими партнерами!

С Романовыми намного проще будет. Тут нужно удержать середину. Как бы я Романов и они это подтверждают. Но в то же время я Голицын и нахожусь в свободном плавании, под прямым приглядом Романовых. Добьюсь, такие матрицы у меня есть. Они сами не заметят как будут меня уговаривать уйти в их семью. И соответственно искать варианты, что бы не сбежал.

Выход в Сибирь без подготовки это провал. Что и показали события в истории моего мира. Не подготовленная программа переселения организованная Романовыми угробила кучу народа, а в результате получили пшик. На сколько я знаю там народ гинул чуть ли не семь из десяти. По неволе задашь вопрос, это точно была программа переселения? А не геноцид излишков населения в центральной России.

Значит нужна еще одна база, а возможно и несколько для подготовки будущих переселенцев в Сибирь. И они будут на виду у всего мира. Мне надо каким то образом скрыть само назначение этих баз. Кто будет готовить людей и где? Еще раз пройду по времени. События будут через двадцать лет. В Сибирь отправляй хоть сейчас, но без подготовки это верная смерть для них. Значит здесь и сейчас нужно готовить людей, замаскировав основную цель подготовки. А отправлять уже где-то через три года. А что план хорош. С подготовленными людьми у меня хорошие шансы получить несколько миллионов

русских людей для переселения далее на восток. Обучение начну под производство в имении. Заодно и имение подниму на новый уровень доходности. Управлением матушка займется. Только вот где взять грамотных воспитателей для подготовки будущих переселенцев?

И ведь еще одна проблема вылезает. Даже не проблема, а очень большая головная боль. Голод по всей России! За помощью ведь обращаться к нам будут, а я эту проблему решить без административного ресурса не смогу. Да и административный ресурс здесь частично только, как профилактика помочь может. Церковь тоже не все решит, она на царскую семью всегда оглядывается. Царская семья думаю в первое время со мной контактировать побоится. Ну не знают они чего от меня ожидать! А вдруг молнией приложу? Будут исподволь подходы искать. Меня, конечно, могут попытаться изолировать. Но не думаю. После моей демонстрации возможности разрушать материальные предметы отцу Иоанникию, к изоляции будут относиться с осторожностью. Да и если попробуют, так даже лучше будет. В Сибири мне меньше скрывать свои возможности придется. А значит и работать легче будет. А ведь можно будет сразу на Дальний Восток рвануть, застолбив место во Владивостоке и на Сахалине. Особенно если пару авантюр проведу. Да так что бы весь мир узнал. Тогда сразу Сибирь и Дальний Восток смогу развивать. Владивосток если еще не объявили городом, то в следующем году объявят. Вот там и школы под развитие можно организовать. Будут два центра, это имение в Калуге и во Владивостоке. А проблему с людьми буду решать, по мере появления самой проблемы. Вот только, скорее всего, вопрос с изоляцией стоять не будет. А значит остается ждать и наблюдать, как Романовы подходы будут искать. Надо будет улучшить момент, что бы подтолкнуть их к действиям. А то пока они будут искать подходы время упустим. Все предпосылки к постоянному недоеданию и периодическому голоду в России уже сейчас закладываются. С тысяча восемьсот восьмидесятого и в плоть до тысяча девятьсот шестнадцатого голод рука об руку с историей России будут идти. Люди миллионами умирать будут. И это только по статистике православных. А сколько инородцев и иноверцев? По ним даже цифр нет. И ведь хлеб для страны есть, его просто продают на запад. Потому и держим звание кормильцев всей Европы. Но сейчас с появлением пароходов туда хлынул хлеб из обеих Америк и Африки. И вдвое подешевел. А прибыли барышникам зерновым терять ой как не хочется. Потому и начнется безудержная продажа хлеба, вплоть до продажи стратегических запасов, создаваемых на случай голода. А самыми крупными торговцами зерном являются Романовы и прочие князья и графы. И у меня к ним доступа сейчас нет. Если я начну создавать свои запасы, то и их учитывать будут. Сволочи! Даже если откажусь продавать, они все свое продадут. Полностью продадут. Тем самым усугубив положение. Статистика будет еще хуже, чем в моей истории. А мои запасы уйдут на помощь голодающим, и это будет капля в море. Не помогут они, слишком мизерные объемы будут. Я сейчас могу действовать только в рамках своего имения, ну малость еще смогу церковь припрятать. Но это опять мизер. Даже на Калужскую и Московскую губернии не хватит. А ведь при оказании помощи и из других мест народ потянется, тем самым создав коллапс. И будут голодные смерти, эпидемии, разбой и, как следствие, бунты. А ведь мне, хочешь не хочешь, придется все это подавлять. Да я скорее всех купцов в месте с городами спалю! Меня получается Царская семья с церковниками сами на путь антихриста толкнут. Да я могу создать хозяйства в критических точках России, но для этого нужно разрешение и деньги. Большие деньги и мои изобретения которых еще нет. А что бы получить разрешение, нужен доступ к Царской семье, которого тоже нет. Да и все эти меры по продуктам питания я буду

принимать для программы освоения Сибири. Там народ тоже кормить надо. Нет у меня хлеба на благотворительность и не знаю, будет ли. Мне кровь из носу надо добиться что бы мои запасы не учитывались. Совсем не учитывались. Калужскую губернию накормлю, ну те места где будут мои хозяйства тоже. Да даже Московскую губернию накормить можно подумать. Но на этом все, силенок не хватит. И это не учитывая прибудных из других мест. Они то и будут самой большой проблемой.

И тут меня такая обида, и злость взяла. Мне ведь за эти двадцать лет и самому политический вес набирать надо! А это самому на свою известность работать. А тут еще и вопросы локального политического мироустройства решать. Обучить, накормить и спрятать несколько миллионов человек, да нигде нибудь, а в Сибири. И все это под видом программы расселения центральных районов России. Тут либо с программой работать и о себе забыть. Либо на свой авторитет работать. И тогда Россия окончательно пойдет по тому пути, по которому уже прошла. И мы потеряем миллионы реальных, живых людей. Тех людей которые мне так необходимы. И миллиарды, которые могли родиться, и в дальнейшем жить, учиться и работать для своей родины. Мне нужны помощники. Не те кто будет воевать и строить, а те кто будет растить, воспитывать и учить.

И вся заемная духовная энергия накопленная мной мгновенно распространилась по территории подворья имения. И появилась тень ощущения, как будто кто-то взрослый на малолетнего ребенка взглянул. Доброжелательно и поощрительно, с какой-то ухмылкой, все понимающей. Ребенок хочет сам все сделать? Не будем ему мешать, на пользу ему пойдет. И все это вместе взятое дало понимание, что и как делать.

Матушка и так сама управляет имением. Значит и надо дать ей здоровье и омолодить немного. Пусть долго молодой живет. И знания всем пакетом современного мира, только он будет открываться по мере необходимости. Матушка и не догадается. А догадается, то и страшного ничего не будет. Объяснение всегда найти можно.

Мамка и доктор. То же здоровье и молодость, и знания в придачу. Будут школу открывать для сестер милосердия и сиделок. Зато рабочие места в области медицины с младшим медицинским персоналом среди женщин появятся на несколько лет раньше.

Дядька, молодость и здоровье, а комплектом знания по военным и военно-инженерным наукам моего мира, и про диверсионно — разведывательную деятельность на любой местности побольше знаний, там как раз и лес с горами имеются. Будет чему меня и казачат учить.

Святые отцы, а нечего по имению с умным видом и головою кивая ходить. Молодость и здоровье им, и знания по начальной школе образования со всем опытом из моего мира за советский период. Будут учебу у нас курировать, да и сами преподавать смогут по необходимости. И наставничеством населения заниматься. Это обязанности церкви, о которых сама же церковь и забыла. А из вредности я им еще и стремление семью и детей иметь подкину. Будут знать как с умным видом вокруг меня ходить и поучать. А чтобы им совсем поплохело, я с ними еще и дискуссии устрою по русскому языку моего мира. Вот под это дело даже конспекты будущих учебников набросаю. Вот их клинить будет. Если не прибьют конечно.

Кузнец, а где у нас конюх, кожевник и столяр? Всех скопом вместе с семьями молодость и здоровье, и знания каждому по своим профессиям. Будут наставниками по производству, а дети их гениями. А жены красавицами. Мне предприятия открывать надо. А для этого грамотные рабочие нужны. Мне криворуких рабочих не надо.

Механик, вот придет, им персонально займусь. Будет инженером. У меня проектов много, один не справлюсь. А мне еще одного механика, часовщика, агронома и химика искать и обрабатывать соответствующим образом. Дотянусь до Костовича, Менделеева и Макарова так и их пристегну. Никто от меня больным и ни при деле не уйдет. Жаль что Тринклер под стол пешком ходит, а так бы и его привлёк на благо моего дела. Энергия слилась с духовной энергией всех жителей поместья. И стала передавать необходимые знания. И действия для улучшения здоровья. При этом совсем не расходуясь. Я же почувствовал очень сильное напряжение разума, на грани срыва. И духовная энергия так же начала действовать на меня оздоравливая и усиливая ауру. Когда все действия прошли, я смог без усилий вобрать духовную энергию в себя. И где стоял, там и сел. И что сейчас произошло? Ладно ощущение взгляда, это, как всегда, не доказуемо. Да и действительно работа с духовной энергией сильно влияет на восприятие. Там что угодно померещиться может. Но получается, что под действием детских эмоций духовная энергия вырвалась из-под контроля. И плевать ей на взрослый разум. Это какие же меня ждут шторма в не далеком будущем? А сейчас получается сам на себя благословение наложил? И через него уже на все имение. Ой что будет. Меня же матушка с мамкой в темный угол загонят, а святые отцы долго и вдумчиво учить будут, и возможно дубьем. Вроде в имении тишина. Значит никто ничего не заметил. А самое интересное под воздействием благословения на себя, у меня аура укрепилась. Что привело к частичному усвоению заемной духовной энергии. Теперь у меня не на много меньше стало заемной энергии, зато собственный объем увеличился. Я теперь менее зависим от заемной энергии стал. Ну и ладно. Пойду ка я в баню, помоюсь.

После бани вышел спокойным и умиротворенным. И пошел в гостиную. Хоть время позднее, но все еще сидели там и беседовали. Вот и хорошо. Глядишь, несильно заметно мое вмешательство будет. И очень мне захотелось на этом фоне по хулиганить. Вот и подошел я к фортепьяно и спел песню про медведей, из кавказской пленницы.

«Где-то на белом свете, там, где всегда мороз,

Трутся спиной медведи о земную ось.

Мимо плывут столетия, спят подо льдом моря,

Трутся об ось медведи, вертится земля.

Припев:

Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла,

Вертится быстрее земля.

Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла,

Вертится быстрее земля.

Крутят они, стараясь, вертят земную ось,

Чтобы влюбленным раньше встретиться пришлось.

Чтобы однажды утром, раньше на год иль два,

Кто-то сказал кому-то главные слова.

Припев:

Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла,

Вертится быстрее земля.

Ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла,

Вертится быстрее земля.

Вслед за весенним ливнем раньше придет рассвет,

И для двоих счастливых много-много лет.

Будут сверкать зарницы, будут ручьи звенеть,

Будет туман клубиться, белый как медведь.»

Матушка покачала головой и сказала:

— Хорошая песня и исполнять ее можно. Но очень уж она простая, непривычная для нас. Для мещан больше подойдет.

Я рассмеялся:

— С моим голосом и в моем возрасте только такие песни петь. Ну еще разве что казацки можно попробовать. Сейчас попробую сформулировать.

И задумался вспоминая "Казака". После чего и спел:

«Шёл казак на побывку домой,

Шёл он лесом, дорогой прямой

Обломилась доска, подвела казака

Искупался в воде ледяной

Обломилась доска, подвела казака

Искупался в воде ледяной

Он зашёл на крутой бережок

И костер над рекою разжег

Мимо девушка шла и к нему подошла

"Что случилось с тобою дружок?"

Мимо девушка шла и к нему подошла

"Что случилось с тобою дружок?"

Отвечал ей казак молодой

"Я осётра ловил под водой,

Буйна речка быстра, не поймал осетра,

Зачерпнул я воды сапогом.

Буйна речка быстра, не поймал осетра,

Зачерпнул я воды сапогом."

Говорила казачка ему

Не коптись, дорогой на дыму

Уходить не спеши, сапоги просуши.

Разведем мы костер на дому

Был казак тот еще молодой,

Да к тому же еще холостой,

Эх, дощечка, доска подвела казака

Не дошел он до дому весной.

Эх, дощечка, доска подвела казака

Не дошел он до дому весной.»

Дядька и вахмистр крякнули, а мамка вздохнула:

— Эх, хорошая песня, вот прям как у нас с Николаем. И никуда он от меня не делся.

Все рассмеялись, а матушка попросила записать для нее все, что сегодня исполнил:

— Ты, Петр, запиши песни свои, будет что исполнить гостям на вечерах в имении.

Я задумался, а потом ухмыльнулся:

— Сейчас, у меня вроде еще одна появилась. Но ее мне не исполнить. Доктор будет исполнять.

И отошел к столу записать «Мохнатый шмель». Написал ее довольно быстро. Заодно

ноты для гитары и фортепьяно написал. И передал саму песню с нотами доктору, а ноты для фортепьяно матушке со словами:

— Вот, поет доктор, а подыгрывает матушка. А песни и ноты я завтра распишу.

Доктор взял гитару и ознакомившись с текстом стал петь:

«Мохнатый шмель — на душистый хмель,

Цапля серая — в камыши,

А цыганская дочь — за любимым в ночь

По родству бродяжьей души.

Так вперед за цыганской звездой кочевой,

На закат, где дрожат паруса,

И глаза глядят с бесприютной тоской

В багровеющие небеса!

И вдвоем по тропе навстречу судьбе,

Не гадая — в ад или в рай,

Так и надо идти, не страшась пути,

Хоть на край земли, хоть за край.

Так вперед за цыганской звездой кочевой,

На свиданье с зарей, на восток,

Где, тиха и нежна, розовеет волна,

На рассветный вползая песок!

Так вперед за цыганской звездой кочевой,

До ревущих южных широт,

Где свирепая буря, как божья метла,

Океанскую пыль метет!

Так вперед за цыганской звездой кочевой,

На закат, где дрожат паруса,

И глаза глядят с бесприютной тоской

В багровеющие небеса!»

После исполнения все стали обсуждать услышанные песни. А я отправился спать, предварительно обговорив с дядькой завтрашнюю пробежку.

Вечер 2 июля 1882 года. Москва. Тверская площадь. Совещание после позднего ужина в кабинете московского генерал-губернатора князя Долгорукова. На совещании присутствовали генерал-губернатор князь Долгоруков, обер-полицмейстер генерал-майор Янковский и Митрополит Иоанникий.

Обстановка в кабинете была напряженная. Князь Долгоруков смотрел с ожиданием на своих собеседников. Обер-полицмейстер нервно перебирал недавно доставленные донесения из Калуги. Митрополит рассеянно вертел в руках свежую газету. Хоть он и был внешне спокоен, но чувствовалась напряженная задумчивость.

Не выдержав Митрополит заговорил:

— Евгений Осипович, Вы уже по третьему кругу просматриваете донесения. Это последние донесения на данный момент?

— Да, — ответил Янковский, — Телеграф уже раскалился, наверно, когда такие объемы передавали. И это не считая курьеров на железной дороге.

— Так передайте их Владимиру Андреевичу для ознакомления. Надо немедленно

принимать решение. И уже сегодня выезжать на доклад Его Императорскому Величеству. Петр может не сдержаться. Владимир Андреевич потом, после ознакомления мне передайте, пожалуйста, документы, — сказал Митрополит и опять замолчал, глядя в никуда задумчивым взглядом.

— Уже не сдержался, — сказал Янковский, передав документы князю Долгорукову, и тоже задумчиво стал смотреть на знакомый до мелочей интерьер в ожидании, когда все ознакомятся с донесениями.

Долгоруков ознакомившись с каждым документом, передавал его Митрополиту. Митрополит посмотрев на Янковского, передал ему газету со словами:

— Ознакомьтесь пока и Владимиру Андреевичу дайте почитать. Много там интересных измышлений, — а сам стал читать предоставленные донесения.

Разглядывая газету князь Долгоруков с потаенной надеждой произнес:

— Не сильно то и заметно свечение.

— Кто не увидит, тем газетчики разъяснят где и как смотреть, — хмуро ответил Янковский, — А вот то, что князь Голицын, и не Голицын вовсе, а Романов, уже получается сегодня вся Московская губерния знать будет. Через три дня будет знать вся Российская Империя. А для всего мира и недели хватит. И ведь не простой Романов, а святой. Я договорился с фотографами, они обещали фотографии ко мне прислать. Наверное, уже прислали. Владимир Андреевич, прикажите, чтобы срочно сюда доставили.

— Не святой, а благословенный он, Евгений Осипович. Петр сам сказал что ему не дано защищать и умиротворять. А это как раз дело святых, — возразил Митрополит. — Он воин. И радуйтесь что не небесный, а вполне земной. Иначе бы вся Россия взвыла. Уж больно много грехов у нас накопилось.

Долгоруков вызвал секретаря и распорядился срочно доставить фотографии. И спросил Митрополита:

— Что Вас беспокоит, Ваше Преосвященство?

— То что Петр нас обманул во время службы, — расстроено ответил Митрополит. — Вы же помните крылья у него за спиной, Евгений Осипович.

Янковский заинтересованно посмотрел на Митрополита и кивнул:

— Да, они четко просматривались. Да и все находящиеся в храме их видели и слышали разговор Петра Алексеевича и его наставника.

— Так вот, это был спектакль, — раздраженно пояснил Митрополит. — Не знаю как, но Петр каким то образом может еще и ветром видимо управлять. Он же не скрываясь сказал, что дело в сквозняках. И ведь не соврал паршивец. Действительно все сквозняки делали. Только он ими управлял.

— Это как так?! А как же свечение при всем народе на площади? — удивился Янковский, — Мы же все его видели!

— А вот это действительно благословение. И никто это не оспаривает, — сказал Митрополит, — А дальше уже идет спектакль Петра Алексеевича. Но вот в чем беда. Это Петр думает, что он сам все делал. Вы же господа своих детей не останавливаете когда они пытаются какие-то вопросы по взрослому решать? Только поощряете и наблюдаете со стороны. Вот и тут так же. Чем бы дите не тешилось, лишь бы не плакало. Ребенок желает сам все делать? Так позволим ему, вреда от задуманного не будет. Понимаете, о чем я говорю? А тут еще и эти донесения.

Указал рукой на них расстроенный Митрополит.

— Так что же выходит Петр, под наблюдением находится? — спросил Долгоруков.

— Мы все под Богом ходим. И он о нас все знает, — сказал Митрополит и перекрестился, — Я не о том говорю. Понимаете, у Петра силы великие, но какие и насколько сильные, мы не знаем. А Петр не скажет. Но мы предполагаем, что для него нет стен, которые его удержат. А будем давить на него, так сбежит в Сибирь. Не даром интерес к ней проявляет. На него только три человека влияние оказывают. Это Елизавета Петровна, мамка Николаевна и дядька Николай. Так и за них он предупредил мстить станет, если что с ними случится. Он сам сказал, что отец его Алексей Александрович Романов, и Елизавета Петровна не опровергла его слова. А здесь газеты уже весть пустили, и ведь точно попали. Мы это точно знаем, а остальные пока что только предполагают. Слава Богу, хоть лоялен он к Престолу и Российской Империи. И думает, как на благо им действовать. И ведь опять все с вывертом каким-то, о себе-то он не забывает. Семью Романовых признает, как родственников, но опять будет дистанцию держать. И как подвел-то паршивец! Нашими же законами, против нас действует. Не придерешься. А Калугу чуть ли не своей вотчиной объявил, но в пределах Российской Империи. И грозит за беспорядки, сам прийти и всех благословить. А какое его благословение и так понятно. И что интересно казаки к нему лояльно отнеслись, по донесениям готовы были всю округу выпороть. А к чему он готовится? Что у нас через двадцать лет будет?

— Тысяча девятисотый год будет, — ответил Янковский, — Двадцатый век наступит.

— Вот именно! — сказал Митрополит, — Петр, что-то знает, или предполагает. Но никому не говорит. И опять не скажет. Но готовится. А нам что делать? Как со всем этим быть? Для лояльного отношения к нам, с ним нужно сотрудничать. Тогда и узнаем больше о грядущих событиях, и его роли в них. Но сами мы эти вопросы решить не можем. Только Его Императорское Величество может решить. И только у нас сейчас полная и правдивая информация. Ее немедленно надо донести до Его Императорского Величества, пока слухи не затопили Российскую Империю. Потому и говорю, нужно срочно выезжать в Санкт-Петербург на доклад. Я немедленно пошлю телеграмму обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву с просьбой встретить нас в Санкт-Петербурге для ознакомления с нашей информацией и срочного доклада императору.

— Хорошо, — хлопнул по столу Долгоруков, подводя итоги беседы, — Поступаем следующим образом. Вы, Евгений Осипович, остаетесь здесь, видя что обер-полицмейстер хочет возразить, остановил его нетерпеливым взмахом руки, — Не спорьте, по прибытию в Санкт-Петербург Вы обязаны будете прибыть на доклад к Вячеславу Константиновичу Плеве. А сейчас количество лиц ознакомленных с данным делом надо сократить. Но вот доклад вы напишете, и телеграфируете в Санкт-Петербург, чтобы нас встретили и получили срочное донесение. Пока донесение дойдет до Плеве, мы уже будем на докладе у Императора. Пока мы будем в Санкт-Петербурге Вам необходимо контролировать происходящее в округе и особенно в Калуге. С нами держите постоянную связь и докладывайте обо всем незамедлительно. Я сейчас же пошлю телеграмму в канцелярию Его Императорского Величества с просьбой о скорой встрече с Государем Императором с докладом о чрезвычайном деле, не требующем отлагательств. И также прикажу подготовить поезд со срочным маршрутом в Санкт-Петербург. Надеюсь хоть сколько-то времени, но сократим. Вы Ваше Преосвященство действуйте, как решили. И, Евгений Осипович продублируйте для нас все собранные документы. Фотографии мы тоже с собой заберем. Ну, с Богом!

На следующий день после тренировки. Перед завтраком засел за карту западной части Российской Империи.

— Дядька, что-то мне неспокойно, — начал разговор с ним, — Нет чувства, что смогу сделать то, что задумал.

— И что ты предлагаешь? — спросил он.

— Поговори с казаками. Мне нужен человек десять. Даже семейных в месте с семьями приму. Но предупреди, что первым делом мне требуется их преданность, — попросил я его.

— Петр, они же под присягой ходят, — ответил дядька.

— А вот здесь я и хочу им дать выбор, — начал я пояснять свою мысль, — Подобрать надо казаков, которые к службе не годны. Списанных. Я, к сожалению, руки и ноги отращивать не смогу, но думаю все остальное восстановлю. Главное самому не сгореть, а уж боль они и сами согласятся перетерпеть. И семьи их в месте с детьми тоже оздоровлю. Только мне их срочно найти надо, до обеда.

— Петр Алексеевич, есть у нас в станицах такие, — обратился ко мне Вахмистр, — Сейчас же вестника пошлю, разъезды недалеко проезжают. Так что к обеду казаки нужные вам, в месте с семьями здесь будут.

— Вот и хорошо, — обрадовался я, — Матушка нужно места для них определить. Размещать их прямо с семьями сразу будем. Все что им нужно они потом из своих домов соберут, если конечно время будет. Но за скарб пусть не переживают, новым обростут. Это уж я им обеспечу. Немного помолчав и пристально осмотрев карту продолжил: — Матушка есть такой городок в Польше, как раз не очень далеко от Варшавы. Сьрода-Слёнска называется, он для нас думаю в самый раз будет, чтобы несколько дней отдохнуть. Нужно один дом купить, он старый, а значит и не дорогой. Я укажу какой. Но только обязательно его! — я голосом заострил внимание на том, что никакой другой дом меня не устроит, — Вот с хозяевами именно этого дома надо срочно купчую оформить и начать приводить его в порядок. Что бы к нашему прибытию в нем можно было остановиться на несколько дней.

— Петр, ты что задумал? — заволновалась матушка.

— Да в общем то ничего, но у меня складывается чувство, что временно мы здесь. В скором времени уезжать нам отсюда придется. — ответил я ей, — И видимость побега на протяжении всего пути, нам придется создавать. Хоть и подгонять нас никто и не будет. В Сибирь-то можно с разных дорог заехать. Вот и рассматриваю разные пути. И еще всех в поместье предупреди. Я своих людей не бросаю, и с собой всех заберу. И обеспечу всем необходимым. Но неволить никого не буду. Пусть в эти дни принимают решение. Скоро решится все.

— Хорошо. У нас в Польше родня есть. Сейчас телеграмму дам. Думаю, дня за два, три управимся, — ответила она, соглашаясь.

— Вот и хорошо, — обрадовался я, — У нас где-то приблизительно неделя есть, плюс на дорогу в пути сколько-то уйдет. Думаю нужный нам дом к этому времени в порядок привести успеют, — я довольно потер руки, — Ну тогда давайте завтракать и делами заниматься.

После завтрака решил поработать с кузнецом. А чтобы меньше привлекать внимание, задумал сделать мясорубку. Пока будем изготавливать формы под комплектующие для нее,

можно будет еще и сделать формы под отливку деталей для будущего мотора. Тем более есть возможность использовать взаимозаменяемость мотора и компрессора. А компрессор буду сразу в двух вариантах делать, одно и двухцилиндровый. На одноцилиндровом, можно попробовать двигатель собрать без клапанов. Заодно отработаю процесс впуска и выпуска через клапаны, и коленвал с вкладышами. Интерес компрессор пожалуй тоже вызовет, но все же не так, как пока несуществующий мотор. А использовать его много для чего можно. Для того же холодильника. Холодильники, кстати, известны, но еще не применяются. Вот и надо извлечь из этого дела максимальную пользу. Тем более у нас в имени скоро будет наблюдаться эпидемия жора. Благодаря моему поспешному благословению. Запасы продуктов не менее полугода будут уничтожаться в тройном размере. Вот и будет обоснование для изготовления крупных холодильной и морозильной камер. Пока все будет на механике, и работать от паровика, то и размеры соответственные будут. До полукустарного производства в пределах имени электроэнергии я еще не скоро доберусь. Так что однозначно придется механику использовать. А хладагентами использовать можно хоть воду, хоть углекислый газ с аммиаком. Хотя нет, для воды и аммиака нужны испарители и вакуумные насосы, а это электричество. Ну пока оставим углекислый газ, и вероятно фреоны, а там возможно и другие идеи появятся. Вот под это дело и замаскируем некоторые детали двигателя. Все время сэкономлю на некоторых деталях. Да и попутно надо решить вопрос с выпечкой алюминия. Вдруг получится? Мне ведь нужно его реально выпечь, а не своей силой вытянуть. И тогда смогу вполне обоснованно написать письмо Менделееву и предоставить образцы с историческим обоснованием. И помогут мне в доставке письма митрополит с Янковским. Вот ведь, одно за другое цепляется и решаться может только в комплексе. А я один утону в этих решениях, помощников и времени не хватает. Благо мастеровые в имени уже имеют необходимые знания, и постепенно их раскроют в процессе производства. Уже помощь какая ни какая, и многие детали им передать можно будет.

— Дядька Ефим, — обратился я к кузнецу, — Собери мальчишек малолетних, у меня для них задание будет.

— Какое хоть задание, Петр Алексеевич? — заинтересованно спросил кузнец.

— Да вон у нас отвалы глины лежат, — начал я, — надо перебрать их. Я заметил, что по цвету разная она, видно из разных мест привезли. Вот и надо выбрать в одну емкость белую, а в другую рыжую глину. За работу рубль на всех положу. Но надо до обеда управиться, и так, чтобы белая была без примесей. Все отвалы перебирать не надо. Мне достаточно по два тигля заполнить каждого вида глины.

— Зачем это тебе? — недоуменно спросила матушка.

Я рассмеялся:

— Из глины несметные богатства добывать будем.

— Ну-ка, Петр, рассказывай, — заинтересованно потребовал дядька. Все во дворе исподволь стали подбираться поближе послушать очередную мою бредовую идею.

— Тут издалека надо начинать, — задумчиво протянул я, — С истории. Существует легенда, что к одному правителю Древнего Рима пришел человек. И принес ему в подарок необычный предмет. Выглядел данный предмет как серебряный, но очень уж легким он был. Из неизвестного металла изготовлен. Казнили несчастного. Правитель испугался за свою сокровищницу серебра, подумав что обесценена она будет. Есть еще одни слухи. Якобы в Китае есть древняя гробница, и отделана она очень необычным металлом, на серебро

похожим. Вот и думаю я, что металл этот алюминием был. Стоимость его на сегодня я думаю вы и так знаете. Он дороже серебра. А добывается с трудом. Вон во Франции химическим способом его добывать стали. И даже на промышленный уровень почти вышли. Правда то, что добывают это капля в море. Но я уверен, что есть и другие способы. Вот и задал вопрос, а как могли в древности его добывать? Из каких подручных средств? Что было у древних всегда под рукой? И перечень оказался коротким. Зола, морская соль и уголь. Моря у нас поблизости нет, так что морскую соль исключаем. А зола, точнее поташ и уголь есть. Вот и попробовать хочу выпечь алюминий с помощью них. Благо малая плавильная печь у нас есть. Если получится, то и история подтвердится, и я смогу написать письмо Менделееву Дмитрию Ивановичу. И даже образцы приложить, — немного подумав продолжил, — Матушка, Вы представляете кто у меня может учителем быть? Пусть даже по переписке.

— Ох, и авантюрист ты у меня, Петя — покачав головой, с доброй и в то же время гордой улыбкой сказала матушка.

— Ерунда, — махнул рукой я, — Главное результат, а я его добьюсь.

— Петр, а зачем тебе глину по цвету различать? — спросил дядька.

— Тут не знаю, но предположить могу, — ответил я, — Белая глина по цвету ближе к серебру, может быть там больше алюминий присутствует. А рыжая по цвету на ржавчину походит, значит там железа больше. Утверждать не берусь, просто цвет на такие мысли наводит. Вот и определим по выходу металла, если получится конечно. Температура плавления алюминия я думаю ниже чем у железа. В стародавние времена железо с большим трудом выплавляли. Много хитростей использовать приходилось, что бы температуру поднять. Так что выхода железа не будет, значит и эксперимент, если все удачно получится, будет чистый.

А получится обязано. Своими способностями помогу. И не дам образоваться летучим соединениям, потому и выход будет пусть и не на много, но больше. Мне все равно надо как-то добывать алюминий для своих поделок. И пусть не тоннами, но пару десятков килограмм надо. Еще придется строить печь для выплавки. Ладно хоть требования до тысячи градусов, максимум тысяча двести, что ниже плавления железа. Все легче будет. Даже есть у меня в памяти реактор для выплавки алюминия с помощью углерода, но в этом времени он не реальный. Зато можно идею творчески переработать. Глядишь и реальное изобретение сделаю. По выплавке алюминия с наименьшим загрязнением окружающей среды.

Отец Александр покачав головой заговорил:

— Знаете, Петр Алексеевич, я заметил что все Вы стараетесь под себя делать. Даже вон алюминий добывать собрались, и то как личное богатство определили. Не хорошо это, эгоизм он ведь к добру не приведет. Особенно в вашем положении, многие соблазны Вас с пути истинного в другую сторону поворачивать будут.

— Отец Александр, правы Вы во всем. — усмехнувшись ответил я. — Но вот ведь какое дело. Мы все эгоисты в той или иной степени развитости. А как быть тем у кого эгоизм раздут до больших пределов? Себя ломать? Так ведь и сломать совсем можно. Да и я как уже говорил не святой совсем. Я воин и разрушитель по способностям своим. Мне что делать? Эгоизм у меня присутствует по характеру моему, исходя из моих способностей. Мы ведь все люди социальные, без общения не можем. И это-то и является противовесом эгоизму. Вот и нашел я выход из данного положения. Все свои действия я через себя пропускаю. Чтобы не быть в изоляции, мне нужно общаться с окружением. И заметьте на равных общаться. Нет у

меня деления на привилегированных и простых. А как добиться, чтобы и самому хорошо жилось, и в то же время в изоляции не быть? Да обеспечить достойным уровнем жизни окружающих, тогда среди общего благочиния никто и не обратит внимание на наше имение. И люди тогда ко мне со всем уважением будут относиться. Вот сейчас этим и пытаюсь заниматься. Буду самым равным среди равных. И первым среди них же, — я громко рассмеялся, — По другому не получится у меня. По другому, наверное, только путь антихриста доступен будет. А это мне не нужно, ни в каком виде. Так что это здоровый эгоизм, он по существу у каждого нормального человека присутствует.

Немного помолчав продолжил:

— К сожалению мы живем в сословном обществе. И дворянство такое поведение не приветствует. Но мне нельзя по другому. Я вам уже объяснил почему. И нет, панибратства я не допущу, и внешние атрибуты поведения и общения соблюдать буду. Но тех, кто посчитает, что я народоволец и революционер, могут жестоко поплатиться за свою ошибку. Церемониться с такими я не собираюсь. Я государственный. И все рассматриваю через призму государства и в его интересах. Если я ответил на ваш вопрос, то давайте продолжим. Дядька Савелий, мне нужно будет два небольших пенала, с двумя отделениями каждый, — обратился я к плотнику, — Сделаешь?

— Сделаю, Петр Алексеевич, — уважительно кивнув, ответил плотник.

— Только обязательно сегодня, — добавил я, — И желательно не позже обеда.

— Хорошо. Дело не сложное, и заготовки есть.

— Дядька Ефим, когда с мальчишками разберешься, подойди ко мне, — попросил я кузнеца, — Есть у меня одна идея. Не сложная, но трудоемкая очень.

Кузнец кивнул и пошел заниматься мальчишками. А я засел за чертеж мясорубки. Сама мясорубка уже известна, но вид имеет непрезентабельный, неудобная она в общем. Да и удобство ее сомнительное. По тому и захотел сделать подобие современной мясорубки. Правда и сложностей в ее изготовлении в это время много будет. Кучу дополнительных вопросов решить придется. И главный вопрос, как решить проблему окисления? Видимо бронзу или латунь использовать придется. На крайний случай можно оцинковать рабочую зону камеры. Надо будет поговорить дядькой Ефимом по поводу твердых сплавов для ножа и сетки. Там притирать и точить замучаешься. Но без них смысл мясорубки теряется. Попутно сделал набросок одноцилиндрового двигателя и компрессоров двух видов. Одно и двухцилиндровые. Много деталей придется делать из железа и латуни. Что сокращает срок жизни двигателя. Потихоньку и незаметно для других его конечно можно укрепить. Но не на много. Иначе вопросы возникнут. Эх как же мне нужен алюминий. А он зараза добывается с большим трудом, энергозатратами и чудовищным загрязнением окружающей среды.

Может уже сейчас научить людей пользоваться полями? Нет, нельзя. Уничтожат всех, и меня, в том числе. Это будет смена власти, а уж властью никто делиться не захочет. И ведь те кто у власти не понимают, что новые времена наступают. И власть их уже заканчивается. Каких-то тридцать лет осталось до физического уничтожения всего дворянства. А уничтожать их будет не народ, который они презрительно не замечают. А как раз те, кто угодливо власть предрежающим кивают и поддакивают. Банкиры в смычке с промышленниками управление подхватят, а прежних хозяев вырежут с помощью народа. На народ и вину свалив.

Придется мне потерпеть не менее двадцати лет. Пока полностью своими землями не обзаведусь. Сейчас пускай думают что я единственный такой, а значит безопасный

полностью. Как зверушка редкая какая-нибудь. Да и в поле сохранения я попасть не смогу. Пробовал использовать духовное видение. Вижу только размытые тени в виде пятен от живой природы. Видно духовное зрение завязано сейчас на материальный носитель. А органы чувств человека либо слабо развиты, либо совсем не предназначены к такой форме взгляда. Вот и получается, что пока есть тело, будут и ограничения. Но вот тренировать я думаю зрение все равно можно, разум он ведь тоже участвует в познании окружающего. Значит и взгляд к разуму подключить возможно. Так что остаются только время и тренировки. А там и решу эти проблемы. А ведь с помощью умения управления полями можно многие экологические проблемы решить. Да и история пойдет совсем по другому пути развития, соответственно и научно-технический прогресс. Значит будем ждать и тренироваться.

Кузнец довольно быстро организовал процесс переборки отвалов глины и подошел ко мне в ожидании дальнейших распоряжений.

— Дядька Ефим, вот смотри, — сказал я, — Ты ведь про мясорубку знаешь?

— Да, Петр Алексеевич, — ответил кузнец, — Даже в руках держал. Забавная вещица.

— Это хорошо, — покивал я, — Но вот беда, задумка хорошая, а исполнение отвратительное. Винт Архимеда уже на протяжении веков знают, и даже пользуются. Но все как то криво использовать норовят. Вот и задумал я для нас сделать удобную мясорубку. Над этим мы сейчас с тобой и подумаем. — я достал набросок будущей мясорубки, — Вот смотри исполнение самое простейшее, — я показал кузнецу свои нехитрый чертежик, — Но вот с рабочей камерой у меня проблемы возникают, чтобы избежать окисления при работе с мясом и водой. Нет у нас нужных материалов, либо уж очень дорогие они. А ржавчина, сам понимаешь, неприятный продукт. Для нас, конечно, можно сделать и из дорогих материалов, но ведь хотелось бы массовость в производстве обеспечить. Чтобы все могли пользоваться. Потому нам придется увеличивать количество деталей для нее. Сам корпус отливать из железа будем, тут ничего страшного нет. А вот корпус рабочей камеры от нарезки для зажима ножа, до втулки крепления оси винта, придется вдоль срезать. Это будет отдельной частью изготавливаться и крепиться на болтах к основной части. Нам ведь рабочую зону покрывать чем то надо, что бы избежать коррозии. Тут либо оцинковка, либо вкладыш из бронзы. Да и в таком виде чистить и по возможности ремонтировать ее легче будет. Втулку на ось под ручку сделаем из латуни. А вот с ножом и сеткой я не знаю как быть. Ты не знаешь, у нас есть возможно достать или на стороне изготовить их из твердых сплавов? Но так что бы можно было притереть их друг к другу, а в последствии и нож затачивать. Формы для отливки я думаю мы и здесь создадим. А то с их системами измерений что угодно получится. Но не то, что нам надо.

— Это возможно, и сплавы такие есть, — задумчиво сказал кузнец, — Можно у нас в Калуге в паровозных мастерских заказать. А еще в Туле, благо тут не далеко. На оружейном заводе.

— Тульские оружейники? Заманчивая идея, — согласился я, — Они ведь на мелких деталях и с достаточной точностью работают. Мы можем сейчас сделать формы под литье. Да и отлить часть деталей тоже можем в ближайшие дни. Плотника привлечем что бы за сегодня или завтра сделал рабочий образец из дерева. Для наглядности. Пускай все в имени побалуется. Потом разместим заказ на сетку и нож в Туле. Не думаю, что нам откажут в такой малости. Посмотрим, как работает у нас на кухне. И через митрополита и обер-полицмейстера оформляем привилегию. Ну, а там можно привлекать нашего купца и

полностью размещать заказ в Туле. Я ведь обещал ему, что если сделает все в точности и в срок, то буду его постоянным заказчиком. Так что работу ему можно заранее подбирать. Пока мастерских своих нет, будем сторонних производителей использовать. Все польза будет. Отец Александр, — я посмотрел на батюшку, внимательно прислушивающегося к нашему разговору, — как думаете, такое возможно сделать? Не слишком нагло с нашей стороны это выглядеть будет?

Отец Александр покачав укоризненно головой, сказал что нет, не будет. И попросил эскиз, для того чтобы его перерисовать. Я пожал плечами и отдал его насовсем. И так понятно, что для отчета он ему нужен. А потом заметил:

— Знаете, отец Александр, зря вы меня осуждаете. Вы поймите, у меня много планов и задумок. И очень они дорогостоящие для нашего имения. Грабить матушку для своих хотелок я не хочу. А занимать не буду. И где по вашему я деньги возьму? Только вот так, заработав, и смогу получить необходимые мне средства.

— Петр Алексеевич, у церкви есть казна на такие случаи. Уж вам то не откажут, и обязательно помогут, — уверенно ответил отец Александр.

— Да? А не боитесь, что казна ваша быстро опустеет с моими то желаниями? — ответил я, — Она у вас не для таких трат создана. У меня ведь задумки действительно серьезные. Подождите до зимы, и вы поймете какие. И очень они затратные, тут и государственная казна не один раз подумает, прежде чем решится на такие траты. Так что только на себя надо рассчитывать. А деньги? Деньги не есть сама цель, деньги есть средство для достижения цели. Да и вот еще о чем подумайте. Я ведь всего лишь свою задумку осуществляю, да для себя, но и для людей тоже. Для нас это одиночный, разовый предмет. Нам много мясорубок не надо, и одна несколько лет проработает. А чтобы дать доступ к ней для других, нужно этих же самих людей привлекать. То есть будут обеспечены работой рабочие завода, купцы будут ее продавать в разных местах. Кухарки будут радоваться облегчению своего труда. Сколько людей получают через эту задумку заработок, а значит средства к существованию? Так что плохого я делаю? За что меня осуждать? Тем более уже ведь объяснял, что нельзя мне по другому. Альтернатива уж больно нехорошая будет. А прибыль, которую я якобы получу не вся ко мне попадет. Часть ее как раз в ту вашу казну и уйдет, а другая часть в фонды обер-полицмейстера Москвы. Жандармскому управлению тоже ведь средства нужны. А если их нет, то ничего страшного. Можно и инициатором по созданию такого фонда стать. И не смотрите на меня так удивленно. Я уже говорил что хочу свое княжество создать. А от своей задумки не откажусь. И мне в моем пока не существующем княжестве, тоже полицейское управление понадобится. Так что создав такой фонд, глядишь и получу возможность пограбить на предмет людей жандармское управление. И на этом давайте прекратим все эти разговоры. Нам за сегодня много чего еще сделать надо.

— Петр Алексеевич, а что у вас еще за эскизы с мясорубкой лежат? — спросил кузнец, — Уж больно вид у них непривычный.

— Это дядька Ефим компрессор, — ответил ему, попутно передавая эскизы недовольно поджимающему губы отцу Александру, для перерисовки, — Ты насос у пожарников видел? Вот по тому же принципу он и работает.

— Так у пожарных он с ручками с обеих сторон и двумя штангами внутрь уходящими, — возразил кузнец, — А у вас колесо в сторону вынесено.

— Пожарный насос действует за счет силы и скорости двух пожарных, — пояснил я, —

Цилиндры насоса вертикальные и пожарники давят с помощью штанг на сам поршень цилиндра. Пока один выдавливает воду в пожарный шланг из цилиндра, другой наоборот заполняет цилиндр из бочки с водой. А потом они меняются, и так по кругу. И чем быстрее и сильнее они будут давить, тем сильнее будет поток воды в пожарном рукаве. Мой компрессор так же действует. Только он имея меньшие размеры, все равно остается более производительным. А использует силу машины, тот же паровичок можно использовать. Тут человек с ним не справится, сила машины нужна. Нужное устройство для нас. Да хотя бы для полива его использовать можно, забирая воду из Оки. Или, например, построив водонапорную башню в имении, можно устроить водопровод. А заполнять его водой с помощью такого вот насоса. Но вообще я его для другого задумал. Он ведь воздух качать может, и с достаточно сильным напором, а это, как вы знаете, может поднять температуру плавления. То есть уже не только железо плавить можно, но и тугоплавкие сплавы. И его можно использовать в нашей плавильной печи.

Дядька Ефим с подошедшим плотником рассмеялись:

— Петр Алексеевич он же нам печь разворотит, если вы говорите что он такой мощный.

Я рассмеялся с ними в месте:

— Ну для этого используют разного рода форсунки. Да и необязательно его на прямую использовать, можно емкость под большим давлением заполнить. И ее уже использовать по мере необходимости. А вообще, если все с ним хорошо получится, и мы наглядно продемонстрируем его пользу, то и производством займемся.

— Петр Алексеевич, — задумчиво прищурившись, вдруг заговорил дядька Савелий, нап плотник, — А ведь можно его и из дерева сделать.

— А знаете можно! — согласился я, — Правда будет он не долговечен и слаб, но зато мы детали из него можем на формы использовать. Для отливки. Придется один в один резать, дядька Савелий, с соблюдением всех размеров деталей. Я сейчас с мясорубкой закончу со всеми размерами, и компрессорами займусь. Будем сразу готовить одно и двухцилиндровые компрессоры. Эх жаль наши измерительные приборы в другой измерительной системе. Считай на ощупь все делать будем. Ну ничего, это то, я со временем исправлю. Да, а вы все понимаете в моих эскизах? — я посмотрел на мастеров, — С размерами не путаетесь? Ничего уточнять не надо? Сможете сами управиться, без моего присутствия?

— Да чего уж там сложного-то? Управимся, — уверенно усмехнулся кузнец, — Вроде все понятно. Да и Вы не далеко, всегда спросить можно.

Вот и началось действие моего благословения. У меня помощники появились. Теперь хоть часть работы не сам делать буду. Осталось закупить немного тугоплавких сталей с высокими показателями твердости, и тогда под видом экспериментов сделаю измерительные приборы. Делать все равно придется с помощью своих способностей. Размерную часть я в метрической системе помню. Создать шаблоны матриц труда не составляет. Вот и получу все необходимое в полном соответствии. Микрометр, конечно, изготавливать не буду, пока нет такой необходимости. Но современный штангенциркуль в метрической системе сделаю. И главное будут у меня полностью стандартизированные плашки и метчики с нормальной привычной мне метрической резьбой для изготовления болтов и гаек.

До обеда у нас действительно много дел оказалось. Пока обсудили и подогнали примерные размеры для частей мясорубки и компрессоров с плотником и кузнецом. Пока

изготовили части форм для литья. Тут еще и казаки с семьями прибыли, размещать надо было, да и ребятня набрала глину с запасом, да не малым. По целой корзине каждого образца. Пришлось проверять и сажать мальчишек перетирать глину в порошок, пообещав им доплату в виде премии.

А ближе к обеду грянуло! Да и еще от туда откуда и ждать не мог.

А началось все с беседы наших мастеров. Дядька Ефим радовался, что он все понимает когда со мной разговаривает, причем в метрической системе. Что вот, мол, Петр Алексеевич чертеж показывает, а ему все понятно. А тут еще и плотник добавляет. Что и ему все понятно, и он теперь быстрее чем раньше с деревом работать может. И мясорубка уже завтра готова будет. А кожевник радостно сообщил, что его дети сущие гении и ему помощниками уже сейчас стали. Да и жена его как-то помолодела, да похорошела. Все согласились, что да, так и есть. И у них в семьях так же. И вообще хорошо когда в имении благословенный живет, и благословение его на все имение распространяется. Мамка с матушкой стоявшие неподалеку и ведущие свою беседу, но слышавшие весь разговор замолчали. А мамка резко повернулась и очень внимательно оглядела каждого из наших мастеров, с прищуром, как какой-то спец из службы безопасности нашего мира. А потом так же остро зыркнула на дядьку, стоящего с казаками неподалеку и слушавшая разговор мастеров. Тут, по-моему, весь двор к нам прислушивался, вон даже священники уши наострили. Жить они здесь решили что ли? Дядька побледнел и посмотрел непонимающе на мамку, на меня и на мастеров. А потом видимо что-то поняв, начал смеяться, безудержно и весело, аж сел там, где стоял. Казаки, ничего не понимая, уставились на дядьку. А он рукой машет, ничего сказать не может, только смеется. Мамка как стояла, так и развернулась, и каким то зигзагообразным, приставным шагом куда-то направилась. Явно зверька какого-то загонять собралась. Мне даже интересно стало, какого? Я отложил тетради и, не подавая вида, попытался вычислить маршрут зигзагообразного движения. А тут и матушка непонимающе глядевшая на весь этот спектакль, тоже что-то просчитавшая у себя в голове, развернулась. И таким же приставным, зигзагообразным шагом направилась загонять своего зверька, только с другой стороны. Да что же это такое! Ничего не говорят! Я, может тоже на этого зверька поохотиться хочу! Ну ничего, сейчас вычислю точку выхода моих, и быстрым броском поймаю этого зверька. Точку выхода вычислить удалось быстро. Зигзагообразные кривые сходились на мне. Я даже под стул и стол заглянул, может там мышонок какой сидит. Пусто! Вы понимаете, там было пусто. Это что же на меня загонную охоту ведут? Но я не хочу в кошки мышки играть. За бедного мышонка замолвите слово! Тут такие матерые кошки, клочков ведь не оставят. И что-то мне так не уютно стало, и дядька предатель смеется только. Хоть бы предупредил. Надо спасаться, вдруг понял я! И ведь ничего вроде не сделал. Да я даже алюминий еще не выплавил! За что? Пришлось отодвинуть тетради и медленно встать, это что бы не спровоцировать преждевременную атаку на меня любимого. Потом заложив руки за спину и глядя на облака потянуться. Якобы у меня спина заныла. Ну а далее приставными шашками направить движение своего тела в сторону выхода из ворот нашего имения. И все это делать глядя на небеса. Мамка и матушка остановились с плотоядным интересом наблюдая за мной. Мамка наблюдала не долго, и скомандовала конюху стоявшему у ворот:

— Егор Кузьмич, ты ворота то прикрой. И проследи, чтобы Петр Алексеевич в них не выскользнул.

Да умеет мамка командовать. Все без разговоров ее слушаются. Прямо серый кардинал нашего имения при матушке.

— А ты Савелий сходи ка за новой метлой, — сказала она плотнику, — Я знаю что прутья там новые, ивовые и гибкие. В самый раз будут.

Что-то это мне совсем не нравится. Интересно через забор смогу перепрыгнуть? И стал внимательно оглядывать забор.

— Ты, Петенька, касатик, забор то не оглядывай. От тетки Николаевны еще никто не ушел, — ласково сказала мамка.

Вот ведь как не наступившим двадцатым веком пахнуло. Какой Розарио Агро, от которого еще никто не уходил! Какая итальянская мафия, которая бессмертна? Бессмертные слова оказывается, с девятнадцатого века уже ходят. Крестный отец? А крестную мать русского разлива, получить хотите? И ведь действительно от мамки, дядька ни разу не ушел. Постоянно при ней. Вот я попал. Пришлось с непонимающим, но заранее виноватым видом повернуться к мамке.

— Петенька, а Расскажи-ка нам, ты намедни ничего не учудил? — ласково спросила мамка.

— А чего сразу я? — возмущенно заговорил, — И почему сразу учудил?

— Петр, ты лучше Расскажи что сотворил, — сказала матушка.

— Благословение на имение не накладывал? — добавила мамка.

Я замялся, но все таки ответил:

— Наложил.

— И когда? — спросила матушка.

— Вчера вечером. Когда вы в гостиной сидели, а я во двор вышел, — и с улыбкой добавил, — Хорошо что доктор еще ничего не знает.

— Это почему? — удивилась матушка.

— Да ну его, — беспечно ответил я, — Еще клизму ведерную поставит.

— Пстой, — заволновалась мамка, — Ты случайно не то благословение наложил, на силу и плодородие земли?

Девки находящиеся во дворе и слушавшие наш разговор дружно ахнули и стали стрелять глазами в разные стороны. Казаки до которых наконец-то дошел весь смысл происходящего, дружно рухнули на землю от смеха, при этом поглядывая на девок. Наверное, будущих жен себе уже выглядывают. Вот точно говорю, сегодня ночью у нас в имении свадьбы будут. Святые отцы побледнели и стали креститься. Ну эти наверняка съели что-нибудь не то. Причин так бледнеть просто больше нет.

Дядька сквозь смех еле выговорил:

— Да Петр, это же надо на закоренелого холостяка, такое благословение наложить. Тут не только ведерная клизма может быть.

— А что сразу я? — заговорил возмущенно, — Да и по другому благословение звучит. Всего лишь захотел молодость, силу и здоровье всем назад вернуть.

Мамка схватилась за сердце и обратилась ко мне:

— Петенька, что же ты натворил? Это мне что же все сначала надо пройти?

И напустилась на дядьку:

— А ты чего ржешь? Вам то мужикам все нипочем.

Дядька в начале вытаращился на мамку, а потом когда понял о чем она говорит окончательно выпал из реальности от смеха. Я тоже уставился на мамку не понимая:

— Мамка, а что ты выпила с утра? Какую такую настоечку забористую? Я вообще-то временем управлять не умею. Не дано мне этого. Так что время вспять, персонально для каждого не поворачивал. Там всего-то, захотелось мне что бы все долго красивыми были, с лица приятными и фигурами ладными. А для этого нужны здоровье, сила и ум. Вот это и

получилось у меня. На все имение получилось.

Дядька наконец то успокоившись проговорил:

— Так, казачки, давайте-ка приводите себя в порядок. Чувствую этот день открытиями богат будет. А ты, Петр, давай, выкладывай все по порядку и вдумчиво, а то мы не выдержим от твоих уточнений и со смеху помрем. Да и девки вон уже глазками стрелять стали, они ведь теперь у нас самыми красивыми, сильными и умными считаются. Хотя вот что я тебе скажу, — с какой-то задумчивостью и опаской проговорил дядька, — Зря ты еще и силу упомянул. Сладу теперь с ними не будет, верховодить начнут. Эх, казаки, кончилась ваша спокойная жизнь, а бежать-то вам и некуда. Служба.

Это да, — задумчиво проговорил я, — Прямо как про наших слова сказаны. И коня на скаку остановят, и в горящую избу его занесут. Они у нас всегда такие были, красавицы. Вон даже мамка вчера призналась что тебя быстро захомотала, а сегодня подтвердила, что и в стойло поставила.

— Это когда я такое говорила, Петенька? — спросила ласково мамка, со стальным взглядом в глазах.

— Вчера и сказала, после песни о казаке, — ехидно ответил я, — А сегодня и подтвердила. Кто на весь двор заявил? Что от тебя еще никто не ушел! А дядька-то вон он, на земле недалеко от тебя сидел.

Казаки опять рассмеялись, но на девок уже с опасливым интересом смотреть стали. Невесты-то завидные получаются, хоть и норовистые. Да и с приданным у них все в порядке будет.

— Вот ведь вырастили ехидну сообразительную, — со вздохом сказала мамка, — За словом в карман не лезет. А может это даже и к лучшему, все легче ребенку в жизни будет.

А дядька, нахмурившись, сказал. Видно задел его разговор наш:

— Ты Петр разговор в сторону не уводи. Благословенные они все, вот об этом давай и поговорим. И еще сразу поясни нам, ты теперь такие благословения везде и на всех накладывать можешь?

— Не так благословение действует, как ты думаешь, — ответил я, — Я побоялся накладывать сразу всему поместью полное благословение. Это могло вызвать шок и панику. А еще и боли сильные, ты же знаешь что сила у меня такая. А в имении еще и дети малые. Так что это не благословение получилось бы, а проклятие какое-то. Оно постепенно сейчас действует, потихонечку приводя людей в порядок. Думаю к концу осени многие уже окончательно восстановятся и станут такими, какими должны быть. И только зимой остальные меняться начнут, те у кого дело совсем плохо было. И, матушка, готовься к жестокому истреблению наших закров со стороны жителей и гостей поместья. Где-то полгода такое безобразие будет, но я думаю мы потерпим и справимся. Нам много пищи понадобится, зато потом все сторицей вернется. И нам с тобой дядька придется нагрузки увеличивать. Эх, не знаю я, как моя сила в этом случае действовать будет. Она ведь на помощь мне прийти может, а тут наоборот нельзя допускать такого. И казаков придется с собой брать, да с полной нагрузкой. Иначе из воинов в толстых свинтусов превратимся. И когда еще это сало в силу перерастет? Много времени уйти может.

— Не волнуйтесь, Петр Алексеевич, — ответил озадаченный вахмистр, — Воинским искусством мы всегда рады заниматься, а нагрузки, коли такое дело, перетерпим.

— Ну а вам, святые отцы, я так понимаю, сила, как у воинов не так необходима. Вам нужна сила разума. Так что запасов в теле у вас достаточно, чтобы сразу перестройка

началась. Но если хотите чуточку сильнее быть, то больше пешком ходите. Немного помолчав и подумав продолжил: — По поводу благословения всех и везде, так отвечу. Нет, не могу такого. И научусь ли когда, не знаю. Тут вчера все по другому было. Это вроде бы и не я был, и в то же время я. Полностью я. Понимаешь?

— Вот и расскажи нам о вчерашнем, — попросил дядька, — По порядку расскажи. Чтобы и нам понятно было.

— Когда вышел вечером во двор прогуляться, ко мне пришло понимание нескольких вещей. Что ты, мамка, и ты, матушка, уже не молодеете. Вы еще достаточно молоды, но уже не молодеете. Не хочу оставаться один! Понимаешь, не хочу! И не буду! А еще я просто обязан дать вам радость в жизни, а как? Моя сила для другого предназначена. И использовать ее столь противоестественным способом, в виде благословения и лечения, ну не знаю. Нет у меня еще опыта контролировать ее столь сильно, чтобы можно было безбоязненно на людях использовать. Тут ведь жить захочешь и не то вытерпишь. Так что применять ее можно только в безвыходной ситуации, когда выбора нет. В общем если сейчас использовать, то либо сожгу, либо, что наиболее вероятно, с ума сведу от боли. А ждать и тренироваться, результат тот же будет. Ведь с возрастом и силы применять больше придется. Очень обидно мне стало, что своим родным помочь не могу. И сила есть, а помочь не могу. А тут добавилось еще одно. Мне дело надо делать, а тут и другие дела наваливаются. Уже целый воз на подходе, и все на меня. Не осилю я его в одиночку, завалит меня. Значит нужны помощники, чтобы поделить этот воз на маленькие возки. Каждому помощнику по знаниям и возможностям его. Тогда и тянуть легче, и дело сделано будет. А как им помочь и отблагодарить? Только красотой, силой, здоровьем и разумом. Точнее знаниями. Так ведь и знания у меня не столь великие. Что опять людей в благодарность молнией жечь? Да какой же я тогда сволочью неблагодарной и бездушной стану. Вот это все вместе и вызвало спонтанный выброс силы без всяких проявлений. И сила эта в меня ударила, со всей мощью. Благословение это было, я сам на себя благословение наложил. Чуть не спалил себя, все как на станции Ферзиково. Только там молния с небес, а здесь не оформившаяся молния на себя. Боль сильная была, но я ее дальше не пропустил. Получается наложив на себя благословение, я его дальше через себя пропускаю на все именование наложил. Зато никто ничего не заметил. Вся боль во мне сосредоточена была. Но само благословение меня же и лечило, и поддерживало, и знания давало. Я сразу понимал кому и какие знания направлять. И кому что необходимо. Рассмеявшись, хитро посмотрел на дядьку: — Ты теперь сам себе неверишь какой я сообразительный буду, когда ты меня учить станешь. Знания-то для тебя я через себя пропускал. Точнее для всех пропускал, от того и сумбурные они. Да и не только я теперь сообразительным буду. Все в поместье такими будут.

Дядька только крикнул и головой покачал. Мамка с матушкой покраснели и промолчали. Но вот святые отцы вскинулись, явно возмущаться задумали. Да что же это такое?! Ну невозможно всем и сразу угодить. Пока одних успокоишь, другие возмущаться начинают.

— Петр Алексеевич, нельзя так с людьми. Не по-божески это, — начал отец Александр, — Мы ведь с отцом Константином по церковным и монастырским законам живем. А тут принуждение к нарушению идет. Нас ведь и изгнать могут, в расстриги определить. И митрополит недоволен будет. Как нам с благословением быть-то теперь?

Ну святые отцы я вам сейчас устрою светопредставление! Это же надо получить здоровье, вторую молодость, возможность иметь семью и детей, да еще и знания по

обучению и наставничеству, и все равно быть недовольными. Церковь видите ли, запрещает, митрополит будет недоволен. Вот как раз митрополит и решит вашу проблему, без крови и шума. А я вам помогу определиться с правильным подбором слов в вашем докладе. И стал не выпускать даже, а нагнетать духовную энергию на поместье. И нет, это уже не спонтанный всплеск эмоций мелкого Петра, это уже было мое осознанное решение. На заборе и всех верхних точках строений зажглись огни святого Эльма, а по поверхностям стен стали стекать молнии статики, как и положено с треском и шумом. В воздухе сразу запахло очень сильной грозой, она даже давить начала на окружение. И поднялся легкий ветерок, разнося по округе треск стекающих молний. У людей волосы заискрились, а по одежде начали огни так же в землю стекать. Мне пришлось прикладывать постоянное усилие, что бы поражающие факторы всему живому не навредили. И вот тогда я заговорил, и вместе со мной заговорила гроза, а ветерок стал разносить мои слова:

— А что, давайте все вместе пойдем в церковь. И всем миром посмотрим, как в святом месте, святым словом благословение изгонять будут. И что из этого получится? — грозовой рокот от моих слов даже меня пробирал аж до печенок, а что было с остальными, я и представить боюсь. Срочно пришлось накладывать матрицы восстановления на все живое в имени. Во время казаки с семьями прибыли. Тут же провел синхронизацию с ними и наложил диагностику. А дальше матрицы восстановления свое дело сделают. Единственное знания добавил прибывшим. От такого напора силы казаков корежить начало, но это все и они, в том числе ожидали. Да и молнии все-таки свое воздействие оказывали. Теперь все будет хорошо, справятся. — Вам опыт дан, чтобы наставниками над людьми быть. Вам знания даны, что бы детей учить. А как вы свои обязанности исполнять будете, коли своих детей и семьи нет? Сказано, плодитесь и размножайтесь. А вы своими церковными законами прикрылись. Что выше — церковные законы, или законы Божеские? Вам дано здоровье и силы, что бы вернуть все на круги своя, а вы возмущаетесь! Цените то что есть, и не плачьте по ушедшему!

Ой что-то мне опять не хорошо становится. Откуда энергия прибывать стала? И не такая, как моя. Пришлось в срочном порядке проверять все. Опять произошел резонанс с обитателями поместья, и энергии слились.

Да ершиком по меди! Это что духовная энергия веры?! То есть люди поверившие в меня, стали делиться со мной? Не надо мне этого! У этой энергии резонанс другой, меня же спалит. Мне нужна нейтральная энергия. Нет, я, конечно, могу перестроиться на энергию другого порядка, но зачем мне это? Срочно втягивать свою энергию пока не стало слишком поздно. А с энергией веры потом разберусь. Видно придется резонаторы какие-нибудь создавать, чтобы изменять резонанс на хотя бы близкий к моей энергии. Иначе меня в неизвестно какие дебри понесет или спалит как кусочек пуха в пламени. Втянув энергию в себя я отошел к столу и сел прямо на землю, облокотившись спиной на ножку стола. Мамка с матушкой кинулись было ко мне, но я остановил их вытянутыми ладонями. А про меж пальцев у меня молнии гуляют, были бы волосы то и по ним молнии гуляли бы. И все это добро в землю стекает. Вот и ладушки, вот и хорошо. Хоть от каких нибудь излишков избавлюсь, все легче будет.

— Петенька, что с тобой? — всполошилась матушка.

— Да ничего особенного, — слова давались с трудом, — Просто я опять стал сильнее. Еще прошлой силой не научился пользоваться и не освоился. А тут опять все заново. Ничего, просто мне привыкнуть немного надо, и все станет как всегда.

— Мамка, проследи, пожалуйста, за новыми семьями с казаками. Плохо им сейчас. Очень плохо. Такой напор силы на них свалился. Нужно помочь и успокоить. Теперь все у них хорошо будет, — попросил я мамку и посмотрел на наставника, — Дядька, как казаки восстановятся, то заботы тебе прибавится. Все так же как и у нас с ними будет. И принеси мне ведро воды из колодца, а лучше два.

— Опять обливаться будешь? — спросил тот.

— Да, — кивнул я, — Все как всегда.

Облившись водой, немного пришел в себя. Попросив Ефима набить тигли смесью из глины, угольного порошка и поташа и подготовить плавильную печь к работе. Сам отправился к себе в комнату, приводить себя в порядок, предварительно сообщив, что от обеда не отказываюсь, и обедать буду со всеми. Поднявшись в комнату, первым делом посмотрел на себя в зеркале. Выглядел мягко говоря не очень. Весь как-то высох, под глазами синяки, на бритой голове красные пятна вперемешку с фиолетовыми. И глаза еще светятся. Вид получается какой-то жутковато потусторонний. Вот когда затемненные очки нужны, но они увы еще только изготавливаются. Постоял, подумал, стоит ли восстановительные матрицы на себя кидать и как среагирует на это энергия веры. А потом решил, что у меня и так восстановление быстрое, к утру, максимум к обеду и без матриц буду в порядке.

На обеде присутствовали все, даже доктор. Но за чаем разговор первой начала матушка:

— Петр, все то ты продумал и правильно сделал. Обо всех позаботился. И силу, и здоровье с молодостью дал. Вон даже семьи им пророчишь, — и покачала головой, — А мне как быть, мне что теперь делать?

Все находящиеся за столом хором промолчали. Мамка даже взгляд отвела. Вот и что я ей ответить по вашему должен? Матушка, вы свои проблемы и сами легко решите. Так что ли? Ну откуда двенадцатилетний мальчишка может знать какие мысли бродят в голове у взрослых? И какие вопросы в связи с этим возникают? Так что отвечать буду со всей пролетарской непосредственностью ребенка ничего не знающего о проблемах взрослых:

— Так когда еще я княжество завоюю! А сейчас знания и на поместье использовать можно. Заодно и поймете, как их использовать. Зато на княжестве проблем с управлением не будет.

Матушка лишь вздохнула, покачала головой и стала пить чай. Мамка присоединилась к ней, сочувственно на нее поглядывая.

— Значит вы, Петр Алексеевич, ничего не боитесь? — с улыбкой продолжил разговор доктор, пытаясь увести его в сторону, от неприятной темы. — И как вы выразились, даже ведерная клизма вас не пугает?

— Ян Карлович, вы ведь не мамка. Это от нее даже дядька не ушел! — со смехом сказал я. И все дружно поддержали меня, что удивительно даже святые отцы. Видно успокоились и приняли все, как должно. А я продолжил: — От вас то просто скрыться. Молнию в ноги и с высказыванием: «Ноги, мои ноги несите меня куда-нибудь!» скроюсь в дальнем тумане.

Посмеявшись со всеми незатейливой шутке, доктор продолжил:

— Значит жениться мне предлагаете на старости лет.

— Ну вы еще не старый, и достаточно моложавый. А с благословением и вообще на какое-то время вопрос со старостью снимается. Так почему бы не получить счастье от семейной жизни? А вообще, задумка у меня одна есть. И без вас с мамкой, и помощи церкви тут никуда. Главное если согласитесь, я все свои силы приложу, чтобы помочь вам.

Замолчав, уже серьезно осмотрел всех. Да вид я, конечно, сейчас имею устрашающий. Худое и пятнистое человекоподобное нечто размером с ребенка, и со светящимися глазами всех серьезно так оглядывает. А глаза действительно светятся, даже на свету видно это свечение. Казаки сидящие с нами за столом, мы их на обед пригласили, более впечатлительными оказались, их заметно передернуло. А я продолжил, еще раз обведя всех взглядом:

— Этот разговор долгий и серьезный. А в наше время, и для нас, еще и болезненный. Но попробую вкратце все объяснить, если получится конечно. Понимаете, есть определенная категория населения в стране, которая как будто специально предназначена для медицины и воспитания малолетних потомков наших. И она не охвачена делом которому предназначена, все по домам сидит. Ну с дворянством-то понятно, у них свой круг. Мещанство мы все не охватим. Если только малую часть сможем. Но крестьянство то нам полностью доступно, особенно на землях нашего имения. И ничего страшного что они в мещане перейдут, не так-то их и много будет на всю территорию Российской Империи. Я говорю о женщинах, — поймав на себе удивленные взгляды, поднял руку вверх, — Подождите не перебивайте, я и сам сбиться могу. У нас в стране стало много появляться фельдшерских пунктов, больниц и госпиталей. И младшего персонала уже не хватает. Нет у нас института сестер милосердия. А ордена организованные католической и нашей церковью не так действуют. Нам нужно образование в первую очередь, чтобы они помощницами при врачах были. Это и перевязки, и грамотное присутствие на операциях, и первая помощь при необходимости. Да и сиделками они прекрасными будут. Так если возьметесь и церковь поддержит, то и я кое-что смогу. Надеюсь не сгорю при благословении, даже если и вынесут после этого, то восстановлюсь быстро. А дальше можете и мед братьев набирать, они тоже нужны. Но первыми сестры милосердия.

— А если церковь откажет? — спросил доктор.

— Значит своими силами благословение наложу. Но у вас будут гениальные сестры милосердия, — хмуро ответил ему.

— И все таки Петр Алексеевич, если мы мед братьев начнем первыми обучать? Что бы неудовольствие не вызвать, — спросил он.

— Тогда сами справляйтесь, меня в первую очередь сестры милосердия интересуют, — махнул рукой и отвернулся.

— Петр Алексеевич, у нас есть время подумать? — уже серьезно спросил Ян Карлович.

— Ян Карлович, у вас сейчас такие проблемы начнутся. Что я даже не знаю о чем в первую очередь вы будете думать. Жор страшный и беспощадный на вас нападет, а потом перестройка организма. Так что до осени думайте сколько угодно. Да и если желаете побыстрее пережить этот период, то добро пожаловать к нам с казаками в клуб боевой подготовки. Все польза для вас будет. А времена у нас наступают очень нехорошие, так что пользу, я думаю, вы быстро поймете. В течение этих двадцати, тридцати лет уж точно. А вам после благословения это и не срок уже будет.

— Петр Алексеевич, почему именно крестьянки и почему времена нехорошие будут? — напряженно спросил отец Александр.

— Я заметил что в крестьянских семьях сейчас много девочек рождается. Крестьянам тяжело на них приданное собрать, да и в увеличении благосостояния они не участвуют. Лишние рты в хозяйстве получают. Так что изъять их из семьи будет необременительно. А обучившись у нас в школе, они получают статус, который и будет для них приданным. А их

семье уважение будет, как-никак дочка обучилась и статус получила, небывалое событие для крестьянской семьи, — начал я пояснять свою мысль — По моим подсчетам в больницах и госпиталях на одного грамотного доктора от трех до пяти сестер милосердия обученных требуется. Не должен доктор сопли больному подтирать, для этого как раз и существуют сестры милосердия. Он должен действительно тяжелыми случаями заниматься. В сельской местности так же все, у нашего доктора спросите. Наверняка из первого выпуска пятерых заберет.

Доктор с мамкой не задумываясь кивнули. А я рассмеялся:

— Вот видите? Так что наша школа даже потребное количество сестер на всю империю не обеспечит. Наверняка как прознают про школу, здесь очередь на выпускниц будет. А вообще по сельской местности какая-то непонятная картина для меня складывается. Обученного хоть как-то медицинского персонала нет. В селах за счастье, если у них знахарка живет, но при этом почему-то ее ведьмой считают и боятся. Святые отцы морщатся, но терпят. Прекрасно понимая, что лечит знахарка травами, и без нее совсем плохо будет. А о целебных свойствах трав каждый знает. Разве что кроме заграничных докторов, которые до сих пор на шарлатанов похожи. Нет в травах колдовства. Ну не лицемерие ли это по отношению к знахарке? Может пора прекращать такое дело? Почему церковь под свою защиту их не возьмет, и знания их на бумагу не положит? Это-то как раз прямая обязанность церкви, о здоровье прихожан заботиться. Потому и хочу, чтобы школу вели доктор и мамка. Пользу от такого великую вижу.

Замолчав, начал вспоминать будущие события и слегка накачивать энергией тело. Теперь меня должны внимательно выслушать и передать мои слова на верх. Пусть глаза ярче засветятся и голос изменится. Так доходчивее будет:

— Это предупреждение всем, слушайте внимательно! Вы можете расценивать мои слова, как фантазии мальчишки бредовых снов насмотревшегося, или как предсказание, но лучше будет для всех если воспримете, как голос разума. Тогда и сможете искать правильные пути к решению проблемы. По поводу времени сурового наступающего, тут всего не скажу. Рано еще! — а голос то грубее и ниже стал. Сразу заставляет слушать его внимательно. Вот и хорошо, больше доверия моим словам будет: — Да и многого я не знаю. Могу лишь догадываться. А необоснованными догадками тем более делиться не буду. Но идут изменения в мире, и связаны они с новыми знаниями и открытиями. Вы уже в ближайшие десять лет увидите и прочувствуете эти изменения. Так что поймете, о чем я сейчас говорю. И с этими открытиями мир станет тесным. Передел мира начнется. Пока небольшие конфликты будут, незначительные, в других странах и на других континентах, но поучаствуют в них все. И Англия с Францией, и Испания, и Германия с Россией. Это так, мелкие сшибки, проба сил. Но они станут прелюдией к большой войне. Войне за передел мира. Всем захочется кусок урвать потолще и пожирнее. И обязательно захотят доминировать в мире над всеми. Это в общем, а в частном все намного хуже будет. И сорока лет не пройдет, как церковь свои позиции потеряет. Монахов расстреливать и штыками колоть будут. В храмах конюшни и склады организуют. Но церковь устоит, только в загоне она будет. А вернет ли свои позиции не знаю. Не будет смысла в ней. Потеряют люди доверие к церкви раз и навсегда. Придет новый бог, и символом ему станет — золотой телец. А храмами банки станут. В мире бездуховность настанет, но зато у многих пища материальная в избытке будет. Так зачем кому-то менять пищу, на дух? Зачем кому-то духовное развитие, когда голоден, раздет и крыши над головой нет. Вот так мир и покатится

вниз. Церковь еще может свои позиции сохранить и дать миру духовное развитие. Один из кирпичиков я вам показал, это школа сестер милосердия. И таких кирпичиков еще много будет, время есть, надеюсь что успеем. Но не вытасу я на себе церковь, сил не хватит. Она сама должна жить захотеть, а значит измениться. Выйти из инертного состояния, и развиваться, других развивая. Спросите у дядьки и вахмистра, они подтвердят: «Если не можешь предотвратить пьянку, возглавь!» Так и вам надо за гуманитарные науки взяться, они начали отставать от естественных наук. Перекос намечается большой, а о последствиях такого перекося вы уже знаете. Изучайте врагов своих пока время есть. Банки не золотом берут, у них эмиссары есть. А эмиссары теориями и призывами народу сознание мутят. Вот и изучайте эти теории, отделяйте плохое от хорошего. Хорошее ведь и от врага не грех взять. Нельзя все подряд отвергать незнающе, это проигрыш и гибель о которых я вам поведал.

Вот и все. Что мог, я сделал. Пора свое тело в норму приводить, к прежнему состоянию. Жаль, что свечение из глаз пока убрать не могу, само должно уйти. А это только завтра будет, когда тело восстановится. Мне же остается только ждать реакции сверху. Митрополит просто обязан отреагировать. Но над ним Святейший правительствующий синод стоит, а это еще тот змеиный клубок. И как он ко всему отнесется неизвестно. Но ничего, у меня запасной аэродром и планы тоже есть. Справлюсь. Ничего они мне сделать не смогут. А будут на родных давить, и мне через них угрожать. Я ведь тоже ответить смогу, и сильно ответить, всем тошно станет.

Сразу после обеда я обратился к святым отцам и казакам:

— Господа, сейчас серьезный для меня эксперимент будет. И если он будет удачным, то мне очень важно сегодня отправить посылку с письмом Менделееву. Так что, чтобы не терять время садитесь за стол и пишите свои донесения. Кому и о чем вы пишете меня не интересует, можете не беспокоиться об этом. Да и занят я сейчас буду. В общем вот вам стол, бумага и чернила. Творите. А сам с дядькой и кузнецом пошел к литейной печи:

— Дядька Ефим, может я ее своими способностями раскочегарю? Уж больно долго этот процесс идет.

— Не надо Петр Алексеевич. — ответил кузнец. — Печь должна равномерно разогреться. А вы своими способностями только разрушите ее. Вы лучше скажите какую температуру держать надо?

— Думаю где-то, от восьмьсот до тысячи двести градусов достаточно будет. Но тысяча двести это уже с поддувом мы сможем держать. Значит достаточно до тысячи. Во всяком случае надеюсь на это.

— Ну тут полегче будет, — успокоился Ефим, — Думаю справимся.

— Знаешь, дядька Ефим. Вы давайте сами все делайте. Я вмешиваться не буду. Но вот своими способностями понаблюдаю. Многого конечно не увижу, но хоть что-то заметить смогу, тогда и подскажу, если что не так будет.

Выпечка алюминия оказалась удачной, хоть и заняла много времени. И действительно пришлось вмешиваться в процесс плавки, подсказывая когда надо поднять температуру. Тут оказалось, что печь неравномерно ее держит, и мне пришлось подсказывать когда надо было слегка поднять температуру. Ну и еще свои способности использовать для предотвращения образования летучих соединений. Но вот процесс закончился и мы достали тигли из печи. Пока они остывали, я засел за письмо Менделееву. Достав кусочки шлака, с бляшками алюминия из тиглей я положил их в пеналы. А во вторые отделения глину из которой был выплавлен алюминий. Все. Работа, письмо и образцы готовы. Нужно срочно отправлять

посылку в Санкт-Петербург к Менделееву. За одно «сказ о Федоте стрельце» Янковскому отправлю. Он мне рецензию в рамочке обещал, со всеми положенными подписями. Надо казакам и святым отцам напомнить, что бы в отчете это обязательно упомянули. А то ведь забудет. И не будет у меня рецензии красиво оформленной. В имении всем нашим, сказ во всяком случае понравился, уже прочитать успели. Как раз и святые отцы с казаками со своим творчеством управились, и даже про сказ упомянули. Оперу видите ли они писать задумали. Посылку с отчетами в Калугу взялся отвезти вахмистр, и обещал быстро обернуться. С ним до нашего почтового отделения отправился отец Александр, телеграмму отбить через телеграф находящийся там. Вот вроде бы день и закончился, осталось у себя в комнате разобраться с духовной энергией веры, она ведь никуда не уходит и печет. Нужно понять, что с этим делать, и исправить.

Гатчинский дворец. Резиденция Александра Третьего.

Император Всероссийский Александр Третий пили чай с женой Марией Федоровной. На чаепитии присутствовали Великая Княгиня Ольга Константиновна жена греческого короля Георга Первого с дочерью Александрой Георгиевной принцессой Греческой и Датской. Во время чаепития обсуждали столь поспешное прибытие в Санкт-Петербург и просьбой о срочной аудиенции у Императора, московского генерал-губернатора князя Долгорукова и Митрополита Московского Иоанникия во главе с обер-прокурором Святейшего синода Победоносцевым Константином Петровичем. И слухами дошедшими до Санкт-Петербурга из Калужской губернии. А так же возможной связи между прибытием посетителей и этими слухами. Мария Федоровна изъявила желание поприсутствовать на аудиенции, данное желание поддержали высокие гости императорской семьи. Его Величество дал согласие. Беседу прервал адъютант Его Величества.

— Ваше Величество, прибыли Великие Князья Сергей Александрович и Павел Александрович, — доложил он.

— Вот как? И что же им надобно? — спросил удивленный Император оставив чашку с чаем.

— Они не сообщили, Ваше Величество, — ответил адъютант, — Просили доложить с своем прибытии.

— Что же, пригласите. И приготовьте еще два сервиза, — дал разрешение Император.

Вошедшие поприветствовав присутствующих стали рассаживаться за столом:

— Здравствуй Ольга Константиновна, — поздоровался Павел Александрович усаживаясь рядом с Александрой Георгиевной, — Привет, племяшка. Как тебе время прохождение в Санкт-Петербурге и общее настроение?

— Здравствуй дядя. Ты знаешь здесь не плохо. А с братьями даже бывает весело, пока они учебой не заняты, — ответила принцесса, — А я тут узнала, что у вас в Калуге святой объявился, вот бы на него посмотреть.

— Ты знаешь, я бы тоже не отказался на него взглянуть, — недобро сверкнув глазами, заметил Павел Александрович. — Уж больно много вопросов к нему возникло.

Дождавшись, когда гости рассядутся за столом Его Величество посмотрел на Великих Князей:

— И что же вас привело сюда в столь неурочный час?

— Вы не поверите Ваше Величество, слухи. И только слухи, — ответил Сергей Александрович, — Павел столь интересные слухи довел до меня, что я просто не мог, не последовать за ним в Гатчину.

Александр перевел взгляд на Павла, который с улыбкой подхватил:

— Я всегда удивлялся краткости и точности формулировок Сергея. Но нас действительно привели сюда слухи. А точнее лица присутствующие у истоков зарождения этих самых слухов, — и передал газету, которую до этого держал в руках, — Вот с оказией из Москвы доставили.

Александр пробежав глазами текст, стал разглядывать фотографию:

— Свечения вроде незаметно, — недоуменно поглядел он на Павла.

— По поводу свечения нам даст разъяснения Отец Иоанникий, — ответил тот, — Он на

снимке очень хорошо заметен. Вместе с обер-полицмейстером Москвы Янковским. И сейчас как раз ждет аудиенции. Ты лучше дальше почитай, там поинтереснее слухи будут.

Император дочитал статью и хмуро посмотрел на братьев:

— Бастард значит.

— Недоказуемо, — ответил Павел, — А если и так, то кто?

— Александр дай и нам ознакомиться, — попросила Мария Федоровна. Александр Третий молча передал ей газету. И Мария Федоровна с Ольгой Константиновной стали заинтересованно изучать статью.

— Вот как! — обратился Сергей к Павлу, — А ты про газету мне ничего не говорил.

— После Марии Федоровны прочтешь, — махнул рукой Павел Александрович, — И в газете очень хорошо расписано как можно увидеть свечение. Даже те кто не увидит, подтвердит что оно есть.

— Мне тоже интересно, — заявила принцесса с подростковой непосредственностью.

— Племяшка сейчас Мария Федоровна с твоей матушкой ознакомятся, и ты прочтешь, — с нежной улыбкой ответил ей Павел Александрович.

— Теперь понятно почему послы зашевелились. И откуда слух появился, что Калужскую губернию на военное положение посадили, и всех кто туда направляется сразу арестовывают. А я ведь не поверил, даже проверять не стал! — и хлопнув по столу, продолжил, — Совсем сдурели! Да и слух уже пущен. Все один к одному, бастард дома Романовых, даже если это и не так, якобы святой в землях Калуги, и изоляция той же Калуги войсками. Среди дипломатов ажиотаж не представимый начнется. Да и представители разных конфессий вой поднимут. И еще неизвестно кем они его объявят. Могут ведь и антихристом назвать и в крестовый поход Европу призвать. И это все на фоне слуха о бастарде, урон трону будет очень серьезный.

— Я тебе сейчас еще одну историю расскажу, — начал Павел. — когда мы к вам поднимались, я видел как митрополит Иоанникий практически бежал сюда.

— И? — непонимающе посмотрел Император на брата.

— Люди такого сана по определению бегать не могут. Ибо никогда не опаздывают, — усмехнулся Павел, — Значит случилось, что-то неординарное у них.

Александр откинулся на спинку стула и стал задумчиво смотреть на дверь. Потом взял колокольчик и вызвал адъютанта:

— Князь Долгоруков прибыл?

— Да, Ваше Величество.

— Узнайте у него, не по Калужскому ли вопросу он прибыл? И если да, то почему без обер-полицмейстера Янковского? Мне нужны разъяснения, — распорядился Император.

Пока ждали возвращения адъютанта, Мария Федоровна с Ольгой Константиновной, и Сергей Александрович с Александрой Георгиевной прочитали статью:

— Да, даже если и не увидишь свечение, не признаешься. Иначе слепым и возможно глухим, и непонятливым прослынешь, — проговорил Сергей Александрович, — Так кто все-таки? — он задумчиво покачал головой, а потом с радостным облегчением выдал решение вопроса, — А может сразу в монастырь его? Там и обучат, и проще проконтролировать его общение с представителями других конфессий. Даже если он бастард.

— А почему Владимир и Алексей не с вами? — Поинтересовался Александр.

— Владимир с гарнизоном занят. А у Алексея всегда какие-нибудь дела, — пожал плечами Сергей Александрович. — Не до слухов им.

— Петр Алексеевич значит? — подобрался Павел. Все посмотрели на него. — Что нам известно о семье Голицыных?

— Подожди, — остановил его Александр, взял газету и еще раз просмотрел ее, — Елизавета Петровна вышла замуж за Александра Васильевича Голицына. Если не ошибаюсь в одна тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, — и задумчиво помолчав, продолжил, повторив слова Павла, — Петр Алексеевич значит? — Император нахмурился, — Надс Алексея сюда вызывать!

— Подожди, Саша, — успокаивающе заговорила Мария Федоровна, — Не будем спешить.

— А что изменится от ожидания? Еще немного и мы на пороховой бочке сидеть будем, крымская война легкой разминкой покажется.

— Я думаю в начале надо получить разъяснения от князя Долгорукого, — ответила Мария Федоровна.

— А когда успели-то? — задумчиво покачал головой Павел.

— Если говорить о семидесятом годе? — начал припоминать Сергей Александрович, — То, получается, аккурат перед отправкой в экспедицию.

— А почему Елизавета Петровна скрыла? — снова спросил Павел.

— Тут наверное только она ответить сможет, — вместо Сергея Александровича ответила Мария Федоровна, переглянувшись с Ольгой Константиновной.

— Но ведь она замужем была?! — возмутился Павел.

— Ты знаешь, тут как раз ты ошибаешься, — заметил Александр, — У них на свадьбе посаженным отцом был наш отец. Потому, наверное, и об остальном я знаю. Князь Голицын, насколько я помню, в шестьдесят девятом году умер. Елизавета Петровна вдова уже была. А в семидесятом умерла дочь, ребенком еще. Вот только когда не помню. Она одна осталась. Потом, правда, выпала из поля зрения высшего света, насколько знаю, уехала за границу, кажется, в Германию к родственникам. И вот сейчас появилась

— Александр, вы лучше подумайте! Что могло произойти если бы это все случилось в Германии, — заговорила Ольга Константиновна, — И, что он наш родственник там же, и в то же время узнали? Ведь тогда все намного хуже могло быть.

В это время появился адъютант и доложил:

— Его Сиятельство князь Долгоруков действительно прибыл из-за происшествия в Калужской губернии. А обер-полицмейстер Янковский остался в Москве для наблюдения, и немедленных докладов в случае происшествий. Но написал доклад на имя Вячеслава Константиновича Плеве. Его князь Долгоруков лично передал посыльному на вокзале.

Мария Федоровна рассмеялась:

— Как умно поступили.

Император удивленно посмотрел на Марию Федоровну.

— Пока доклад по инстанциям дойдет до Вячеслава Константиновича и он с ним ознакомится, — пояснила она, — Нам уже доложат в первую очередь. Точнее сейчас уже доложат, — и Мария Федоровна снова рассмеялась.

Император повернулся к адъютанту и приказал:

— Немедленно свяжитесь с Вячеславом Константиновичем и запросите, получал ли он доклад от обер-полицмейстера Москвы Янковского. И если получил и ознакомился, то пусть немедленно прибудет к нам.

— Вячеслав Константинович в Гатчине. Прикажете найти?

— Да, — с несколько удивленным видом подтвердил распоряжение Император. Адъютант вышел.

— Кажется кто-то сам себя перемудрил, — усмехнулся Сергей Александрович, — Впрочем сейчас все выяснится.

— Тогда может не будем терять время и направимся в кабинет? — предложил Павел.

— Да с этим делом затягивать не стоит, — согласился Александр и встал. Все *встали* и вместе, они направились в кабинет Императора.

На доклад к Императору князь Долгоруков, митрополит Иоанникий, Константин Петрович Победоносцев и Вячеслав Константинович Плеве прибыли одновременно. Приняв их, Император предложил всем рассаживаться за столом.

— Вячеслав Константинович, Вы ознакомились с докладом Евгения Осиповича Янковского? — спросил Император.

— Да, Ваше Величество, — кивнул Плеве, — Как только посыльный получил доклад из рук князя Долгорукова, он решил что это что-то очень срочное. Немедленно нашел меня и передал доклад. Соответственно я с ним сразу ознакомился и прибыл сюда. Хотя, если честно, не верится что это правда, больше на выдумку похоже.

Все представители императорской фамилии рассмеялись.

— Вот так рушатся планы из-за дотошной исполнительности подчиненных, — посмеиваясь заметил Император, иронично поглядывая на Долгорукова и митрополита, — Вам надо бы поощрить посыльного, Вячеслав Константинович.

— Уже, Ваше Императорское Величество, — тут же ответил Плеве, — Уж больно доклад серьезный и последствия непредсказуемые от него.

— А вы Константин Петрович, как оказались извещены по данному делу? — Спросил Александр у Победоносцева.

— Митрополит Иоанникий телеграмму прислал. Что надо его встретить и ознакомиться с докладом, который в срочном порядке необходимо предоставить Вашему Величеству, — ответил обер-прокурор Святейшего синода.

— Ну что же, значит все посвященные в это дело собрались здесь, — начал Император, — И лишних посвященных со стороны не предвидится. Тогда начнем,

— Ваше Величество, разрешите? — начал Долгоруков, доставая пачку фотографий, — Я смотрю у вас наша Московская газета. И как только успели ее доставить? Мы на скором ехали. Быстрее уж никак не возможно.

— Значит она и ехала в месте с вами, — заметил Император.

— Да? Возможно, — продолжил Долгоруков, — Вот фотографии к газете. На них четко видно свечение. Так более понятной будет серьезность положения дела. Они, кстати, сделаны разными фотографами.

— Хорошо, — кивнул Александр Третий, разглядывая фотографии и передавая их остальным. — А что вы скажете по поводу отцовства Петра?

Долгоруков замявшись все-таки ответил:

— В газете только домыслы. У нас в докладе точные данные. И у Вячеслава Константиновича в докладе тоже точные данные. Прошу ознакомиться, — и передал бумаги Императору.

Александр Третий держа доклад обратился к митрополиту:

— Скажите, Ваше Высокопреосвященство, Вы ведь единственный из здесь присутствующих кто непосредственно общался с Петром?

— Да Ваше Величество.

— Тогда вам придется на многие вопросы ответить, — предупредил Император, — нам главное сейчас понять что происходит. Так что говорите своими словами. Не нужно искать обтекаемые части речи, ситуация не та.

Митрополит согласно кивнул. Александр Третий положил доклад на стол и придавил его рукой:

— Скажите, Владыко, почему когда подтвердилась информация о святости, вы его в монастырь не направили? Изолировать в храме и под охраной позже в ближайший монастырь отправить. И ничего не случилось бы, даже если он нашим родственником окажется. Тем более ему уже двенадцать лет, а должного воспитания он не получил.

Покачав головой митрополит ответил:

— Петр Алексеевич сразу свою силу и нрав продемонстрировал. Все в докладе описано. Сила его не известна, но одно скажу, — Иоанникий сурово сдвинул брови, — нет таких стен и оков которые его удержат. Ваше Величество, Вы же газету читали, он при всем народе крест целовал и клялся, что против Российской Империи и престола не злоумышляет. Нельзя его против нас настраивать. Это же истинное чудо! Он в Российской Империи должен остаться, добровольно остаться. А не по границам бегать, дурных идей набираясь, — и добавил расстроено, — Я очень надеялся что Вы решите эту проблему. Ему покровительство Ваше нужно. Хоть он и ерепенится и свою самостоятельность показывает, но он все равно мальчишка еще. Не знает он, что в одиночку даже будучи освященным, против мира не выстоять. А своих родных он очень любит, и всеми силами готов защищать. И против Вас ничего не имеет, даже родственниками признает. Хоть и собирается дистанцию держать. Но ведь, если с ним постоянно общаться, он может Вас и близкими родственниками признать! В свой круг допустить.

— То есть Вы надеялись, что Петра примут в семью Романовых? — задумчиво и даже как-то многозначительно протянул Император, — Невзирая на закон о престолонаследии?

— Вы знаете как Петр Алексеевич свою защиту выстроил? — сказал улыбаясь отец Иоанникий — сказал что по закону о престолонаследии у императорской семьи бастардов быть не может, и ему не грозит быть принятым в вашу семью. И ведь еще и церковь к этому приплел, шельмец. Говорит что по церковным закону, вне брака рожденный прав не имеет. Мальчишка ведь совсем. Не понимает, что в любом законе есть исключения и дополнения. Он ведь специально это прилюдно говорит, что бы его к великим князьям не причислили. Не знаю почему, но не горит он желанием быть Великим Князем. Правда, оговорился один раз, что больно много ограничений у них, а ему еще погулять хочется.

Тут все не выдержали и рассмеялись. После непродолжительного молчания Победоносцев обратился к князю Долгорукову:

— Скажите, Владимир Андреевич, все Ваши доклады одинаковы? И у митрополита Иоанникия и у Вячеслава Константиновича Плеве, и у Вас?

— Да, Константин Петрович, из одних источников писаны.

— Вячеслав Константинович, доклад с вами? — спросил Победоносцев Плеве.

— Да — Плеве показал свою папку.

— Ну что же, тогда передайте свою часть доклада Павлу и Сергею Александровичам, — попросил Победоносцев, протягивая свою папку Императрице, — А я свою передам Марии Федоровне. Так мы сэкономим время на ознакомление по данному вопросу.

— Так все-таки, у нас еще есть родственник? — с любопытством спросила Александра

Георгиевна, после ознакомления с докладом, — Да и еще на Петра Великого похож, и святой? А почему мы о нем раньше не знали? Я хочу с ним познакомиться! — выпалила она на одном дыхании.

— Не святой он, Александра Георгиевна, — устало заговорил отец Иоанникий, — А на Петра Великого он был в детстве похож, сейчас, с возрастом сходство уходит.

— А почему не святой? Он же вон какие дела может делать! У него даже крылья в церкви появляются! — продолжила расспросы принцесса, — Какой он вообще? Он ведь получается мой ровесник?

— Да, Ваше высочество, он ровесник Ваш, — терпеливо ответил митрополит юной непоседе, — Он благословенный, но не святой. Нет у него дара усмирять и лечить. Дар его воинственный и разрушительный, а для лечения противоестественный. Но лечить он все-таки может. С трудом, но может. Петр Алексеевич больше к воинству относится. И слава Богу к земному, а не небесному воинству.

— А чем отличается земное воинство, от небесного? — заинтересовалась Александра Георгиевна.

— Не время сейчас небесному воинству на земле быть. Хоть и много грехов творят люди, — ответил митрополит, — Небесные воины никого из грешников не пощадят. А земные воины, это обычные люди. Хоть и призванные с грехами бороться. Или вот как Петр Алексеевич благословенные. Хотя и знаем мы на данный момент только одного. И это Петр Алексеевич. Да и тому в этом году только двенадцать лет исполнится. А уже пришлось казачество с жандармским управлением использовать, для изоляции имения от окружающего мира.

— А почему? — удивленно захлопала длинными ресницами Александра Георгиевна, — Он ведь наш родственник. Мы бы могли его сюда пригласить. Вы же сами говорили, что ему общаться с нами нужно. И тогда я и братья сможем с ним познакомиться. Да и не забывайте он христианский благословенный, вон даже у католиков такого нет.

— Сложно все, — с какой-то натугой выдавил из себя отец Иоанникий и передернул плечом, — Он хоть и ваш ровесник, и ему двенадцать лет, но разум у него взрослый через благословение. Никто не знает пределов его силы, а Петр Алексеевич молчит. И говорите судя по всему не собирается, показывает только то, что считает необходимым. Никто не знает как он поведет себя вне имения.

— Но зачем тогда имение его изолировать? — Удивилась принцесса, — В имении его никто не трогает. Он там спокоен должен быть.

— Понимаете Ваше высочество, он роль играет, — продолжил митрополит, — Вот Вы, Ваше Величество, — обратился он к Императору, — Не запрещаете наследникам решать вопросы по взрослому, только поощрительно поддакиваете и улыбаетесь, — и уже обращаясь к принцессе продолжил, — Так и тут Петру Алексеевичу дозволено свою роль играть, так как вреда это не принесет. А он учится через эту роль. Не горит он желанием использовать свои силы, с осторожностью и опаской к ним относится. Но использовать их обещал не задумываясь, коль придется. А значит будет использовать. Он казакам пообещал в Калуге порядок навести по своему, коль бунт будет. Подумайте что может произойти коль он свою силу применит? Казаки после этого готовы были всю Калужскую губернию выпороть. Калужское управление во главе с Николаем Эрнестовичем Мантейфелем еле их утихомирили. И ведь чем обосновал свое обещание? Тем что за любые беспорядки с него спрос будет, так как он в Калужской губернии проживает. По большей части Петр

Алексеевич надеется, что его слова до всех доведены будут, — неопределенно взмахнул рукой митрополит, — и скажем неблагонадежные прятаться от него будут. А ему тогда и силу свою применять не придется.

— *Что-то запутали Вы нас, отец Иоанникий, — непонимающе и даже капризно сказала принцесса, — Вот все говорят, что свечение было когда он из ваших рук крест принимал после клятвы. Это разве роль была? Он что играл тогда при всем народе?*

— Нет, Ваше высочество, не играл. Это благословение было, — перекрестился Митрополит.

— А в церкви когда у него крылья появились, что тогда было? — продолжила допрос Александра Георгиевна, — И если у него крылья, он значит и летать может?

— Нет, Ваше высочество не может он летать, — покачал головой митрополит, — Во всяком случае сейчас. И с крыльями, думаю, был спектакль, который ему было дозволено сыграть. А что бы летать, этому учиться надо. Но Петр Алексеевич свою силу скрывает, потому и не может учиться. При всех свою силу использовать. По этому и полетам не учится. Он ведь как птенец совсем, пусть и с силами неведомыми. А нам, к сожалению, он не доверяет. У него знания есть, нам не доступные. Видимо о будущем. И он пытается усиленно готовиться к этому будущему, нам же открывает свои знания, только в той мере, в какой считает нужным. А нам не понятно, что нужно для нас.

— Отец Иоанникий, что с вами? — наконец не выдержал Победоносцев, — На вас лица нет.

Митрополит положил на стол листы сжимаемые рукой и стал разглаживать.

— Янковский Евгений Осипович срочную телеграмму прислал, — и помолчав, продолжил, — В телеграмме только общий перечень, все срочное в отчетах, в посылку вложенных. Евгений Осипович не решился телеграмме то, что в отчетах доверить. Да и судя по телеграмме паника у них в Москве и Калуге. Петр Алексеевич не сдержался.

— Подождите. Что значит не сдержался? — Спросил Павел Александрович.

— В телеграмме всего не написано, нужно дождаться посылки сюда высланной, — ответил митрополит, — Но судя по тому что написано, произошло следующее. Петр Алексеевич благословение на имение наложил, за родных переживая. Не захотел один оставаться. А святые отцы там находящиеся ему и попеняли. Петр Алексеевич в ответ тоже попенял им, да так что имение чуть не развалил словом своим. Так же в той посылке, находится еще одна посылка, с письмом для Менделеева Дмитрия Ивановича. Петр видимо открытие совершил, тут не знаю. Да и для вас там посылка имеется Вячеслав Константинович, — обратился митрополит к Плеве, — Когда мы с Евгением Осиповичем беседовали с Петром Алексеевичем в Михалоархангельском храме, то он сказку сочинил. Ваше Величество о том в докладе указано, — добавил отец Иоанникий, — Евгений Осипович пообещал Петру Алексеевичу, ежели он представит ему сказку полностью, то будет ему рецензия со всеми полагающимися подписями и в деревянной рамочке от жандармского управления. Вот Петр и предоставил и про обещание напомнить не забыл, — и митрополит решительно передал листы с телеграммой Победоносцеву.

Император взял отчет и стал заново его просматривать:

— Какой поезд направлен с посылкой к нам? — спросил он у митрополита, и после ответа вызвал адъютанта, — Послать телеграмму по пути следования поезда с приказом максимально ускорить его продвижение. Посылку, направленную на имя князя Долгорукова и митрополита Иоанникия немедленно доставить нам. На после обеденное время вызвать

Менделеева Дмитрия Ивановича и Костовича Огнеслава Степановича с механиком из Калуги, с письмом. Отложив отчет в сторону, Александр Третий обратился к князю Долгорукову: — Владимир Андреевич, у вас фотографии семьи Голицыных есть?

— Да, Ваше Величество, — ответил князь, тут же доставая несколько фотографий и передавая их Императору, — На днях Петр Алексеевич с Елизаветой Петровной и наставником к фотографу заходили.

— А Елизавета Петровна практически не изменилась, со времен, когда я ее последний раз видел, — заметил Сергей Александрович после просмотра фотографий, — Все так же моложава и стройна. Как будто время для нее остановилось.

— Когда это ты ее увидеть успел, и тем более запомнить, — хмыкнул Павел Александрович.

— Я тогда мальчишкой был, постарше тебя, — улыбнулся Сергей Александрович, — А видел ее в Санкт-Петербурге на приеме и даже имел честь с ней беседовать.

— Ну здесь возможно воздействие Петра Алексеевича, — как-то странно сверкнула глазами Мария Федоровна и быстро опустила голову, сделав вид, что рассматривает фотографии, — Хоть как утверждают у него разрушительный дар, но и то что он лечить может не отрицают.

Александр Третий задумчиво посмотрел на Императрицу и на Митрополита Иоанникия. Потом обратился к Победоносцеву:

— Константин Петрович, передайте мне телеграмму, хочу с ней ознакомиться.

После ознакомления Александр Третий в сердцах воскликнул:

— Вот ведь Алексей! И что с этим делать? — и передав телеграмму остальным, продолжил, — Воздействие конечно было, но судя по не доставленным пока еще отчетам после фотографирования, это природные здоровье и красота, — и уже обращаясь к митрополиту спросил, — Я так понимаю Елизавету Петровну приказом замуж не выдать? Петр вмешаться может?

— Да, Ваше Величество. Петр Алексеевич ясно дал понять, что своих в обиду не даст, — ответил митрополит.

— Что нам известно об окружении Петра? — спросил Император. И, посмотрев на Плеве, добавил, — Вячеслав Константинович, соберите полную информацию о ближайшем окружении Петра.

— Тут я уже сейчас могу частично помочь, Ваше Величество, — заговорил отец Иоанникий, — на Петра Алексеевича имеют влияние только три близких человека, это его мать Елизавета Петровна, наставник дядька Николай и его жена мамка Николаевна. Наставник принимал участие в Крымской войне. Видимо поэтому Петр Алексеевич предвзято относится к иностранцам. Он ведь мне прямо заявил. Что ежели к ним в имение придут представители иностранных конфессий с перстом указующим, то вот эти руки он им и переломает. Нам с Евгением Осиповичем в срочном порядке в Калугу ехать пришлось и посты организовывать, для недопущения в имение посторонних. Иначе конфуз может получиться. Петру Алексеевичу двенадцать всего, дипломатии его никто не учил, не сдержаться он может. А из Москвы наставников в срочном порядке для Петра Алексеевича пришлось слать, — и вздохнув продолжил — А оно вот как получилось. Увел у церкви наставника паразит, — и посмотрев на улыбающегося Плеве, тяжело вздохнув, продолжил, — Вы, Вячеслав Константинович, зря смеетесь. Петр Алексеевич и жандармское отделение на предмет людей грозитя пограбить. Дядька Петра Алексеевича

имеет достаточно высокий чин, но характеру него подвел, нетерпимостью страдает, со скандалом ушел из станицы где проживал. Даже пригрозил расправой, если ему помешают. Подготовку он имеет серьезную, а нрав буйный, так что побоялись его останавливать.

— А это правда что дядька характерник, а мамка ведунья? — спросил Павел Александрович, покачивая в руке один из докладов.

— Нет в них силы колдовской, — улыбнулся митрополит, — Наставник Петра Алексеевича имеет очень серьезную подготовку, многие люди его готовили. Да и еще сам он очень учиться любил. Гимназию и разные курсы закончил, образование у него достаточно высокое. А жена его по медицине пошла, в станице наверное всех знахарок обошла, да и еще докторов местных как-то уговорила, чтобы ее обучали. А скандал получился из-за красоты ее. Много сватов к ней ходило. Они одни были, у нее двоюродный брат на руках был. Заболел он, а она его выходила и на ноги поставила. В то же время, кому-то из старшины помочь не смогла или отказала, о том не знаю. Но обвинили ее в колдовстве, расправой ей с братом угрожали. На ту пору и встретились они с Николаем. Вот он и погонял целую станицу. Говорят, когда они уехали, все спокойно вздохнули. С братом они прилюдно разругались, и он на Амур уехал. Но в переписке они постоянно находятся. Он там, как я знаю, уже в чинах ходит.

— Константин Петрович, передайте всю информацию какую имеете на окружение Петра, Вячеславу Константиновичу, — и Император указал на Плеве.

— Хорошо, Ваше Величество, — согласился Победоносцев.

— Вопросов, конечно, еще много, — задумчиво проговорил Александр, — Но нужно дождаться почты. Отложим совещание на завтра, до ознакомления с посылкой. Вот только к вам вопрос, отец Иоанникий. Вы утверждаете что Петр имеет какие-то знания. Разъясните нам это утверждение.

— Петр Алексеевич действительно владеет знаниями, Ваше Величество. Некоторые его высказывания указывают на это. Но делиться он ими без необходимости не будет. И силой его не заставишь. С ним постоянно общаться надо, тогда и получить можно больше. Он уже высказался, что знает как и где можно использовать двигатель, — и митрополит указал взглядом на доклад, — А как это возможно без понимания, что такое двигатель и его устройства? Видимо механика он к Костовичу послал, чтобы скрыть свои знания. Двигатель якобы Огнеслав Степанович изобретет, а Петр Алексеевич им только воспользуется. Я думаю и письмо к Менделееву написано, только чтобы числиться его учеником. Он и его на нужные ему мысли натолкнет. А сам воспользуется якобы их открытиями.

— Отец Иоанникий, Вы можете предположить для чего ему так необходим двигатель? — поинтересовался Сергей Александрович.

— Судя по рисункам Петра Алексеевича и заказам которые он делает, — задумчиво проговорил митрополит, — он пытается создать летательный аппарат тяжелее воздуха, так часто сейчас обсуждаемый в обществе.

— Вот видите! — восторженно воскликнула Александра Георгиевна, — А вы говорили, что он не учится летать!

— Так ведь не за счет своей силы, Ваше высочество, — с улыбкой развел руками митрополит, — А за счет техники. Но небо все таки его тянет, раз первым делом за это взялся.

— Продолжайте Ваше Высокопреосвященство, — поощрительно кивнул Александр Третий.

— Ну в общем-то и все. Знать бы еще, что сказал Петр Алексеевич, раз в имении и Янковский, будучи в Москве, в панику ударились. Но судя по датам в телеграмме указанным, — митрополит указал на телеграмму, — Это не предсказание, а точные знания. И раз он ими поделился, то они имеют большое значение. Нельзя от них отмахиваться. Видимо Петр Алексеевич знает, что можно изменить что-то.

— Хорошо. Нам есть что обдумать, — прихлопнул ладонью по столу Александр, — сейчас расходимся. А завтра, ознакомившись с посылкой, будем решать, — и поднялся из-за стола. Все встали вслед за Императором.

На следующий день по прибытии посылки все собрались в кабинете у Императора. Отложив в сторону посылку предназначенную Менделееву Дмитрию Ивановичу, стали изучать отчеты. Мария Федоровна, Ольга Константиновна и Александра Георгиевна взялись читать «Сказ про Федота стрельца» присланный Янковским Евгением Осиповичем. Постоянные вспышки веселья и громкие обсуждения сказки, постоянно отвлекали от серьезного дела мужской половины собрания. Наконец Александр Третий не выдержал и попросил зачитать сказку в слух, для всех. Читать взялась Ольга Константиновна. После прочтения установилось легкое веселье. И обсуждение сказки пошло в непринужденной обстановке.

— Вот ведь шельмец. Какой стиль, и слог выбрал, — хохотнув заметил Александр.

— Ну по чему же, стиль и слог очень хороши, — с улыбкой возразила Мария Федоровна, — Тут не придерешься. Надо было отложить чтение на вечер.

— А мне нравится! — восторженно воскликнула Александра Георгиевна, — Я и вечером с удовольствием послушаю.

— Вы знаете, Ваше Величество, — осторожно подметил отец Иоанникий, — Петр Алексеевич в защиту своего произведения привел «Конька горбунка» Ершова Петра Павловича. Как он сказал, сколько лет ее читают и за политику не привлекают.

Все рассмеялись, а император, покачав головой, серьезно сказал:

— "Конек горбунок" — полностью детская сказка. И то, есть к ней претензии. Сказ написанный Петром для более взрослой аудитории и политический. Тут явный бунт и крамола. Потому и рассматриваться должен более пристально и со всей строгостью. Ладно, раз жандармское управление взяло на себя труд написать рецензию, то не будем им мешать, — и, подумав, добавил, обращаясь к Победоносцеву — И, Константин Петрович, Ваше заключение и подпись там тоже понадобится. Мы свое мнение тоже составим и в соответствующей рецензии выскажем, но только вечером. А то, так и не удастся нам изучить отчеты. Я сейчас прикажу сделать несколько копий. Тогда хватит на одновременную работу Вячеславу Константиновичу с Константином Петровичем, и нам.

— А ведь действительно, Ваше Величество, — заговорил задумчиво митрополит, — это может быть и в сам деле бунт. Или хулиганство со стороны Петра Алексеевича. Он ведь нам вполне безобидный отрывок зачитал. Ему все таки двенадцать лет. А здесь как-то демонстративно все сделано. Петр Алексеевич знал, что сказка неодобрительно встречена будет. Потому и потребовал рецензию в рамочке. Может быть, даже надеялся на вашу отрицательную реакцию. Он ведь ясно сказал, что родство признает, но Романовым и тем более Великим Князем не будет. Даже законы наши на свою защиту повернул. А они ведь наоборот Трон Российский защищать должны. Может так на него знания дают? Вот и мечется не зная как быть, — и помолчав продолжил, — нельзя нам Петра Алексеевича терять. Он с семьей Вашей должен быть, да и покровительство ему Ваша семья наилучшее обеспечит. Это ведь чудо и спасение наше, — и митрополит с ненавистью посмотрел и показал рукой на последние отчеты, где было описано пророчество.

— Скажите, Ваше Высокопреосвященство, — спросил Император, — песни у него такие же бунтарские?

Митрополит пододвинул к себе доклад с прибывшими донесениями и заглянул в него.

— Нет, Ваше Величество. Вполне пристойные и приятные на звучание. Одну песню он даже выделил, сказав что в его возрасте и с его голосом только такие исполнять.

Император, тоже просмотрев доклад, проговорил:

— Вот и их надо переписать. Сегодня вечером так же прослушаем. Хоть какое-то мнение составить можно будет.

— Но Ваше Величество, там где две копии, там может быть и три, — Забеспокоился Плеве, — Еще до рецензии вся Гатчина будет их читать.

Император махнул рукой:

— Пустое. Судя по всему, запрета на сказ мы не дадим. Не стоит привлекать лишнее внимание к Петру. Да и думается мне, что в имени у них все поголовно этот сказ уже наизусть знают. Пусть читают, — и он вызвал адъютанта, чтобы отдать переписать сказ и песни в нескольких экземплярах. — Но все-таки что с этим всем делать? — раздраженно воскликнул Александр и, взмахнув отчетом, бросил его на стол, — Все эти проблемы из-за образования и изобретателей! Они как будто первые бунтари. Вся крамола из учебных заведений идет. Такое ощущение, что мы сплошных революционеров готовим. И еще иностранные представительства уже петиции начинают приносить. А у нас Петр оказывается бунтовать собрался, в революционеры и изобретатели нацеливается. Нет у него должного воспитания, а время уже упущено. Наставники сейчас мало что исправить смогут. Он, я так понимаю, уже свою политическую линию вести начал. Неплохо бы спрятать его на время, в Петропавловскую крепость, пока не образумится и ажиотаж не уляжется. И с фамильной принадлежностью тоже надо срочно что-то решать.

— Ваше Величество, — начал отец Иоанникий, — По всем отчетам у Петра Алексеевича проходит мысль, что прогресс не остановить. Так же он утверждает, что он нужен Российской Империи. И действительно, Петр Алексеевич, как он утверждает, собирается забрать излишки людей из центральной России, обучить и направить в Сибирь. Так ведь действительно можно не допустить волнений в центральных областях России. Там люди растворятся без остатка. Сибирь очень большая, туда сколько не направь, все мало будет. Петр Алексеевич даже довольно дельную мысль высказал: «Не можешь остановить, возглавь!»

— Вот скажите мне, — начал, смеясь, Сергей Александрович, — Зачем в Сибири Образованные люди? Медведей учить? Или тайгу ровными рядами строить?

— Вы позволите? — задумчиво проговорил Долгоруков, Великий Князь разрешающе махнул рукой, — У нас в Москве действительно наблюдается большой наплыв лишних людей. Пристроить и обеспечить их с большим трудом получается, еще не много и Московская губерния захлебываться начнет. А это возможные беспорядки. Как заявил Петр Алексеевич — и Долгоруков указал на отчеты — крестьянство не способно на бунт, только в исключительных случаях. Его грамотные и образованные подбивают на бунты. В то же время у Российской Империи огромные территории. У нас проблемы отмечаются со связью с дальними рубежами. Особенно с Дальним Востоком. До туда чуть ли не по два года добираться приходится, по морю быстрее получается. Железная дорога единственным выходом видится в такой ситуации. А там очень много людей понадобится и образованных, в том числе. Когда работа есть бунтовать некогда будет.

— Транзитная железная дорога на Дальний Восток через Сибирь, — Александр задумчиво побарабанил пальцами по столу, — из центральных районов на Хабаровск. А тут и Владивосток статус города получил. Надо бы узнать что за мысли у Петра в голове бродят.

Но вот в Санкт-Петербург его вызывать пока нельзя.

— У высших иерархов так же брожение в умах началось как узнали о благословенном, — подтвердил Победоносцев, — не успокоятся они, пока его под контроль свой не возьмут. Петр тогда точно взбунтуется. Только уже серьезно и с последствиями. И Ваше Величество, католики ведь могут и отравить Петра или убийц из бунтарей подослать. Да и с другими странами не все так просто будет. Те же Англия, Франция и Австро-Венгерская Империя могут неоднозначную реакцию иметь, особенно с публичными и не сдержанными высказываниям Петра Алексеевича. С ним действительно надо срочно воспитательную работу проводить. А как ее проводить, если даже вроде бы на простое замечание святых отцов он целую грозовую бурю в имени учинил. Прятать и воспитывать его надо, если хотим его защитить и сохранить, но боюсь насильно это не возможно будет.

— *А почему бы Петру, Романовым не стать?* — спросила Мария Федоровна.

— Для этого Елизавета Петровна замуж за Алексея должна выйти. А она может не согласиться, и Петр ее во всем поддержит, — возразил Император.

Мария Федоровна лукаво улыбнулась:

— Его Высокопреосвященство сказал, что Петра заново крестить придется.

— Дать фамилию Романов во время крещения? — заинтересованно отозвался Император, — И соответствующий Указ издать. А приставкой будет Голицын. Не пристало Романовым последними в фамилии быть. Будет новая ветвь Романовых, не состоящая в наследниках Российского Престола. Вот только все равно его сейчас нельзя в Санкт-Петербург приглашать, ажиотаж больно сильный ожидается.

— Отец Иоанникий, — обратился Император к митрополиту, — расскажите поподробнее, что Петр говорил о своем княжестве?

— Петр собрался княжество организовать. Говорит, что земель вполне еще достаточно. На это он двадцать лет себе определил, — митрополит указал на доклады, — И, кстати, он не горит желанием сам на трон сесть. Но у него навязчивая идея возвести на трон мать. Для этого он собирается себе людей готовить, как говорит лишних в России заберет. Видимо собирается определяемых у нас как русские в своих землях посадить. Почему отвел на это двадцать лет неизвестно, но видимо что-то произойдет в этот период. Скорее всего война. Для того чтобы где-то этих людей содержать, он придумал план освоения Сибири. Потому и утверждает, что если сильно давить на него будут, то в Сибирь сбежит. Место которое он под княжество выбрал не известно. Петр Алексеевич даже наставнику его не открыл. Известно только, что на запад он не пойдет. Не считает он Балканские народы за братьев. А Турцию и Австрию вообще во врагах считает. Про Кавказ он даже не упоминал. Но вот у наставника просил его горной подготовке обучить. Если честно, уж больно похоже на то, что Китайская империя в его планах присутствует. И Сибирь не конечная, а промежуточная цель. Он на Дальний Восток нацелен. Есть там и горы и долины, и выход в море. Идеальное место для его завоевательных планов. Но это только предположение.

— *Нам только проблем на востоке не хватало!* — Император раздраженно хлопнул ладонью по столу, — *Мало нам того, что сейчас здесь творится.*

— Ваше Величество, — успокаивающе прогудел митрополит, — Петр Алексеевич через двадцать лет действовать собирается. И видно причины у него есть так считать. Не думаю, что это угрожает Российской Империи. Тем более сейчас. Да и о его планах никто не знает. Даже мы.

Мария Федоровна взяла один из докладов и попросила передать его митрополиту:

— Отец Иоанникий, ознакомьтесь, пожалуйста, и выскажите свое мнение.

Прочитав доклад Митрополит задумчиво сказал:

— Петр Алексеевич чувствует что-то, к побегу готовится. Да и вот прямо сказал, что бежать придется.

Ольга Константиновна попросила передать доклад ей и стала внимательно его изучать.

— А почему такой странный маршрут выбрал? — спросила Мария Федоровна, — Сибирь не в Европе находится, а совсем в другой стороне.

— В Сибирь можно с разных дорог добраться, — заметила Ольга Константиновна, — Это, кстати, слова Петра. Видимо он решил использовать фрахт. По морю из Германии, и далее через Дальний Восток. Так, видимо, препятствий ему меньше будет. Да и вообще, почему бы ему и не сбежать? — и зачитала выдержку из одного доклада, — «У меня складывается чувство, что временно мы здесь. В скором времени уезжать нам отсюда придется. И видимость побега на протяжении всего пути, нам придется создавать. Хоть и подгонять нас никто и не будет.» Это его слова. И ведь сбежав, он временно все вопросы решит. А через год и вернуть его можно будет.

— Все равно не понятно, — покачала головой Мария Федоровна, — почему не Варшава, а какой-то странный городок?

— Тут и мне не понятно, — ответила Ольга Константиновна, — но нам ничто не мешает запросить историческую справку об этом городке. Может там что-нибудь разъяснит нам причину интереса Петра.

— А как же крещение? — спросил Победоносцев, — Он через весь мир, не крещеный и бесконтрольный пройдет. Может ведь и не дойти, остановившись где-нибудь.

Ольга Константиновна посмотрела на митрополита:

— Ваше Высокопреосвященство, расскажите как он к людям относится. Нет у него предвзятости и ненависти?

— Он мальчишка. К людям доброжелательно относится. Да и в отчетах ясно сказано, что по другому нельзя ему. Всех кому к нему лучше не подходить, он заранее определил и до всех довел. Так что с ним вполне спокойно общаться можно. Вот только судя по докладам тяжело остальным с ним общаться. Привыкнуть надо. Понимаете, глаза у Петра Алексеевича иногда светятся, из-за того он и очки затемненные заказал. И трудно воспринимать двенадцатилетнего ребенка рассуждающего по взрослому, а приходится, — митрополит перекрестился, — Тут помнить конечно надо, что молнией своей о праве своем напомнить может. Вот в общем то и все.

— Ну вот и славно, — улыбнулась Ольга Константиновна, — Павел ты же хотел с Петром познакомиться?

— Да, — отозвался Павел Александрович, — не мешало бы.

— И Александра изъявила желание познакомиться, — продолжила Ольга Константиновна, — Вот мы и посетим Москву, заодно и в Калугу заглянем, Петра окрестить. Его Высокопреосвященство объяснит Петру что происходит и проведет обряд крещения. Крестными будем я и Павел. А в пути будут у новокрещенного Романова-Голицына наставники выделенные Его Высокопреосвященством и Его Величеством.

— Снова уведет у церкви священнослужителей, — недовольно пробормотал отец Иоанникий, вызвав у присутствующих смех.

— Ваше Высокопреосвященство, зато сохраните для империи благословенного! — улыбаясь утешил митрополита Сергей Александрович.

— И по какой причине Петр в бега ударится? — спросил Павел Александрович, — Получив новую фамилию и поддержку, у него причин для побега не будет. Даже для фиктивного и демонстративного побега.

— А вот здесь сказка Петра поможет. Да и высказывания его не соответствуют правилам поведения. Сразу чувствуется неподобающее поведение и отсутствие воспитания, полагающееся его статусу, — сурово проговорила Мария Федоровна, но глаза ее смеялись, — Его Величество выскажет свое неудовольствие поведением и воспитанием Петра. И потребует поместить его в соответствующее учебное заведение для воспитания и обучения.

— Что же, это приемлемый вариант, — согласился Александр, — Думаю, так и поступим. Тем, более что данный вариант удобен тем, что даже если Петр согласится на наше условие, оно на пользу всем пойдет.

— Едем в Москву и в Калугу? — радостно воскликнула Александра Георгиевна, восторженно захлопав в ладоши, — Когда будем собираться?

— Александра, держите себя в руках, — строго посмотрела на нее мать.

— Простите, матушка, — девочка покорно потупилась, но задорный блеск постреливающих по сторонам веселых глаз, говорил что принцесса ничуть не раскаивается.

— А как быть с Алексеем? — озвучил Сергей Александрович еще одну проблему, — Ему нужно сообщить. И как он отнесется к такой новости? Это ведь в первый раз, когда рожденного на стороне напрямую в семью вводят, пусть и не по наследной линии.

Александр Третий поднял руку в успокоительном жесте:

— Давайте не будем спешить. Нужно все как следует обдумать. Да и не сейчас надо ехать. Алексею сообщим, но чуть позже. Не все решено еще. Нужно Указы соответствующие подготовить, и в Закон о престолонаследии изменения внести так же надо. Такое не одним днем делается. Думаю, сейчас надо переговорить с Менделеевым и наконец-то передать ему посылку. А так же с Костовичем Огнеславом Степановичем, — вспомнил Император про изобретателя, — Будет неплохо отправить их с Владимиром Андреевичем — и Александр указал на Долгорукого — в Москву. Пусть встретятся с Петром и поговорят. Может и поработают в месте. Глядишь время пройдет, да и Петр успокоится. Ну а дальше и Ваш план, Ольга Константиновна, можно реализовать. Только Вам, Ваше Высокопреосвященство, придется в Санкт-Петербурге задержаться. Будете сопровождать Ольгу Константиновну и Их Высочеств в путешествии до Москвы и в Калугу до имения Петра. Крестить в Калужской губернии будете, в храме Михаила Архангела, что бы лишний ажиотаж не допустить. Да, и так как вы лучше всех Петра знаете, переговорите с ним по поводу Сибири, узнайте какие у него планы были. Кто знает, возможно и одобрим их и даже поможем. Дождавшись согласия всех, Его Величество продолжил: — А сейчас я думаю надо прерваться на обед. После обеда должны прибыть Менделеев, Костович и механик из имения Голицыных для беседы. Прошу всех проследовать в обеденную залу.

После трапезы все снова собрались в том же кабинете. С Менделеевым и Костовичем в отличие от механика, Император был знаком лично. Быстрая процедура знакомства с механиком, представившимся Степаном Яковлевичем, и Александр, взмахом руки приглашает ученых присаживаться за столом:

— Дмитрий Иванович, у Нас есть для вас посылка с письмом, ознакомьтесь, пожалуйста. И если возможно, то Мы так же хотели бы ознакомиться с самим письмом.

— Хорошо, Ваше Величество, — согласился Менделеев и вскрыл посылку. Прочитав

письмо и передав его Императору, он с интересом стал изучать содержимое пеналов.

Пока Менделеев читал письмо, Александр Третий обратился к Костовичу:

— Скажите, Огнеслав Степанович, письмо из Калуги от Петра Голицына при вас?

— Нет, Ваше Величество, — напряженно ответил Костович, неожиданная Высочайшая аудиенция да еще и в присутствии Императрицы, греческой королевы, принцессы и Великих Князей совершенно выбили его из колеи, — письмо осталось у Одинокого Степана Яковлевича.

— Одинокого? — удивленно спросила Александра Георгиевна.

— Ваше Высочество, у меня фамилия такая, — с грустной улыбкой отозвался механик, с прямой спиной сидя на краешке роскошного стула, — Но после смерти родных от холеры, фамилия стала соответствовать своему содержанию.

— *Вот как?! — заинтересовалась Мария Федоровна, — Расскажите поподробнее о себе, особенно как вы попали к Голицыным.*

— Я из семьи мелких, разорившихся, поволжских дворян. Но на мое обучение у семьи деньги были, нас двое детей в семье было. Я и сестра младшая. Поступил в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет. Как раз по окончании университета и получил письмо, что все дома заболели. Нужны были деньги на лечение. Вот и начал искать подработку, для помощи семье. Через знакомых узнал, что княгиня Елизавета Петровна Голицына ищет репетитора для сына. Сразу дал согласие. Елизавета Петровна действительно давала хорошие деньги, но к сожалению они не понадобились. Так и прижился у них в имении. Петра Алексеевича интересно было обучать, очень любознательным он оказался. Но вот сильно экспериментировать любил. Вся округа от этого страдала. Часто его Елизавета Петровна наказывала, бывало и до розг доходило. А с самим репетиторством интересно получилось. Петр Алексеевич кузнечным делом заинтересовался, а Елизавета Петровна против была. Да на свою беду наставник его заступился. Елизавета Петровна в сердцах и сказала, что раз хочет учиться, то пусть учится как положено. А она, потом со всех, по всей программе спросит. Вот и стала искать механика для обучения Петра Алексеевича.

— Степан Яковлевич, а как оказалось, что письмо для Огнеслава Степановича осталось у вас? — спросил Император.

— Я в неподходящее время обратился к Огнеславу Степановичу, он своей работой занят был. Потому только прочел его и попросил позже подойти с письмом, для предметной беседы. Кстати вот оно, — Одинокий передал конверт Императору, — а у меня еще одна встреча была назначена на этот день по просьбе Петра Алексеевича. Вот так и получилось, что мы с Огнеславом Степановичем оба спешили, и письмо у меня осталось.

— Что за письмо и для кого? — спросил Александр Третий, — расскажите подробней. Особенно по какой причине возникла необходимость написать его.

— Разговор этот с Петром Алексеевичем произошел на третий день после происшествия на станции Ферзиково. Как раз перед отправкой в Санкт-Петербург, — начал вспоминать механик, — Мы говорили об электротехнике. Петр Алексеевич узнал, что я учился на физико-математическом факультете и стал расспрашивать меня об электротехнике. Я по большей части по механике пошел. Но вспомнил об Александре Попове, мы с ним хорошо знакомы были. Он на курс младше учился, да и заболел. Из-за чего на второй год остался, так бы лучшим был на курсе, мог и на стипендию учиться. Долги во время болезни помешали ему. Вот он как раз в электромеханике был силен, по большей

части ей интересовался. Петр Алексеевич рассмеялся даже и сказал, что он сам с электричеством тесно связан и понимает его как никто другой. Далее сказал что электричество имеет большее значение, чем сегодня принято считать. Одна только возможность создать устройство, для беспроводного приема и передачи информации перевернет мир. Взять хотя бы Военно-Морской Флот, которому такие устройства нужны как попутный ветер в парусах. То есть еще вчера. Или Российскую Империю с ее огромными территориями. Она задыхается без связи! Пока сообщение дойдет из одного конца страны в другой, не менее полугода пройдет, а то и более. Петр Алексеевич попросил меня встретиться с Александром и договориться о консультациях, а так же о предоставлении ему обзоров по периодическим изданиям по электротехнике как российских, так и зарубежных. Княжич даже обязался оплачивать эту работу для него, особенно консультации и переводы статей.

— Степан Яковлевич, вы встретились с Александром Поповым? — заинтересованно спросил Император, — И каков результат вашей с ним беседы? Да, и назовите полное его имя отчество.

— Александр Степанович Попов, — ответил механик, — И мы на днях встретились с ним. Он недавно защитил диссертацию, и получил ученую степень кандидат университета, и даже приглашение остаться на факультете для подготовки к профессорскому званию. По поводу беседы, тут после письма от Петра Алексеевича и моего рассказа о произошедшем, Александр согласился давать консультации и присылать обзоры периодических изданий.

— Вячеслав Константинович и вы Константин Петрович, — обратился Император к Плеве и Победоносцеву, — соберите все данные по Александру Степановичу Попову и на особый контроль возьмите. Я думаю, неплохо будет провести с ним беседу и гарантировать всяческую помощь с нашей стороны. Беспроводная связь действительно нужна Российской Империи и флоту. — Дмитрий Иванович, — Александр обратился к Менделееву, — что скажете по поводу письма и посылки?

— Вы знаете, Ваше Величество, — задумчиво заговорил Менделеев, — довольно оригинальный подход к научной работе. Это же надо догадаться начать исследовательскую работу с истории! Если это не мистификация, то просто гениальная работа получается. Надо будет действительно с солью и разными видами глин поработать, довольно интересные результаты ожидаются. Я к стати древнеримскую легенду слышал, но вот про китайскую гробницу впервые узнал.

— О том что это не мистификация могу личную гарантию вам дать, — подтвердил Император, — там свидетелей целое имение было. Значит работа действительно серьезная?

— Да, Ваше Величество, — подтвердил Менделеев, — вне всякого сомнения.

— Значит, Петр все-таки сделал открытие? — вмешалась Мария Федоровна.

— Понимаете, Ваше Величество, — стал объяснять Менделеев, — способы Термической обработки давно известны. Но вот то, что в древности могли добывать алюминий, это были почти фантастические слухи. И в этом случае можно сказать, что тут на лицо явное открытие. Если бы еще и на китайскую гробницу посмотреть. Тут уже возможно открытие мирового значения. А сама гробница будет являться материальным подтверждением добычи алюминия в древности.

Задумчиво помолчав, Александр предложил Костовичу и Менделееву:

— Господа, а Вы бы не хотели встретиться с Петром Алексеевичем? Признаться, Нас будет интересовать Ваше мнение о нем. Можете его проэкзаменовать, и даже если

возникнет необходимость, поработать вместе с ним над его проектами.

Ученым пришлось соглашаться, Императору отказывать не принято:

— Вот и прекрасно, — подвел итоги беседы Александр, — Думаю от трех до пяти дней Вам хватит на приведение срочных дел в порядок. А далее в месте с Владимиром Андреевичем, — Александр указал на Долгорукова, — выедете в Москву. В имение Петра Алексеевича сейчас не так просто попасть, но князь Долгоруков, вместе с обер-полицмейстером Москвы Янковским Вас проводят. На этом, думаю, совещание можно заканчивать, — Император встал и небрежным кивком попрощался с посетителями, завершая аудиенцию.

Следующие дни после отправки посылки Менделееву выдались относительно спокойными. Единственное, что раздражало, так это невозможность посетить Калугу и Москву. В Москве на Ходынском поле в это время проходила Всероссийская Художественно-Промышленная Выставка. А в Калуге в это же время какое-то столпотворение наблюдалось из представителей, представительств и прочих «очень важных особ». По дошедшим слухам от казаков и святых отцов, в Москве то же самое творилось. Янковского и Московскую епархию прошениями затюкали. И оказывается генерал-губернатор князь Долгоруков и митрополит Иоанникий убыли в Санкт-Петербург на доклад к Императору.

А нам, чтобы нормально жить и работать пришлось купца, ювелира и стекольщика в имение вызывать, и организовывать телеграфную связь имение Жарки — Калуга. Так же я был вынужден сообщить, что встречаться и вести беседы кроме митрополита Иоанникия и Янковского ни с кем не намерен. Ну это-то и понятно, митрополит Иоанникий, обер-полицмейстер Янковский, Николай Эрнестович Мантейфель, а так же калужские купец, стекольщик и ювелир мои единственные агенты влияния в открытом мире, на данный момент. Они даже не подозревают, что полностью на моей стороне. Допустив посторонних в имение, мне поневоле придется обращать их всех в свои сторонники, иначе спалю молнией какого-нибудь много возомнившего о себе хлыща. А в мире не дураки сидят, быстро сопоставят следствие с последствиями. Нас в миг вместе с имением пушками с лица земли сотрут. Матушка так же поддержала меня и побеседовала с хозяевами соседних имений. В общем, жизнь стала налаживаться, и потекла по более или менее размеренному руслу.

С вызванными из Калуги купцом, ювелиром и стекольщиком договорились о средствах поддержания связи и возможности их прибытия ко мне в сопровождении казаков. С ювелиром думал сложнее всего будет, у меня пока что для него дел не было. Но он наоборот был доволен сложившейся ситуацией. У него в последнее время наплыв заказчиков. Сказалось известие, что мастер работает со мной. Единственное, попросил его найти в Калуге часовщика и вместе с фотографом, у которого мы фотографировались, привезти в имение. А еще ювелир привез заказанные затемненные очки, стекольщик изготовленные для будущей фотоаппаратуры линзы. Я ему дополнительно оформил заказ на них, чтобы без дела не сидел, да и мне на начало работ изделия были.

Чувство, что мы здесь временно, никуда не делось. Потому и решил с двигателем не спешить. С Костовичем встреча в ближайшее время не предвидится, а механик еще не скоро вернется. Эх, а ведь так хотелось хоть в переписке с Огнеславом Степановичем состоять! Он где-то в эти годы изобрел или изобретет карбюратор и электрическую свечу зажигания для своего двигателя. Но благополучно забросит это дело. Не позволю! Все равно вырву у него признание на эти изобретения. Будет у нас русский изобретатель двигателей. Зато кинокамеру и проектор, уверен, успею сделать. Все необходимое для фото пленки уже изобретено. Сухой способ создания фотоэмульсии уже изобретен, целлулоид так же известен. Менее десяти лет осталось до появления фирмы Кодак с ее пленкой и сухой фотоэмульсией. Но целлулоид не долговечен. Он желтеет и становится хрупким, да и огнеопасен. И опять до изобретения лавсана осталось каких то пятьдесят лет. Все необходимое для его производства так же уже изобретено. Лавсан производная часть

полиэтилена. И все это можно делать из нефти. А ведь есть еще и капрон с нейлоном, и до их создания не более шестидесяти лет. И так же все необходимое уже есть. Так что можно считать, что кинофотопленка у меня в руках. Пусть и пока на целлулоиде. На первый год хватит. А дальше только полиэтилен.

Как же мне необходима связка Менделеев, Костович и Попов! Этот тандем будет современному Ломоносову равен. Ладно, до них пока не добратся, но ведь никто мне не мешает дотянуться до Болдырева Ивана Васильевича. Тем более он вот он, рядышком совсем, в Москве на Ходынском поле находится на Выставке. Циолковского так же найду, как перетянуть к себе, благо он тут в Калужской губернии преподает. Да и Мичурин Иван Владимирович не далеко, где-то под Тамбовом. Ох, и не завидую я святым отцам, тяжело им будет делать вид, что они не подозревают о моих знаниях. Но видимо им четкую установку дали, собирать все знания которые я сообщу. Но самим с расспросами не лезть. Думаю это митрополит Иоанникий распорядился.

А купца пришлось загрузить по полной программе.

Начнем с мясорубки. Когда он увидел действующий макет и прослушал объяснения, то буквально потребовал не заниматься глупостью изготавливая одну мясорубку, а сразу начать производство в несколько сотен штук. Я тогда очень удивился и спросил его, где он покупателей найдет? Купец ответил, что они сами набегут. Это были действительно пророческие слова, но мы об этом еще не знали. После уговоров я согласился на изготовление ста пятидесяти мясорубок, при условии, что десять у меня останется. Купец со скрипом согласился начать работать, и то, эти сто пятьдесят мясорубок в заказе, каким то мистическим образом выросли до трех сотен. При оформлении не забыл и свое обещание, потребовал разделить прибыль между фондами Московской епархии и Московским жандармским управлением, своим именем и купцом. Когда меня святые отцы уведомили что фондов жандармского управления не существует, я попросил их заняться созданием Объединенного Фонда Помощи Жандармскому управлению Московской, Калужской и Тульской губерний. Вот в этот фонд и будут поступать деньги. Что удивительно не прошло и трех дней, как пришло высочайшее повеление о создании такого фонда, только туда еще добавились Новгород и Санкт-Петербург и к жандармскому добавилось полицейское управление. И даже какие-то деньги уже на счет были положены. Здесь в общем то все понятно. Зачем государству тратить деньги на содержание полиции, если граждане сами будут содержать полицейских, которые и будут их ловить и стеречь? Прямо какой-то круговорот закона в обществе получается. Вот точно говорю, здесь не обошлось без помощи из самого верха. Но о таких высокопоставленных лицах, лучше не говорить вслух без острой на то необходимости. А то ведь и в Петропавловскую крепость упекут.

Когда Янковский прибыл сообщить мне столь радостную весть. То он еще и личное сообщение Плеве мне передал, мол, будет биться Вячеслав Константинович за каждого жандарма аки лев, но мне ни одного не отдаст! Я долго смеялся. Вот наивный столичный министр. Зачем мне войну устраивать за каждого жандарма? Я Янковского уведу, он сам себе жандармов наберет.

С протекцией церкви и жандармского управления, а возможно и грозного окрика из заоблачных высот, мясорубки довольно быстро были изготовлены и переданы купцу. Вот тут-то и сбылось купеческое пророчество. Казаки товар прямо в дороге перехватили, правда заплатили все честь по чести, и в свои станицы увезли. Когда купчина примчался с мольбой о помощи, понимаете ли он товар не смог на прилавки выложить, чтобы честной народ на

такую красоту полюбовался, я был очень удивлен. Ведь ожидалось, что мясорубки будут востребованы в первое время очень ограниченным кругом потребителей. Купцы, мещане средней руки и мелкопоместные дворяне, вот и весь перечень. А тут казаки всю партию разом умыкнули. Им то зачем? Да и еще в таком количестве? О них я даже не подумал. Вот так товар нашел своего потребителя, мне даже десять обещанных мясорубок не досталось. Пришлось договариваться со святыми отцами и Янковским об организации постоянной рабочей линии для производства мясорубок. Там уже естественно о больших партиях разговор пошел. Предприимчивый негодник на седьмом небе от счастья был. А как же! Он сразу переходит в высшую купеческую лигу! Вот только на казаков постоянно с опаской поглядывал, а они на него в ответ с хитрыми ухмылками. Оказывается им еще много надо, у них на Дону и Амуре родственники и товарищи есть. По Калуге данный случай, как анекдот ходил. Но и реклама отличная оказалась. На товар запись началась, продажи только по предварительному заказу. Даже повеяло чем-то родным и далеким из времен тотального дефицита. Было еще несколько подобных случаев, но не подряд и нечасто. Казаки все-таки не наглели. Но товар прямо у ворот фабрики у купца отбирали, под смех толпы, расплачивались и увозили. А торговец опять вой поднимает, что не может товар до лавок довести и народу показать. У него мания уже какая-то выработалась, вот хочется ему, чтобы товар на прилавках был. Еще и Янковский со святыми отцами гарантировали привилегию в ближайшие дни оформить. А жизнь-то налаживается, вот что значит сильный административный ресурс!

Так же у купчины, его кстати Ерофей Степанович Смолин зовут, разных тугоплавких и твердых сплавов для своих экспериментов заказал. Да и не только готовые сплавы, но и руды разнообразные и готовые материалы из которых присадки к сплавам можно использовать, нефть и реагенты для опытов по химии, а так же дополнительное оборудование к химической лаборатории, уже имеющейся у нас в имении. В общем поработать пришлось много, но с пользой. У меня наконец то появились плашки, метчики, сверла и измерительные инструменты. И все это добро в метрической системе. Ну и дополнительно получил так необходимые мне сплавы пружинных, приближенно похожих на антикоррозийные и огнестойкие стали. Работать пришлось с использованием полей, но так как мне помогали другие работники, то это не было заметно. В общем и дело ускорило многократно, и технологию отработал для поточного применения. Теперь кузнец будет проверять все это на заданные требования по материалам.

Имея в имении такие материальные ресурсы, я просто не мог не заняться хулиганской научно-исследовательской деятельностью. Мне известность в любом случае нужна. Это все таки моя защита в общественном плане. А открытия сделанные в результате неумного любопытства и немножко из озорства, ничуть не хуже нудных экспериментов маститых ученых.

Первым делом занялся электричеством и радио. Там все просто, вбил в землю два длинных штыря. На один приделал схему с катушкой медного провода и звонком, а в другой начал молнии кидать. Ох, и весело получилось! Дворовые девки стоят, рот разинув, казаки как самые умные стараются подальше держаться, святые отцы постоянно ворчат и осуждают, матушка ругается, а от мамки даже полотенцем по загривку получил. Единственное от пацанят отбоя не было, самому пришлось гонять. Но один все-таки умудрился от штыря заземлиться и получить бодрящий заряд тока. Зато я смог на звонке что-то вроде мелодии сыграть. Святые отцы от этого, на какое-то время дар речи потеряли. Ну

еще пробовал такой же штырь со звонком и катушкой без заземления использовать, но так, чтобы все видели. Так что предлог под будущее открытие я железный имею. И есть основание завязать знакомство и переписку с Поповым Александром Степановичем. В общем, он у меня изобретет радио в одна тысяча восемьсот девяностом году. И это будет именно радио, которым можно пользоваться на многие километры вокруг, а не то что было в моем мире, и то из-за этого недорадио ругань и через сто лет стояла.

Попутно занимался химией. Вот там много направлений было, и упражнялся я с ними бессистемно и в разнорядной. Здесь и перегонка нефти на фракции, конечно, не Бог весть что, получалось, но по заправке из-за вони досталось прилично. Зато у меня получилось подобие бензина неизвестно, правда, какого качества, а так же солярка, керосин, мазут и гудрон. С Менделеевым я уже в переписке состоять должен, если он конечно моей посылкой заинтересуется. Так что будет о чем ему рассказать. И да! Лавсан я все-таки сделал!

С моей химической лабораторией вообще интересно было. Я ведь из-за нее, как уже говорил, постоянно по заправке получал. Причина, конечно, была, и серьезная. Во-первых, вонь иногда такая стояла, что сам подальше убежал. Во вторых и третьих, постоянно что-то дымилось, горело и взрывалось. Зато народ обходил это место десятой дорогой, и никто не видел чем я там занимаюсь. Так что мне только и оставалось, что вести систематические записи в которых и были так необходимые разъяснения. Пусть святые отцы переписывают.

Далее, я занялся плотно заготовками материалов под будущее фотодело. Мне по существу только и осталось что получить разрешение на производство фотопленки и сопутствующих материалов. Ну не знаю я, как сейчас обстоит дело с авторским правом. Как сейчас говорят с привилегиями. Потому и жду удачного момента, что бы разрешить этот вопрос. Да и Болдырева Ивана Васильевича надо еще к себе заманить, как наставника Изобретать-то в основном он будет. И первую фото студию тоже он организует.

Плюс еще решил поиграть в Шерлока Холмса, пусть его даже еще и не написали. То есть занялся дактилоскопией. Уильям Гершель в одна тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году официально выдвинет теорию о неповторимости рисунка ладоней. Вот я и решил доказать эту теорию, за пять лет до ее появления. Хотя Гершель уже активно ее использует в Индии. И опять от меня все в имени прятаться начали, очень трудно видите ли руки от мастики отмывать. Я ведь с каждого в имени отпечатки пальцев снял и в специальную карточку занес. А потом еще и проектор сделал, что бы сравнивать увеличенные отпечатки нанесенные на стекло. Будет чего предложить жандармам, а потом этих же жандармов к себе переманить.

Ну и наконец, здравствуй доктор! Медицина это не война, ее всеми силами продвигать вперед надо. Вот и решил опередить события на двадцать и шестьдесят лет соответственно. Решил, что открытие групп крови и резус-фактора будет в самый раз. Очень уж мне хочется, что бы Боткин за мою школу младшего медицинского персонала заступился. Да и институт по исследованию крови организовать высокая необходимость уже существует. Николаю Второму четырнадцать лет исполнилось, и он благополучно по Гатчинскому дворцу бегаёт. Пока только по дворцу, а не по балеринам, но то дело нехитрое, и оглянуться не успеет, как всякие мухи гессенские вокруг наследника зажужжат.

Кровь я так же собирал со всех жителей имения, и данные заносил в карточки с отпечатками пальцев. Опять все прятаться от меня начали. Подумаешь, несколько раз кровь взял, так ведь не из вены, а из пальца. Мне общий принцип для описания нужен был, а не сам метод. В общем, это была подгонка действий под заранее известный результат. А когда

дело дошло до святых отцов, они побежали к доктору. И чего жаловаться вздумали, спрашивается? Я ведь не всю кровь у этих кровопийц забираю, да и обрабатываю место прокола спиртом. Когда я сидел за столом обложенный карточками и занимался писаниной в тетради, доктор и подошел.

— Петр, ты что опять задумал? — спросил он, — Зачем людей пугаешь и кровь у них берешь?

— Вот, Ян Карлович, — обрадовался я и стал искать его карточку, — Вам тоже надо сдать!

— Петр, — сказал доктор усаживаясь напротив меня — объясни что происходит.

Почесав в затылке, пришлось признаться:

— Ян Карлович, я кажется открытие сделал. И может быть даже не одно. Вот только объяснить его тяжеловато будет. Сплошные предположения. Тут боюсь целый исследовательский институт организовать придется. А мне, чтобы подтвердить это открытие, нужна целая лаборатория с опытным врачом.

Наш эскулап отобрал у меня карточки и стал их внимательно разглядывать:

— И как связано твоё открытие с отпечатками пальцев, буквами с цифрами и плюсами рядом с ними?

— Отпечатки пальцев, это другая тема. Не менее важная, — начал объяснять я, — А вот буквы с цифрами, и возможно плюсы с минусами и есть мое открытие.

— Давай подробно рассказывай, — заинтересованно сказал доктор, усаживаясь напротив меня.

— Понимаете, я тут на днях поранился до крови. И моя кровь смешалась с другой. Вот и захотел посмотреть на это дело через свой микроскоп. У меня хоть он и слабенький, но кое-что я увидел. Разная кровь слипаться начала в комочки. Я вначале подумал, что так свертываемость действует. Но все-таки решил проверить. Вот и собирал образцы для проверок. В общем у меня получилось разбить кровь разных людей на четыре группы. Правда, первая группа очень редкая оказалась, в единственном экземпляре. Да и четвертая не такая уж частая получается. А дальше еще веселее стало, когда выяснилось что и в каждой группе деление есть. В одном случае есть реакция, а в другом нет. Так вот и появились плюсы и минусы, я их резус-фактором назвал. В общем вы же знаете, что основная смертность при травмах, происходит от потери крови и заражении ран. И попытки переливания крови очень редко бывают удачными. А тут вот такое деление получается. Я думаю это как раз и есть причина неудачного переливания крови. Но мое предположение проверять надо. Думаю надо венозную кровь на проверку брать, а это уже уровень настоящего доктора. Тут нужен намного лучший микроскоп и думаю центрифуга так же необходима. Что бы была возможность отделять плазму от кровяных тел. Вы только подумайте, если это все подтвердится, то медицина очень далеко вперед шагнет. И с этим резус-фактором, то же не все в порядке. Сплошные вопросы. Подозреваю, что смертность новорожденных с ним связана. В случаях когда резус-фактор разный у матери и ребенка. Конфликт получается. Тогда думаю в этом случае, даже отцовство определить возможно. Представляете сколько здесь работы? Вот и говорю, что целый исследовательский институт нужен. Эх, нам бы хотя бы свою лабораторию при будущей медицинской школе организовать, да описание в научное сообщество дать.

Все снова стали собираться за столом во дворе, где я записями занимался. Святые отцы уже и стопку бумаги для конспектов достали. У них руки не отваливаются, постоянно с

пачкой бумаг ходить? А отец Константин? У него же свои обязанности в храме Михаила Архангела! Когда он их исполняет?

Ян Яковлевич еще раз внимательно просмотрел карточки:

— Ты уже всех в имении описал?

— Нет, как раз только вы и остались, — ответил ему с ухмылкой.

— Ну с пробами допустим, я тебе смогу помочь, — задумчиво начал доктор, — И с соответствующим микроскопом и даже центрифугой все достаточно быстро решается. Но это все действительно не то. Ты правильно заметил. Описание и подтверждение твоих мыслей, так же достаточно быстро создать возможно, — помолчав, он решительно сказал, — В Санкт-Петербург срочно писать надо! Такие открытия нужно немедленно проверять и внедрять. Давай дальше рассказывай, что там у тебя за открытия и изобретения наметились.

Достаю небольшую коробочку и открыв ее, извлекаю маленький комочек непонятно чего:

— Я тут нечаянно новое вещество создал. Искал возможность получить новую подложку для фотодела, но вот это получилось, как попутный материал. Лавсаном его назвал. Судя по всему его много где использовать можно, но опять изучать и описывать надо. Для этого грамотные ученые нужны. Думал снова Менделееву письмо с образцом отправить. Правда до сих пор не знаю, заинтересовала ли его моя прошлая посылка. Он может и не обратить внимания на мое новое письмо.

— И для чего ты думаешь пригодно это вещество? — спросила матушка.

Взял комочек в руки и помял его.

— В первую очередь для тканей думаю будет очень хорош. Ткани для одежды точно людей привлекать будут. Так же канаты и паруса будут более прочными. Тут всего не расскажешь, исследовать надо и технологии отрабатывать придется. Что-то и у нас в имении изготовить можно будет, конечно. Но здесь ведь нет швейной фабрики. Так что бессмысленно заниматься этим у нас. Тем более, не думаю, что стоит чистую ткань из него использовать, хоть и возможно. Тут, скорее всего, он будет нитью добавляться к другим нитям. Ну там шелк, шерсть или хлопок, так же пенька и лен. И снова получается, как с группами крови. Изобретение есть, но для него серьезные исследования нужны. Иначе так и останется пустышкой. А польза от него точно будет, да и попутные открытия возможны. Я то сам совсем другое пытался получить, ладно хоть путь определил. То что мне надо я все равно сделаю.

— Петр Алексеевич, а зачем вам отпечатки пальцев понадобились? — спросил отец Константин.

— Ну если честно повеселиться захотел, — рассмеялся я, — Но сама история следующим образом выглядит. Тут меня заинтересовали рисунки на руках, а если честно, то скорее цыганки, которые по этим рисункам на руках гадать любят. Ведь если рисунок у всех одинаковый, то и гадание одно и то же будет. Но почему-то они постоянно всем по-разному все рассказывают. Вот и подумал что у каждого свой рисунок должен быть. А тут еще и Вячеслав Константинович Плеве на меня войной собрался, немного жандармов ему для меня жалко. Вот и решил подготовиться к этой войне по всей науке Дядькой преподаваемой. Сами подумайте, у жандармского и полицейского управления на каждого неблагонадежного должны быть заведены карточки. Если на тех карточках будут занесены и отпечатки, то количество нераскрытых преступлений резко сократится. Я ведь проверив всех обитателей нашего имения, не нашел ни одного повторяющегося рисунка. Значит они действительно

уникальны. Полицейские и жандармские управления городов уже сейчас могут обмениваться информацией между собой по телеграфу, а не только посредством почтовых поездов. А у нас вон Москва — Санкт-Петербург и картинку по телеграфу передать могут. Думаю недолго осталось до усовершенствования и дальнейшего развития данного направления. Вот таким образом шутка стала открытием.

— И как же ты собираешься преступников по отпечаткам ловить? — рассмеялся Дядька, — Цыганок позовешь, чтобы нагадали кто преступник?

Рассмеявшись, я попросил казачка крутящегося неподалеку принести из мастерской небольшой чемоданчик разукрашенный цепями. После того как он его принес, попросил побыть с нами. А сам достав из чемоданчика салфетки, стал тщательно протирать три выбранных стакана попутно давая объяснения. — Всю последовательность розыскных действий объяснять не буду, для экономии времени. Да и не знаю я их. А вот сами экспертные действия и выводы дам сразу, — после чего поставил стаканы в ряд и попросил казачка подержать каждый стакан, а после один из них забрать и встать позади меня. Достав из чемоданчика пузырек с угольной пылью и кисточку, стал обрабатывать этой пылью поверхности стаканов. Продемонстрировав всем проявившиеся отпечатки на стаканах, достал заранее изготовленную бумагу с клейким составом. И наклеил эту бумагу на отпечатки. Оторвав бумагу от стаканов, продемонстрировал отпечаток на ней. Дальше достал лупу, карандаш и карточку казачка стал сравнивать рисунки, попутно отмечая карандашом совпадения, — Ну что же, согласно проведенным оперативно-розыскным мероприятиям и неоспоримым доказательствам в виде отпечатков, я заявляю, что воришкой стакана оказался казачек, стоящий позади меня.

— Как воришкой? — возмущенно заговорил казачек — Петр Алексеевич, вы же сами мне сказали его взять!

Под общий смех пришлось отдариваться сладостями со стола, в виде компенсации. И отпускать мальчишку к друзьям, наблюдающим происходящие события издалека. Все находящиеся за столом взяли стаканы, бумагу и карточку, и стали с интересом рассматривать отпечатки на них.

— Значит вот так можно определить преступника? — спросил вахмистр, — И что действительно у всех свой собственный рисунок на руках? — и стал удивленно рассматривать свои руки, — А я даже и не знал о таком.

— Как бы это не было удивительным, но это так. — ответил я — И, Ян Яковлевич, если в карточках будут указаны группы крови и резус-фактор, то количество подозреваемых так же может быть сокращено. Как бы это было не прискорбно, но редкое преступление заканчивается без крови.

— Петр, я уже сказал свое мнение, — ответил доктор, — Здесь нужны клинические исследования в госпитале. Необходимо срочно сообщать в Санкт-Петербург. Ты лучше разъясни, что ты тут творил с фотоделом и электричеством.

— О фотоделе говорить пока что не о чем. Нужно дождаться приезда фотографа и часовщика. Я хочу усовершенствовать фотоаппаратуру, это как с мясорубкой было. Тут нужно разобраться во всем, а потом уже и делать что-то. Но дело точно интересное будет. Хотя, сейчас на Всероссийской Художественно-Промышленной Выставке в Москве находится Болдырев Иван Васильевич, вот бы его к нам в имение пригласить. Тогда точно у нас быстро что-то стоящее получится. В общем, тут у меня только заготовки и планы.

— Петр Алексеевич, — с улыбкой обратился ко мне вахмистр, — Вы хотите сказать, что

опять усовершенствуете фотоаппарат, и передадите его купцу. А наши казаки опять за его обозами охотиться будут?

Под общий смех пришлось давать разъяснения:

— Нет, усовершенствования действительно будут серьезные и как раз в плане облегчения использования фотоаппаратуры. Но вот казаков фотоаппаратура вряд ли заинтересует. Уж больно это муторное дело для них, да и учиться этому надо. А специфичность оборудования отпугнет нашего купца. Так что вряд ли он захочет торговать таким товаром. Хотя зная нашего Ерофея Степановича, да и еще если он будет уверен, что казаки не успеют отобрать его товар, то может взять по одному экземпляру, только лишь для того, чтобы у него на прилавках они были. Вы же знаете его навязчивую идею, показать товар на прилавке честному народу.

— Петр, все таки расскажи, — обратился ко мне дядька, — Что ты за представление устроил с молниями. Это действительно было нужно, или очередное хулиганство с твоей стороны?

— Знаешь, дядька, с молнией мне конечно легко. И это действительно было развлечением для меня. Но и практическая польза тоже есть. Не знаю, сделал ли я открытие, но вот выводы довольно интересные получаются. Вот бы с Александром Степановичем Поповым поговорить, он бы точно заинтересовался этими выводами. А так простая игра получилась, — я легкомысленно махнул рукой.

— Вот эти выводы ты нам и поведай, — сказал дядька, — Заодно скажи, ты их записал в свои тетради?

— Конечно записал, — пожал я плечами, — Мне механик обещал переписку с ним в Санкт-Петербурге организовать. А выводы получились вот какие. Вы же видели как я железные штыри в землю на расстоянии вбил? Так вот подавая молнию на один штырь, я получал ответ на другом. Но это в общем то не чистый эксперимент, связь у них по земле была. А вот когда я отсоединив от земли приемную антенну все равно добился получение сигнала, что все слышали через звонок, то здесь можно заявить о передаче сигнала без проводов на расстоянии. Что я, кстати, и доказал, наиграв подобие мелодии с помощью звонка и передачи сигнала. Тут вот еще что, сигнал идет по кругу, как волна от камня брошенного в пруд. Я это проверил перемещая приемную антенну, вокруг передающей антенны и запуская молнии из разных положений. Более того волна имеет разную длину, — поднявшись я сходил к расположенной неподалеку приемной антенне, и выдернул катушку из держателя. Главное сейчас донести до всех, а потом и до Попова зачатки теории распространения волн. Чтобы он смог зацепиться за нее. Для этого катушки с медным проводом и звонка хватит. Попов в ближайшее время в морское ведомство перейдет. И если его удастся нацелить на направление в области радиолокации, то он сможет создать мощный радиопередатчик. А с чувствительностью и частотами приемников, я ему незаметно помогу. Тогда и появится радиосвязь, пусть как попутное изобретение. Но это уже будет безоговорочное изобретение. Потом вернувшись с катушкой передал всем для осмотра, — Изменяя длину провода за счет витков на катушке, я смог добиться как приема сигнала, так и его потери. А это уже важно для будущих вероятных передач без проводов. Можно будет использовать много передатчиков, не забывая передачу других устройств. И самое главное определенные длины волн имеют способность отражаться от объектов. То есть радио волны не всепроникающие, и их можно использовать для локации. Только подумайте, в темноте и тумане корабли уже не будут бродить как слепцы. Они будут зрячими, и в любых

погодных условиях будут идти к намеченной цели без страха получить пробоину. Тут конечно нужно вести не только свои исследования, но так же внимательно изучать и мировые исследования в области электричества и передачи информации.

Первая половина июля. Гатчинский дворец.

В Гатчинском дворце, как и в Санкт-Петербурге было беспокойно. Слухи рождались, распространялись и умирали с невероятной скоростью. Светская, политическая и дипломатическая жизнь кипела и бурлила вокруг сообщений о постоянных совещаниях Царствующей семьи и лиц допущенных до этих совещаний. Никто не мог узнать результатов этих совещаний, хотя песни и сказка Петра Голицына уже вовсю гуляли по Гатчине и Санкт-Петербургу. В ход шли подкуп, лесть и предложения от которых ну никак нельзя отказаться, лишь бы узнать о результатах этих совещаний. Причина совещаний известна была всем — Петр Голицын. Но вот результаты уже несколько дней узнать так никто и не смог.

— Ваше Величество, — начал князь Долгоруков, — надо что-то решать. Ну невозможно уже стало пройти по дворцу. Это только митрополиту Иоанникию и Победоносцеву Константину Петровичу легко, сразу проповедью пройдутся по любопытным. Да и то думаю, и к ним хитрые подходы ищут.

— Все решится в середине августа, — ответил Александр Третий, — А пока давайте рассмотрим, что у нас по Петру набралось.

Князь Долгоруков передал папку Императору, а митрополит Иоанникий заметил хмуро:

— Петр Алексеевич хулиганить начал, эксперименты в имении устраивает. Того и гляди все в округе разнесет. Ему срочно наставники нужны, да и отвлекут они его от экспериментов. Отец Алексей помощи просит, Петр Алексеевич всех идеями своими замучил. Совсем как Петр Великий в начале своей деятельности становится, в неумной тяге к знаниям и экспериментам.

— Вот сейчас и определим, кого и когда к Петру направить, — ответил Император и стал просматривать папку, и делать у себя пометки. После просмотра передав ее Марии Федоровне, вызвал адъютанта, — Вызовите сюда Боткина, передайте, что нужна его срочная консультация. И на после обеда срочно пригласите из Санкт-Петербурга Попова Александра Степановича. Потом обратился к Павлу Александровичу: — Посмотри в старых папках, где его предложение по организации школы сестер милосердия. Пусть Сергей Петрович так же посмотрит и скажет свое мнение.

По приходу Боткина Император спросил его, знает ли он что-нибудь про Петра Голицына. И после утвердительного ответа, доведя до него краткую информацию, чтобы исключить всякие сомнения, попросил ознакомиться с документами из папок. После ознакомления Сергей Петрович, горячась, воскликнул:

— Ваше Величество, вы же знаете что я содействую созданию курсов сестер милосердия. Так что готов всемерно поддержать такую школу. И помочь с наставниками и материалами, сегодня отпишу на организованные мной курсы, пусть готовят специалистов. Даже готов съездить туда, для оказания помощи, да и чего греха таить познакомиться с таким дарованием. По остальному, тут срочно надо проводить клинические испытания, это мировое открытие. И значение его даже на вскидку определить невозможно. Скорее всего Петр Голицын прав, исследовательский институт нужен. Во всяком случае в части касающейся медицины. А стальное хоть и интересно, даже попробовать можно, но это не ко мне. Вон Менделеев Дмитрий Иванович по части химии больше скажет, а уж по отпечаткам только Плеве Вячеслав Константинович даст ответ. Нужна ему повышенная раскрываемость

или нет. Но судя по всему Петр Голицын его в крепкую осаду брать собрался, — все рассмеялись от данного высказывания, — Вот только скажите мне, Ваше Величество, какое решение Вы приняли? Тут ведь разные действия проводить надо, и все зависит от Вашего Высочайшего волеизъявления.

— Во второй половине августа в Москву, и далее через Калугу в имение Голицыных поедут Павел Александрович и Ольга Константиновна с дочерью, принцессой Александрой. Вам, Сергей Петрович, так же надлежит их сопровождать. Там будет проведено крещение Петра с дарованием ему фамилии Романов, и приставкой Голицын, — ответил Александр.

— Тогда, — Боткин развел руками, — надо срочно готовить бюллетени и печать с описаниями, попутно проводя клинические испытания и исследования. Нужно в ближайшие дни опубликовать открытия. И пусть научный мир потрянет от известия, что открытия совершены двенадцати летним мальчишкой, из хулиганских побуждений и неумной любознательности.

— А почему бы нам сейчас не издать Указ о создании школы недалеко от Храма Михаила Архангела? — спросила Мария Федоровна, — И я объявлю о своем патронаже над ней.

— Боюсь Петр Алексеевич взбунтуется, — покачал головой отец Иоанникий. Все удивленно посмотрели на него. — Понимаете, Петр Алексеевич в гимназию в Калугу ездит, — пояснил Митрополит, — А тут под боком целое учебное заведение.

— Так это же прекрасно! — воскликнул Боткин, — С такими открытиями и не пойти учиться в медицинское учреждение, я считаю преступлением.

— Вот только судя по документам, — возразил Менделеев и постучал по одной из папок, — Петр Алексеевич больше к механике и химии тяготеет. А с его даром и высказываниями, скорее всего, к воинским наукам.

— Думаю такая проблема легко разрешится на месте, — сказал князь Долгоруков, — Но вот дополнительные инструкции не помешали бы. Да и если мы в ближайшее время отправим наставников к Петру Алексеевичу, то они как раз и помогут с решением этой проблемы.

— Хорошо, — подвел итог совещания Император, — После обеда проводим беседу с Поповым. Знакомим его с открытием в области связи и прочими данными. Он поедет вместе с вами, Дмитрий Иванович, — уведомил Александр Третий Менделеева, — И в ближайшие дни можете отправляться в Калугу. Основная ваша задача удержать Петра от необдуманных поступков до середины августа. Заодно и поможете ему в его исследованиях без ущерба и членовредительства для окружения. Напомню всем, соблюдайте секретность наших решений. Единственное, что позволено к распространению, это открытия и изобретения Петра. Указ о начале исследований по ним и организации школы в Калужской губернии под патронажем Марии Федоровны я подпишу уже сегодня.

Можно так же отметить, что в эти дни вышел указ Императора об организации школы младшего медицинского персонала под патронажем Императрицы Марии Федоровны, в Калужской губернии. Школу должны будут организовать при Храме Михаила Архангела доктор с мамкой. И они даже название уже дали: «Школа младшего медицинского персонала Великомученицы Варвары Илиопольской», вот так просто и со вкусом. Видно из-за того что меня молния ударила, так назвали. Ну не, из-за космонавтов ведь? До появления военно-космических сил еще сто тринадцать лет ждать. И первый набор у них оказался, сестры милосердия. Теперь готовлюсь свое благословение наложить на учебное заведение. Доктор с мамкой разных специалистов и учителей откуда-то переманили к себе, и умудрились с Калужского правления потребовать обещание на строительство полноценных корпусов для будущего учебного заведения. Что удивительно учебное заведение планируется смешанного типа. Но только после строительства первых учебных корпусов. И из Москвы туда даже заявки поступили, на обучение детей не из последних семей. Доктора, мамку и меня это сильно удивило, но святые отцы только руками разводили, со все понимающей улыбкой. Пришлось даже побеседовать со святыми отцами и семьей. Беседа произошла вечером после ужина, мы все как раз сидели на веранде и обсуждали произошедшее за последние дни.

— Мамка, а не слишком ли вы размахнулись? — начал я, — И школу недалеко от Храма Михаила Архангела, и учителей самых лучших, и даже вон учебные корпуса у Калужского правления потребовали построить. И даже вместо одного класса целых три набрали. Да и ученицы я смотрю в остальных двух классах не из последней сотни по достоинству семей числящихся. А вообще, чуть ли не из первого десятка.

— А что тебе не нравится? — с усмешкой спросил дядька, — Все как ты хотел, первый класс сестер милосердия есть. А так как ты очень убедительно доказывал что надо их много, то и решили сразу три класса организовать. Дальше когда корпуса построят, то и классы мед братьев наберут. А так как обучение здесь планируется серьезное, то и ученики соответствующие появились. Им ведь никто не запретит потом и дальше учиться идти. Опять престиж заведения поднимается, а следовательно и обеспечение его.

— Все не устраивает. — хмуро ответил я — Делиться надо! А то хапнули себе чуть ли не лучшее учебное заведение и довольны. И не надо мне рассказывать что это я такой умный. Между прочим, я тоже глаза и уши имею, хоть и сижу в имении как в осаде, и образование у меня достаточное чтобы газеты читать. Так что прекрасно знаю что лейб-медик Его Императорского Величества Боткин Сергей Петрович в одна тысяча восемьсот семьдесят четвертом году организовал школу фельдшерниц, а в одна тысяча восемьсот семьдесят шестом году — «Женские врачебные курсы». Потому у меня полная уверенность, что наша школа образуется благодаря заступничеству Сергея Петровича. По тому наверное и еще два класса с вас потребовали. А так как сам Боткин в заступниках оказался, да еще под патронажем Императрицы Марии Федоровны, то и ученицы не из последних фамилий поступать собрались.

— Мамка и вы отец Александр, — обратился к присутствующим, — Приглашение ему, через митрополита Иоанникия на открытие школы и мое благословение передайте, которое я проведу в этот день. Хоть так Сергея Петровича отблагодарю. Ему это сейчас необходимо,

уж поверьте мне.

— Петенька, да твой дар разрушительный! — воскликнула матушка, — Хороша благодарность, молнией человека бить. Да и откуда ты знаешь что ему твоя помощь нужна?

— А вы его возраст узнайте. И не волнуйтесь, — усмехнувшись ответил ей, — все нехорошее воздействие я на себя возьму, пусть даже и вынесут после этого на руках. За два, три дня в себя по любому приду. Это как с тем благословением которое на имение наложил. Хоть и опасно, но уж больно польза велика. — Помолчав, продолжил: — А ведь мне вон в Калугу учиться придется ехать, а нас туда уже сейчас не допускают. И это тогда, когда под боком учебное заведение есть. И оно только и делает, что начальным образованием будущих медиков занимается. Не слишком ли? Целый студенческий городок для школяров, возможно будущих медиков! И вы ведь получается на моей идее, у меня же людей умыкнули. А я мог планировать этих людей в другие места направить. А сейчас? Вот уверен, что если захочу сейчас благословение на это учебное заведение наложить. То вы меня отговаривать будете. — я поднял руку останавливая возражения, — Да не возражаю я, чем больше народа под благословение подпадет, тем лучше для Империи будет. А уж для Калужской губернии точно лучше. Или вот еще вопрос. Учителя у вас есть. А программа обучения? По каким учебникам учить будете? Не по тем ли огрызкам из моих записей, что отцы Константин и Александр с моих дневников переписывают, а потом еще и долгие беседы со всеми ведут? Так это ведь не учебники, а всего лишь мысли о них, черновики. Их специалисты должны рассмотреть и принять. И далее оформить как положено. А как с метрической системой быть? Знаете, что я к ней тяготею.

— Петр Алексеевич, — начал отец Александр, — нам разрешение ваше нужно. Не справляемся мы уже. Разрешите мы сюда писарей вызовем? Ведь и вам легче от этого будет, все меньше писать придется.

— Да вызывайте, — махнул я рукой, — а то я не знаю для чего они сюда приедут. Но сразу говорю, бумагу не дам, пусть со своей приезжают! — Сам же подумал: А то до чего додумались! На моей бумаге, на меня же и стучать будут. У этой писчей братии ведь все на уровне инстинктов прописано как девиз: «Пиши везде, пиши всегда, пиши на всех! Бумага все стерпит.» — Мне и самому ее на писанину в разных проектах много надо. Тем более польза действительно будет, хоть возможные, будущие учебники нормально оформят. Вот только как вы их использовать сможете без Высочайшего разрешения?

— Нам Петр Алексеевич распоряжение пришло, — ответил отец Александр, — все составленные в месте с вами учебники оформить надлежащим образом. И отправить в Санкт-Петербург для проверки и окончательного оформления. И учебником русского языка очень заинтересовалась Императрица Мария Федоровна. Ей очень интересно стало почему вы так сильно хотите изменить правила и произношение русского языка. Да и по поводу метрической системы не стоит переживать. Принято решение о преподавании французской, английской и русской системы измерений. Дабы выпускники не путались в общении с иностранными представителями.

Я ошарашенно уставился на отца Александра:

— Ну и накрутили вы! — и замотал головой. Немного помолчав заговорил: — В эти годы слишком много открытий будет, — начал я, — и информационная составляющая станет сильно давить на старые языки. Появятся новые слова, а значит и правила построения речи нужно будет менять. — ну, не буду ведь я в самом деле всем рассказывать, что для меня родным является язык моего будущего. А не эта архаичная речь и письменность, с

непонятными для меня окончаниями в словах. — Речь изменится. И если мы сейчас об этом не позаботимся, то получим грубый и неудобоваримый язык. Мы просто потеряем всю красоту речи. Не будет ни стихов, ни песен. И тогда русский язык станет мертвым и забытым. А у нас другого языка нет. Да и он не менее древен, чем другие языки. Потеряем свой язык, потеряем себя!

А вообще творится что-то непонятное. Я всего-то хотел организовать мелкие курсы медицинских сестер. И под это дело, когда все устаканится, можно было организовать школы механиков, агрономов, учителей и воспитателей. А ведь на долю сиделок, медсестер, учителей и воспитателей большая часть на женщин приходится в моем мире. Этот мир пока что ничем от моего не отличается. Значит и здесь это возможно, и тогда мне ничто не мешает организовать этот процесс на два десятка лет раньше. А потом найдя подходящих промышленников и соответственно перетянув их на свою сторону, спокойно начать отправлять подготовленных людей в Сибирь для строительства городков и заводов на местах будущего строительства транссибирской магистрали. Даже можно было раньше срока заложить Новосибирск как один из административных центров освоения Сибири. Мне прямой выход на Восток как воздух нужен, а таким способом можно ускорить строительство транссибирской магистрали. Да и по большей части сама Сибирь представляет собой государство в государстве. И если направить туда правильно подготовленных руководителей, то за внешней недоразвитостью Сибири, можно скрыть совсем другой уровень развития.

Долгоруков самое большое в этом деле может занять нейтральную позицию, и то под влиянием Митрополита и Янковского. Александр Третий после гибели отца от рук террористов, стал предвзято относиться к образованию и изобретателям, и Николай Второй от отца и Победоносцева эту предвзятость приобрел. Но Александр Третий человек момента, так как любит выпить. Но все равно учудить такое в области образования он не сможет, очень ему сейчас не нравится образование простого народа. Плеве судя по сообщению Янковского хоть и присутствует при всем этом безобразии, но он своего мнения не имеет. Полностью на стороне Императора будет.

Победоносцев однозначно против всеобщего образования будет. Значит он не присутствует во всем этом деле. Или его отец Иоанникий на свою сторону перетянул. Это какое же влияние имеет митрополит?! Но он не один такой. В Святейшем синоде и другие есть. Они никак не позволят такому ресурсу как Петр Алексеевич Голицын быть только в руках митрополита Иоанникия. Там сейчас такая свара должна быть, что и Победоносцеву мало не покажется.

Неужели всех Александр Третий приструнил? Его получается уже на мою сторону перетянули? Тогда императорская семья, что-то неординарное задумала. Может правда в бега удариться, пока не поздно? Меня ведь раздели еще до того как я костюмчик пошил. Попытку организовать закрытый Фонд помощи жандармскому управлению Калуги, Москвы и Тулы творчески переработали. И я никакого влияния в данный момент времени на него не имею, и в будущем иметь не буду. Теперь точно придется Янковского за собой тянуть. Иначе останусь без вменяемой службы безопасности. Организацию учебных заведений опять под себя переработали. И теперь это будут не мои люди, а Императора. Мне только на квотах придется выезжать. А куда обученных людей Император направит? Ну уж точно не в Сибирь. Получается бег на месте какой-то. Но хотя бы в этом положении может и удастся не допустить неподготовленную переселенческую программу на Дальний Восток. Время у меня все таки еще есть. Буду видимо уже обученных людей по крупницам собирать. Да и эту школу

думаю продавлю, до состояния полноценного академического городка. Вот этим делом надо сейчас заняться.

— Петр, — заговорил со мной дядька, — Вот ты говоришь делиться надо и жалуешься что тебе в Калугу учиться придется ехать. Но ты же на врача учиться не будешь. И чего же ты тогда хочешь?

— У вас направленность школы — начальное образование, а медицинский профиль дополнительно идет. Учителя в основном так же по начальному образованию. Зато территории, как у полноценного студенческого городка. А в Империи острая нехватка механиков и агрономов. Да и кадетское училище не помешало бы, тех же казаков учить. Тут ведь тоже острая нехватка образованных командиров начального звена управления есть. Где их учить? И главный вопрос — кто будет учить? Кто пушки будет наводить? И кто механизмами на кораблях управлять будет? Вы об этом думали? — обведя всех взглядом, продолжил, — Раз дали нам добро на разворачивание школы с таким размахом, то и дело до конца доводить надо. Тут нужно дополнительно корпуса механиков и агрономов укомплектовать. У нас по имени казачат сколько бегают, с ними дядька занимается. Посмотрев на дядьку спросил: — Помнишь, ты мне говорил что старшина казацкая может к нам обратиться за обучением казачат? Вот и организуйте кадетский корпус. И под него дисциплину всего академического городка организуйте. А то у нас тут скоро столпотворение дворянское будет. И каждый начнет мериться писюнами своих предков, вот дисциплина их на место и поставит, — мне незамедлительно прилетел подзатыльник от матушки, а вахмистр с дядькой рассмеялись. — Что разве не так? А по нужным учителям и образованию корпусов, так скажу. В Калуге и окрестностях отставников много, и они не знают, чем заняться. Вот их в наставники и надо приглашать. По женской половине не скажу, не знаю, но уж мамка с матушкой точно найдут кого в наставницы пригласить. По сельскохозяйственному корпусу, в Москве, в Петровской сельскохозяйственной академии преподает профессор Стебут Иван Александрович. К нему достаточно обратиться за помощью, он все как надо организовать сможет, никогда еще он в таком деле не отказывал. Да и интересное это дело для него, тут ведь целое имение с академическим городком в придачу, ему на откуп для передового сельского хозяйствования отдано будет. И нам с матушкой хоть какое-то облегчение по имени тоже иметь не помешало бы. Непосредственный преподаватель туда подойдет Мичурин Владимир Иванович, да и по общему образованию помочь сможет. Не забывайте, какое я благословение на имение наложил, думаю еще раз его повторить получится. Во всяком случае стоит попробовать повторить. Он сейчас под Тамбовом проживает. По механикам, здесь в Калуге преподает Циолковский Константин Эдуардович. Здоровье я ему поправлю, пусть не переживает. Он заодно и математику преподавать очень даже хорошо может, и химию знает. Далее, у меня работа стоит. Мне тоже нужно дело делать, а без наставника никак. А в Москве, на Всероссийской Художественно Промышленной выставке сейчас находится Болдырев Иван Васильевич, он и мне поможет, и по механикам как раз будет. Уж с привилегиями мы ему посодействуем. Надо будет, сам Менделееву напишу, за подтверждением его открытия. По кадетскому корпусу на первое время и дядьки с вахмистром Елисеевым хватит, а далее пришлют грамотных начальников. Мне бы только с Поповым, Мичуриным, Циолковским и Болдыревым побеседовать, а я уж их уговорю.

— Петр, как можно изменять школу самим Императором назначенную, и находящуюся под патронажем Императрицы Марии Федоровны? — возмутилась матушка.

— А школу никто и не собирается трогать, — ответил я ей, — Мы беремся академический городок обустроить. И там уже будет несколько школ, объединенных общим руководством. Ну и названия соответственно у них свои будут. Да тут под такое дело даже боцманскую и кондукторскую школу устроить возможно. Река Ока вот она, под боком. А моряки не только в море нужны, но и на реках. И поверьте мне, на реках их очень много надо. Вон Менделеев Дмитрий Иванович со Степаном Осиповичем Макаровым совместные работы ведет. А мы в переписке находиться должны. Так кто нам мешает его совета попросить? Так что как была школа под патронажем Императрицы Марии Федоровны, так и останется, но вот качество образования за счет дисциплины, идущей от воинских школ, будет на высоком уровне.

— И откуда вы Петр Алексеевич столько всего о людях знаете? — удивленно покачал головой отец Александр.

— Да в бюллетене, — сказал я, беззаботно махнув рукой, — вычитал наверное.

— Петенька, — укоризненно заговорила матушка, — у нас отродясь бюллетеней не было.

— Правда? — удивился я, и уже святым отцам, — Эх, святые отцы, у меня работа стоит. Информации нет, знаний не хватает. А все оказывается из-за отсутствия бюллетеней. Нужно срочно их запросить. Особенно важны для меня сейчас целлулоид и сухой способ создания фотоэмульсии. Целлулоид нужно срочно заказать, размеры я дам, да и готовые компоненты для фотоэмульсии тоже заказать надо. И главное выяснить по разрешению на использование всего этого добра, чтобы потом по судам не затаскали. И вообще мне наставник и учитель по юриспруденции нужен. А то княжество завоевывать собираюсь, а как им управлять понятия не имею. Одна надежда матушка знает что с будущим княжеством делать нужно.

— Петр, ты вводишь разговор в сторону, — строго сказала матушка.

— Как это в сторону? — неподдельно удивился я, — Матушка, Вы только подумайте, сколько интересного можно прочитать в бюллетене, а у нас их нет. Как я что-то интересное создавать буду? Это ведь ужас какой-то! Столько всего нового в мире, а мы и не знаем ничего.

— Петр, ответь, — покачав головой сказала матушка, — Откуда ты знаешь об этих людях, и так подробно.

Вот ведь Шерлок Холмсы доморощенные. Ну откуда двенадцати летний мальчишка, сидящий взаперти в имении может знать такие вещи? Вот и приходится обходными путями и тонкими намеками, прямо в лоб, это чтобы не догадались, задавать наводящие вопросы о так нужных мне вещах.

— Да по-разному получалось, — ответил, почесав в затылке, — Тут слухи услышал, там заметку в газете прочитал. Вот и собралась информация. Эти-то люди здесь, по соседству с нами живут.

Матушка только покачала головой, мол, что с тебя убогого добиться можно?

— Петр Алексеевич вы нам конкретно скажите, что вам надо? — попросил отец Александр, — А мы по возможности быстро вам все доставим.

— У меня уже все записано, — ответил ему, — Сейчас, после ужина список дам.

Ну а далее пошли работы по прежнему распорядку имения. У меня эксперименты со сплавами, работы в химической лаборатории, выплавка алюминия и изготовление комплектующих к будущим изделиям. Работы было много, но в основном на будущее. Так как собирать готовые изделия я не собирался, пока не придут нужные мне наставники. Ну

или в переписке не буду с ними состоять. Так же делал наработки для создания бакелита, он же карболит, и их продолжения текстолита, и эпоксидных смол. Эти материалы очень хороши для втулок и подшипников, да и шестерни в некоторых случаях можно изготавливать. Эра электроники еще не наступила, потому и будет использование в механике. В общем нужный материал, и главное в некоторых случаях экономит металл. Вот только создавать его пока не хочу. Наверное, совместно, или сам Менделеев их изготовит. Так сильно в изобретателях мне светиться тоже нельзя. Значит будут те кто их изобретет. А вообще сейчас идет бурное развитие паровых машин, которые более ста лет будут использоваться в мире. Да и потом паровые турбины будут бесспорными лидерами в области энергетики и крупных кораблей, хотя и на реках такие теплоходы ходить будут. И никто не замечает что попутно начались робкие шаги в развитии электроэнергии. И через каких то шестьдесят лет радиосвязь и бытовые электроприборы станут повседневными в каждом доме. И здесь заметен явный перекосяк. Развивая вроде бы второстепенные и незаметные направления, вполне возможно дать дополнительный толчок в развитии химической промышленности и цветной металлургии. О проникающей способности электроэнергии и ее поражающем факторе все знают. Но все равно создают электроприборы мало задумываясь об изоляции и электробезопасности. А ведь электросвязь и управление с помощью нее первым делом будут использоваться на кораблях. Так что у меня есть своя ниша. Ведя разработки в области проводников и изоляции, я вроде и выделяться не буду сильно, но и разработки в области применения электроприборов ускорю. В общем в этом мире мы ускорим развитие направлений химии в области пластмасс на тридцать лет раньше. И естественно про медицину не забудем, лекарства и медицинские инструменты так же необходимы. И еще, имея под рукой такой мощный административный ресурс как государство занимающее территорию в одну треть планеты, можно подумать как уменьшить потери от загрязнения окружающей среды, в будущем, уже на первом этапе развития промышленности. Решения хоть и не очевидные и безумно дорогие, на первое время есть. А значит их надо использовать пока никто не понимает к чему это приведет в будущем. Иначе переломить лобби в виде денежных мешков и промышленников будет невозможно. Лет через десять, пятнадцать попробую изменить логические связи в области перевозок. На весь мир, конечно, наплевать, я его все равно не подчиню. Но хоть своя страна будет развиваться без тех куч отбросов производств, и загаженных воды и воздуха.

Примечательно, что со всеми этими работами совсем забывал о своем распорядке дня. Ну, в принципе мне его соблюдать то и не сильно надо, но износ все-таки есть и он сильно действует на меня, раздражительным становлюсь. Но кто об этом узнает и догадается? Но вот ведь, дядька с мамкой, под руководством матушки взяли за меня по полной, и контроль распорядка дня под одобрительное кивание святых отцов оказался жесткий для меня. Дядька следил за соблюдением распорядка дня из-за усиленных тренировок по утрам, а мамка из-за организации учебного медицинского заведения. У нее инстинкт наседки сильно развит что ли? Не на минуту, без внимания меня не оставляла. А тут работы действительно немерено, даже в ночь следить за работами надо. Ох, и пришлось мне выкручиваться, даже дальний контроль более или менее освоил. Так же для обеспечения себя хоть каким то количеством алюминия, пришлось строить очень малую плавильную печь. Там речь по выплавке шла даже не о килограммах, а всего лишь о сотнях грамм. Но обеспечив высокую производительность печи, с минимальными потерями. Алюминия для сплавов и разовых изделий вполне было достаточно, пусть даже за счет его накопления.

И все таки я не сдержался. Видно напряжение связанное с удаленным контролем и попытки сделать все и сразу, стали причиной срыва. Тут еще и мысли, как сохранить экологию на хотя бы приемлемом уровне в будущем. Причиной надрыва экологии планеты является не только промышленность и неумеренная добыча полезных ископаемых. Первопричиной является сама деятельность человека. И тому пример Аральское и Каспийское моря. От Аральского вообще уже три озера осталось. И это всего лишь из-за того, что поступление воды резко сократилось из-за деятельности человека. И таких примеров миллионы. Потому и думал постоянно о том, как минимизировать наносимый ущерб окружающей среде в результате развития цивилизации. В принципе решения есть, хоть и неправильные. Ну например использовать термальные источники островов на севере, для получения электроэнергии, и получения того же алюминия на этих же островах. Загрязнение хоть и будет, но оно будет размыто ветрами над пространствами ледовитого океана. Ущерб от этого тоже будет, но не такой, как в моем мире. А для этого придется менять логистику перевозок. Та же транссибирская железная дорога и проект Макарова с Менделеевым по ледокольному флоту дадут возможность изменить логистику страны. Да и дорого это будет, особенно на начальном этапе. Нет у меня рецепта как дать возможность развиваться цивилизации, и при этом мир не изуродовать. А до соратников которые помогут и подскажут, ой как далеко. И пользоваться полями еще рано учить людей, только вред нанесу. Да и не удастся я думаю, быстро всех уничтожат. Ну и сами поля не панацея. Загрязнение все равно будет, хоть и не такое катастрофическое. Да и с самими полями не все так гладко. Необразованный человек не то что пользоваться, его и обучить пользованию ими не представляется возможным. Это не магия, где по щелчку пальцев получишь результат. Что получишь и как получишь это уже не важно, главное результат получить. Манипуляции полями в основном нужны всего лишь для создания изделий из имеющихся материалов или сбора самих материалов из окружающей среды. Возможно еще использование их как кратковременную защиту, и в исключительных случаях, если сильно поизголяться как нападение. Это по существу одна из разновидностей псионики, как я ее понимаю. Потому-то с полями прямая зависимость и прослеживается. Чем шире кругозор пользователя, тем больше возможностей полей ты сможешь использовать. Идеал вообще представляет собой энциклопедические знания плюс неумная фантазия. Это тот идеал, с помощью которого можно не только пользоваться полями, но и создавать что-то новое. Про усидчивость и контроль я уже не говорю. Это основа тонких и точных манипуляций полями. Здесь возможно и можно, наверное, научить безграмотного человека только матрицы использовать, но это то как раз и вызовет отрицательную реакцию окружения. А матрицы создавать могут только образованные и не обделенные фантазией люди. Обезьяну с гранатой по соседству никто не потерпит. Вот это все видимо и стало причиной моего эмоционального взрыва.

Я накричал на отца Александра! Высказал все что думаю, о церкви. Что они не занимаются своими обязанностями, хоть и получили предупреждение о катастрофе их ожидающей. И даже время им сообщили, а они только и могут что меня в имении, взаперти держать. Что наука и промышленность быстрыми темпами развиваться начнет, а об экологии никто не думает. И через сто лет будем по помоям ходить, отравленным воздухом

дышать и чистую воду покупать. И это в самой полноводной стране. Все сейчас только и стараются, что мощну и брюхо себе набить. Что у нас перенаселение в центральных районах, а, что на востоке места пока еще свободные есть, никто даже думать не желает. У нас только Сибирь даже за триста лет освоить не получится, столько людей туда надо. Что физические науки стремительно развиваются, а естественные, общественные и гуманитарные заброшены, и вообще философия и вера через сорок лет деформируются в ругательство. А через этот же срок начнется повальное шествие вандализма, и через сто лет уже никого не удивишь разбитым, разрисованным и обгаженным памятникам культуры, и памяти умершим и героям. И у церкви, которая и обязана этим заниматься нет времени на такие глупости! За что она и поплатится в ближайшее время. И в конце развернувшись сяданул зарядом в крупный камень лежащий во дворе, тем самым расплавив его. Эта вспышка немного меня успокоила, и матушка, бросившаяся ко мне, стала успокаивать и расспрашивать что со мной произошло. Я же ответил, что надоело в имении сидеть, хочу съездить на станцию Ферзиково. Надо все-таки решить проблему быстрых перемещений из Имения в Калугу. А для этого нужно, чтобы до Калуги из Ферзиково была проложена двух путная колея. Вот и хочу посмотреть, что можно сделать, заодно и развеяться.

— Матушка надо бы в Калуге заказать подробные карты земель по ту сторону реки Оки, от нашего имения и до самой станции. И от храма Михаила Архангела до нашего имения и станции, — попросив ее, ушел в химическую лабораторию. Эта вспышка навела меня на одну идею. Точнее на несколько идей, которые необходимо обдумать. И если найду решение нужно будет как-то потренироваться, не сильно возбуждая окружающих, в области их применения. Думаю, частичное решение экологических проблем я нашел. Но это позже, пока обдумать надо, да и к поездке готовиться.

На станцию Ферзиково меня сопровождать собрались дядька, вахмистр Елисеев с одним казаком и отец Александр с писарчуком. Что примечательно, еще один из казаков в тот же миг куда-то сорвался. Наверняка на почту, отстучать сообщение на станцию о нашем прибытии. И что барчук сильно не в духе.

Если утро начинается через одно место, то и весь день будет кувырком. В этом я убедился по прибытию на станцию. Еще не доезжая до станционной площади, стало заметно скопление людей на ней, и какой-то мужик вдохновенно вещал перед толпой. Чтобы не привлекать внимания, мы решили пройти пешком. И выйдя из колясок, направились к скоплению людей. Подойдя ближе, стало хорошо видно и слышно оратора. Одет он был в монашескую рясу. Хоть и поношенную, но ухоженную. А вот речи вел откровенно вредительские. Это явно был откровенный сектант, или сумасшедший. Призывавший народ покаяться, и вернуться к истинному богу. А так же проклинаящий технику, и с какого-то бока привязав меня ко всему этому. Правда, непонятно кем я тут выступать должен буду, ангелом или антихристом. Отец Александр и дядька попытались немедленно вмешаться, а казак следовавший с вахмистром куда-то рванул в ускоренном темпе. Дядьку и отца Александра я остановил, и подошел поближе, чтобы понять, о чем конкретно вещает этот безумец, от которого воняло болью и страхом. Не физически, а морально. После попытки снять матрицу поверхностных мыслей, я впал в ярость. Площадь была мгновенно взята под контроль духовной силой и окружающее пространство заполнено электричеством. Хорошо еще очки снял заранее, иначе они бы или расплавились, или раскололись. Правда вся сила еще под контролем была, заметить неладное могли только внимательные люди. Дядька и отец Александр сразу побледнели. Этот сектант, в действительности оказался расстригой.

Имея садистские наклонности и непомерную жажду власти, он был расстрижен и изгнан из монастыря. Что только за ним не числилось на момент изгнания. И прелюбодеяние, и воровство. Но каким то образом, он смог отвертеться от каторги, и был только изгнан. Ну а дальше его уже ничто не сдерживало, вся его гниль всплыла наружу. Он все эти годы ходил в рясе, хотя расстригам это строго запрещено. После изгнания примкнул к секте душителей. Да, да, именно к той секте, в которой Ковалев в одна тысяча восемьсот девяносто шестом году заживо закопает двадцать пять человек, в том числе и своих детей. И просидит в тюремном блоке Спасо-Евфимиева монастыря вплоть до одна тысяча девятьсот пятого года. И сидел бы дальше. Но в результате волнений и по требованию общественности монастырскую тюрьму ликвидировали указом Николая Второго. Сколько этот расстрига невинного народа за эти годы замучил. Он ведь еще и связался со скопцами, и перенял их методы. Попытки, насилие и захоронения заживо. Вот его неполный список. И как всегда вокруг меня образовалась полностью видимая аура.

— Если Бог един, то кого ты называешь истинным Богом? — прогремел над площадью мой голос. Народ почуяв неладное, попытался раствориться за территорией площади. — И куда вы собрались? — спросил я толпу, — Неужели думаете, что если сбежите, то и наказание вас не найдет? Ошибаетесь! Имели смелость слушать эту мерзость, так имейте смелость и наказание принять! — в это время появился наш казак вместе с сотней казаков, которые окружили площадь. Но близко не подъезжали, лошади дальше двигаться отказывались. А я снова обратился к расстриге: — Так кого ты называешь истинным Богом? Во имя кого ты пытал, насилдовал, уродовал и заживо закапывал? И зачем на этой площади народ собрал? Что жажда крови и боли замучила? — вокруг появились огни Святого Эльма, — Да будет так! И воздастся каждому по делам их! — я поднял руку по которой забегали молнии.

— Петр Алексеевич, остановитесь, — выбежал вперед отец Александр и развернувшись ко мне лицом раскинул руки, — Вы ни в чем не повинный народ сейчас накажете.

— Этот народ пастыря себе нашел. И сегодня будет слушать его, а завтра пойдет за ним мерзости творить, — гремел мой голос над площадью. Я конечно и был в ярости, но не до такой же степени, чтобы целые станции с народом сжигать. Да и силенок бы не хватило. Но вот припугнуть, точно не мешает. А то ведь уже доходит до того, что скопцы чуть ли не насильно целые села в свою веру переводят, народ уродуя. А церковь и власти только рапорта пишут. — И вы в этом так же виноваты. Почему расстрига в рясе уже несколько лет открыто ходит? И в этой же рясе народ с пути сбивает, и уродует, и целыми семьями живьем в землю закапывает? А теперь вы же мне и говорите что я народ неповинный судить собрался. А он точно неповинный? Если завтра будет смотреть как его детей уродовать будут.

— Петр, — заговорил дядька, — ты говоришь про завтра. А мы находимся здесь и сейчас. Не будет этого завтра, его вон жандармы сейчас арестуют.

— И что? — спросил его, — Сегодня арестуют, завтра отпустят. Ряса тому многолетний свидетель.

— Петр Алексеевич, — вступился отец Александр, — Дайте возможность суду земному свершиться. Не устраивайте самосуд. Не время еще для людей Суда Божеского.

Тут из толпы вырвалась бабка и бросилась ко мне с криком:

— Барин пощади. У меня внуки малые остались, один кормилец был и тот обезножил. Не слушала я его, случайно здесь оказалась. На станции немного подзаработать хотела на

еду внукам. Пожалей сирот.

Я посмотрел в глаза бабке снимая поверхностную матрицу сознания. Да бабке не позавидуешь. Дети и муж умерли еще несколько лет назад. Остался только сын, который женившись заимел троих детей. Но погиб на реке той зимой в месте с женой, оставив бабке троих внуков. И она не смотря ни на что их умудрилась поднять. Старший уже достаточно подрос, что бы в полную силу помогать бабке в поддержании семьи. Но покалечился у кулака — сквалыги и уже вторую неделю встать не может. А эта тварь жадная, еще и долг на них навесила за эту травму. Я протянул бабке руку, покрытую мелкими разрядами молний:

— Если не боишься, то возьми меня за руку, — бабка, ничуть не сомневаясь, схватилась за нее обеими руками, — Да воздастся каждому по делам их! — провозгласил я и наложил матрицу укрепления и восстановления здоровья. Бабку тряхнуло, но она сразу как то выпрямилась. Жизнью налилась. Тут как раз казаки станционного исправника привели. Я повернулся к отцу Александру и попросил его отойти к исправнику. А потом обратился к вахмистру Елисееву указывая на бабку: — Вахмистр, завтра казаков за ней с внуками отправь. Пускай собираются к нам в имение, я мамку предупрежу. Там действительно лечение проводить надо. У нас жить будут, а дело им найдем. И старосту предупреди, так что бы народ всего села слышал. За долгами этой семьи пусть ко мне приходят. Всем по полной торбе отсыплю, лишь бы не надорвались долги получая, и раньше получения не разбежались. А то может и сам к ним загляну долги раздать, — и повернувшись к дядьке добавил, — Дядька, смотри, вон там в толпе трое кучкуются. Приведи их к расстриге и поставь с ним вместе.

Эти трое никакого отношения к сектанту не имели. Но были не менее колоритными личностями. Сбежав с каторги, где сидели за грабежи, они организовались в банду и, нигде подолгу не останавливаясь, гастролировали по стране, занимаясь старым ремеслом — грабежами и убийствами. Видимо потому что были постоянно в разъездах, их до сих пор и не поймали. А здесь они оказались случайно, и что бы не попасться пытались затеряться в толпе. Я повернулся к отцу Александру и станционному исправнику сказал:

— Три дня, у вас будет. Ровно три дня их язык будет все рассказывать без умолку и без утайки. Запишите все до последней буквы, до последней запятой. Посмотрим насколько суров закон земной к таким выродам рода человеческого.

И, вытянув руки к каторжникам и расстриге, саданул их молнией. Злодеев аж скрючило. Я подошел к корчившимся на земле татам:

— Значит земного суда захотели? — каторжники истово закивали головами, — Что же будет вам суд. По делам вашим, да воздастся вам. Ни минуты, ни днем, ни ночью покоя вам не будет. Все злодеяния к вам вернутся. Все замученные и убитые вами, к вам придут. И спросят с вас!

Народ на площади ахнул, и креститься начал. Да уж, человеческая фантазия приправленная про стимулированную памятью может дать удивительные плоды. Не думаю что эти выродки долго протянут. Для разговорчивости, памяти и фантазии есть очень хорошие матричные шаблоны. Я же повернувшись к толпе сказал:

— Бабку благодарите! Бабка Марфа заступница вас уберегла. Она вас из пропасти вытащила, себя не жалея.

И развернувшись к исправнику, спросил, где находится станционный смотритель. Казаки кинулись за ним, и вскоре его привели.

— Мне нужно, что бы вы в ближайшее время обследовали железнодорожную линию от

станции и до Калуги. С целью прокладки линии для двухпутного движения поездов, — попросил его, — В Калугу о моей просьбе можете доложить, но копию проекта все равно нам в имение предоставьте.

Не знал я что своими действиями создал будущую святую, Марфу Заступницу, или как ее еще называли Бабушка. Да и внуки ее мировую известность в будущем получают. Один станет священником и ученым в области естественных, общественных и гуманитарных наук. Средний по воинским и общественным наукам пойдет, прославленным военачальником станет и будет преподавать в академии генштаба. А младшенькая обучившись у мамки и нашего доктора, заодно окончив Школу младшего медицинского персонала Великомученицы Варвары Илиопольской пойдет учиться дальше. И станет известным специалистом в области вирусологии и проблем крови. Бабку Марфу мне в имение не отдадут. Святые отцы на дыбы встанут, и после лечения и восстановления внуков заберут ее в храм Михаила Архангела. Внуки и внучка будут в нашем академическом городке учиться, правда часто к бабке сбегая. За что и будут получать от нее. Там она и начнет свою благочестивую карьеру. Поселение у станции Ферзиково первым объявит ее святой, уже через несколько дней после происшествия. И казаки судя по разговорам неофициально объявили ее своей заступницей, и стали всячески помогать, да и среднего внука бабки они же на военную стезю подбили. Кадетский корпус в академическом городке он закончит. Да о чем говорить, если рядом с ней постоянно два, три казака крутились. Как на дежурство к ней прибывали. Объявив, что раз она смогла защитить народ от исполнения Божьего Суда, то она святая. Ибо только святые на такое способны. Ну и соответственно стали ходить к ней за советом и помощью. И откуда только у бабки силы и умения взялись? Но она действительно помогала и заступничество оказывала. Ей даже церковные иерархи не перечили. Вот только вопрос почему? Не то она действительно силу от меня получила, или сама ее пробудила, не то казаки своим присутствием всех в разум приводят. Ну еще из плохого только то произошло, что на деревеньку, где бабка с внуками жила вся округа ополчилась. Разбежались жители ее, так как жить там невозможно стало. С ними даже купцы отказывались торговать.

После разговора со станционным смотрителем пошел к нашей коляске. А казаки разогнали толпу. Не плетками, а вежливо, но поторапливая. Интересен был разговор между бабкой и казаками. Я даже притормозил что бы весь разговор прослушать.

— Бабушка, ты не спеши. Вон на телегу присядь, — начал молодой казак, — Сейчас со всем здесь разберемся и тебе до дома поможем добраться.

— Внушек, да как же я спешить не буду! — воскликнула бабка, — У меня трое в доме со вчерашнего дня не кормленные сидят. Я вот денежек немного получила, сейчас хлебушка и пшена немного для них куплю и домой побегу кормить их. Слава Богу, барин Петр Алексеевич сил придал, я теперь быстро управлюсь. Старшенький-то совсем не поправляется от голода, а без него кормильца сгинем мы.

— Ты бабушка не спорь, посиди. А насчет прокорма не переживай, — ответил ей парень, — мы сами все как надо сладить для вас сможем, ну и тебя до дома доставим.

— Николка, ты чего это удумал? — спросил находящийся рядом пожилой казак.

— Ничего не удумал, — запальчиво ответил молодой, — Ты, дядька Панкрат, не присутствовал при обещании Петра Алексеевича с бунтарями по своему разобраться, а я присутствовал. Он тогда еще при нас ветку в пыль стер. А здесь на площади как раз и намечался бунт. И мы между прочим недалеко от бунтарей были. Считаю Бабушка и нас

спасла, от Суда Господня. И ведь не побоялась ему в ноги кинуться и остановиться. И силу его принять не побоялась. А Петр Алексеевич мог ведь и спалить ее в гневе, но не сделал того. Мы хоть и воины, и наши священники нам грехи наши отпускают, но с силой небесной не поспоришь. Она не наши священники, может и виновными признать. Только ради этого ей в ноги надо поклониться. Ты же знаешь я один в семье остался. Нет, что ни говори, но она заступница наша. И мы должны ей помощь оказать.

— Да, крутоват Петр Алексеевич оказался, — отозвался пожилой казак, покачав головой, — Говорят прадед его такой же несдержанный был, и скор на расправу. Тут я с тобой Николка не спорю. Ты вот что, бабка, садись на телегу и жди, и не спорь! — он остановил всяческие возражения со стороны бабушки Марфы, — Продуктами мы тебя с семьей обеспечим и до селения доставим. Заодно односельчанам твоим разъяснения дадим, — и похлопал ногой по левой ладони, — И вообще чего ты будешь ждать, когда за тобой господа офицеры приедут? Наши у вас ночь отдежурят, а по утру и поедете в имение к Петру Алексеевичу. Ты теперь наша заступница, а мы всю нужную тебе помощь окажем.

— Ох, сынки, — запричитала бабка, — зачем народ-то вы пугать плетками собрались? Его на площади не было, неповинен он перед Петром Алексеевичем.

— Неповинен говоришь! — воскликнул старый казак, — А ты знаешь, что Петр Алексеевич обещал всю крамолу выжечь, если она перед ним появится? Он же сейчас в ярости был. Еле свои родные его от самосуда отговорили. И он сам сказал, что ваше селение навестит долги раздать. И ведь может нагрязнеть! Тогда точно греха не оберешься. Нет уж, лучше мы сами разъяснительную работу проведем. Так хоть все живы будут, только почешутся малость.

Дальше я уже не слушал, ушел. Вот ведь, нашли казаки себе заступницу. На бабку даже не прикрикнешь теперь, сразу возбудятся. Нам в Калужской губернии только бунта станичников не хватало.

Каторжан и расстригу увели в сопровождении исправника. Мои чуть поотстав пошли со мной. Отец Александр оставив писаря с исправником для ведения протоколов и скорее всего снятия копий с них, устремился за нами. Я же, сев в коляску, задумался. А подумать было над чем. Контроль эмоций у меня практически полностью отсутствует. Я на эмоциях мгновенно всю площадь контролем накрыл. Каким чудом не спалил большую часть народа, даже не знаю. Нет спалив тех выроdkов я бы даже не переживал. И совесть с моралью ко мне ночью не приходили бы, и не терзали, и не мучили. Но вот не смог бы я этого сделать с ними, находишь они в толпе. А значит часть невинного народа могла пострадать. Тут нужно умение с точными манипуляциями, а его только тренировками наработать можно. Вот это-то и плохо. Нужно опять выискывать еще где-то время, на тренировки над контролем эмоций и умений. А оно ведь не резиновое, его ровно столько, сколько есть. В общем хорошего мало, но делать что-то надо.

И с сектантами так же все неоднозначно. Здесь заметны непонятные заигрывания с ними царской семьи начиная с Екатерины, а так же идеологическая экспансия других государств, в частности активная работа Англии. С царской семьей вообще все непонятно. Царская семья и вся высшая аристократия имеют очень серьезное образование. И во всяком случае, что такое селекция и дурная кровь в плане генетики хорошо представляют. И тут же мы видим примеры идущие вразрез их знаниям, в плане близкородственных связей. Или женитьбы на заранее известных генетически искаженных партнерах. Такое ощущение, что сама царская семья задалась целью самоуничтожиться в своих потомках. Такое возможно

только при дурном воспитании. Но правители не могут иметь дурного воспитания по определению. Не могут. И церковь тоже хороша. У нее все то же самое в библии прописано, более того церковные служители имеют такое же серьезное образование. Но вот почему-то нет от церкви протестов и возмущений. Они даже венчание проводят. Значит такое воспитание обеспечивается законами, где даже церковь протестовать не может. И первым приходит на ум закон о престолонаследии. Вот та ловушка и смертный приговор для правящей фамилии государства. И это происходит судя по всему не только в Российской Империи. Видно здесь политика играет большую роль, чем благополучие правящей семьи. А мы в своем времени об этом даже не догадывались, или не задумывались. Зато, как красиво решали вопросы брака царских семей на страницах книг! Я, будь у меня возможность связаться со своим миром, знатно бы посмеялся над такими горе спасителями земли Русской. Ничего завоюю свое княжество и повторять ошибки других не буду. Я лучше свои ошибки устрою для себя и своих близких. У нас сейчас наука и техника, в частности медицина, быстрыми темпами развиваться будут. А значит продолжительность жизни резко возрастет. Потому и браки законодательно возможно будет отодвинуть на более поздний срок. Так что есть с чем работать, и есть, где ошибки совершать.

Но вернемся к сектантам и раскольникам. В государстве, где общество завязано на церковь, раскол в церкви равен расколу в обществе. А это уже прямая угроза государству. Императорская семья не может этого не понимать. Это все таки угроза их существованию. Да и я уже зная историю из своего будущего, могу сказать, что революционное движение имеет корни как раз из среды раскольников и сектантов. Да и ортодоксальная церковь в стороне не осталась. Чернышевский, Добролюбов, Сталин, Микоян... Это только самые известные революционеры-семинаристы, а сколько их было никому не ведомых, тем не менее раздувающих пожар революции. Там были заложены принципы развала государства. И еще эти заигрывания с сектантами! Это же чудовищное противоречие, которому не могу найти объяснения. Вот пример:

При Екатерине Второй от хлыстов отделилась секта скопцов под руководством Кондратия Селиванова который утверждал, что спасти душу можно лишь борьбой с плотью путем оскотления. Дело доходило до того что посторонних людей скопцы отлавливали и резали, мужчин и женщин. Но Селиванова не трогали, так как к нему приходил сам Александр Первый. Он и запретил входить полиции в дом, где жил Селиванов. И только когда скопцы добрались до племянников генерал-губернатора Санкт-Петербурга Милорадовича, Селиванова арестовали и отправили в монастырь где он и скончался. Второй пример не менее яркий и более близкий нам, это Григорий Распутин проживавший при дворе Николая Второго. Причем известно, что Николай Второй ревностно зачищал сектантские общины. Даже существует мнение, что революция была спровоцирована именно из-за гонений на сектантов которые он устроил. И тут вдруг появляется Григорий Распутин. Точно не известно к какой секте он принадлежал, и принадлежал ли вообще. Но утверждали в то время, что Распутин состоял в секте хлыстов. В то же время на молокан обласканных при Александре Первом, устроили гонения при Николае Первом. И как такое понимать? И такие игры с сектами продолжались вплоть до революции. Хотя с субботниками и после революции игрались, в плоть до одна тысяча девятьсот семидесятого года. Когда Израиль в результате постоянной войны объявил что примет к себе хоть чукчей, лишь бы они считали себя евреями. Вот тогда их туда и переселили, хотя они и сами этого тоже хотели.

Ну и еще одно не менее болезненное явление для России это экспансия религиозных и

политических движений из-за границы. Всю историю рассматривать не буду, мне это не интересно. Но вот англичан рассмотреть, как самое агрессивное государство по отношению к другим, просто необходимо. Так как я собираюсь воспользоваться плодами, которые они вырастят. Тут можно сказать что даже отберу у них эти плоды. И совесть меня ну ни капельки мучить не будет. Англичане сами в войну не ввязываются, только если это будет беспроектный вариант, тогда и вступят, и то на стороне победителя. А так других будут стравливать. В этом они преуспели, как никто другой. А сильная Россия им не нужна. Им нужна Российская колония и ее колониальные товары, так что они будут постоянно импортировать революционные идеи и пытаться ввязать Россию в ненужную ей войну. Даже по истории видно как они обычно действуют на примере с Китаем. Когда развязали войну за рынки сбыта. Опиумную войну! То есть Англия добивалась права на торговлю ядом в Китае. И когда Китай понял в чем дело и пытался запретить это дело, то началась война. И то вела ее не сама Англия, а ее сателлиты такие как Британская Ост-Индская компания в первую, и Тайпинское правительство во вторую опиумную войну.

Ну а сама религиозная экспансия хорошо просматривается на примере лорда Редстока и Фридриха Вильгельма Бедекера. Редсток будучи представителем Евангелического союза объехал всю Европу, и в одна тысяча восемьсот семьдесят четвертого года прибыл в Санкт-Петербург. Где и познакомился с многочисленными представителями российской высшей аристократии. С которыми вел беседы на духовные темы, а также произносил проповеди в частных домах для широкого круга слушателей. В число последователей барона Редстока вошли княгини Н.Ф. Ливен, В.Ф. Гагарина, граф А.П. Бобринский между прочим представитель семьи Романовых, граф М.М. Корф, полковник В.А. Пашков, вдова генерал-адъютанта Е.И. Черткова, Ю.Д. Засецкая и другие. В результате его деятельности появилось движение «Редстокистов». Барон Редсток покинул Россию только в одна тысяча восемьсот семьдесят восьмом году. Что уж говорить о влиянии религиозных течений импортируемых из-за рубежа, если Ф.М. Достоевский вынужден был отметить это явление в своем «Дневнике писателя» и Н.С. Лесков в очерке «Великосветский раскол». Да и по утверждениям исследователей роман «Анна Каренина» Л.Н.Толстого, кружок графини Лидии Ивановны написан с прообраза созданного Редстоком в Санкт-Петербурге.

Вот с такими мыслями я и приехал в имение.

Гатчинский дворец.

Совещание в кабинете Его Императорского Величества.

— И кто мне объяснит из-за чего произошла последняя выходка Петра? И как теперь все это утихомирить? — грозно спросил Александр Третий, — Отец Иоанникий, вы же говорили что Петр к людям относится доброжелательно. А сейчас вон уже посол из Ватикана запрос сделал, как мы воспитываем уникального ребенка? Ему видите ли в особом учебном заведении учиться надо, под постоянным надзором и наставничеством, на свои учебные заведения намекают. И Английский посол возмущается из-за этого случая, что мы Петра в нетерпимости к представителям другой веры воспитываем. Так же намекает что его нужно в особом месте учить и воспитывать. На учебные заведения уже в Англии намекает. Редстокисты возбудились, подходы к Петру или его семье ищут. Скоро дело дойдет до того что его либо выкрасть попытаются, либо нас шантажом заставят отправить учиться за границу. А там, глядишь, в своей вере обучат и оженят. Видно дело принимает такой оборот, что Петр становится уникальным не только своими возможностями, но и как жених. Хорошо хоть мусульманский мир пока молчит, а они из-за этого случая могут его и шайтаном каким-

нибудь обозначить. Хотя те же турки могут и тихо все сделать, без поднятия шума. Просто выкрадут его.

— Позвольте мне, Ваше Величество, — начал князь Долгоруков, — Петр долгое время в изоляции находится. Княжичу все таки двенадцать лет. Ему простор нужен. И по докладам он постоянно что-то делает, но судя по всему до конца не доводит. Там у него уже целые залежи разных конструкций лежат. Как какие-то конструкторы, которые кто-то собрать должен. И еще Петр в постоянных делах, ни минуты покоя. Думаю устал он очень сильно, вымотался. Не зря его родные под жесткий контроль взяли, с распорядком дня. Но видно не уследили, вот взрыв и произошел, — и, помолчав, продолжил, — А тут с этими предложениями придется потерпеть до середины августа. Окрестим и спрячем его.

— Уже не выйдет спрятать, — заметил Сергей Александрович, — Ватикан и Англия будут требовать своего присутствия при обучении Петра, а там и мусульмане подтянутся, соблазнами разными его смущать будут. Петр все таки в возраст входит.

— Это какими соблазнами? — непонимающе спросила Александра Георгиевна.

— Многожёнство у них, Ваше Высочество, — ответил отец Иоанникий и, покачав головой, обеспокоенно добавил, — Видимо мне на несколько дней в срочном порядке придется к Петру Алексеевичу съездить для беседы. Глядишь и найдем решение. Петр Алексеевич если в Петра Великого пошел, то авантюристом станет, и это в его нетерпимости к инакомыслию просматривается. Ведь знает он что-то! Но молчит, тишком готовится. Надобно ему все заранее объяснить, думаю он подскажет решение. И да, Ваше Величество, — продолжил отец Иоанникий, — По происшествию в имении, когда он на отца Алексея накричал все так и есть, как князь Долгоруков Владимир Андреевич докладывал. А вот по станции Ферзиково не все так однозначно. Тут даже он выдержку проявил, позволив преступникам перед судом предстать. А ведь обещал бунтовщиков сжечь, коль они перед ним к бунту призывать будут.

— Так это что же расстрига с каторжниками в одной шайке были? — удивленно спросил Александр.

— Нет, Ваше Величество — покачал головой митрополит — это разные дела. Каторжники случайно на глаза Петру попались. Можно сказать это Божье провидение. А вот с бывшим священнослужителем, — Иоанникий скривился и перекрестился, — Все очень плохо оказалось. Расстрига судя по его собственным показаниям уже тогда мог оказаться в тюремном блоке Спасо-Евфимиева монастыря, но каким то образом смог избежать наказания, и оказался расстриженным и изгнанным из монастыря. А дальше все стало намного хуже. Он примкнул к секте душителей. Мало того связался со скопцами. В общем никто рядом с ним долго не проживал, всех похоронил заживо. Видно на площади он опять себе паству набрать пытался, или прижиться в каком селении хотел. Тогда там можно было много смертей ожидать. Это действительно чудовище в человеческом обличье. Но все-таки наказал Петр Алексеевич их по своему, без сжигания страшно наказал.

— Что действительно его слова сбылись? — спросила Мария Федоровна.

— Нет, Ваше Величество, — ответил отец Иоанникий, — еще три дня не прошли. А в течение трех дней их язык будет все рассказывать без умолку и без утайки. Так он сказал, так и происходит. И если уж здесь слова Петра Алексеевича сбылись, то что уж говорить об их будущем. Страшное оно у них будет. По делам их, да воздастся им, — и перекрестился.

— Ваше Высокопреосвященство, объясните нам что там в действительности произошло с бабкой? — обратилась к митрополиту, Мария Федоровна — Почему судя по докладам

такой ажиотаж в селах из-за нее начался? И что вы собираетесь со всем этим делать?

— Тут народ ее заступницей стал величать, — ответил священник, — Казаки вообще за ней присмотр и помощь учинили. А делать ничего и не надо, все само образуется. Внуков в Академический городок пристроим. За среднего вон казаки уже плотно взялись, на службу его подбивают. Внучка младшенькая к мамке Петра Алексеевича прикипела, в сестры милосердия пойдет. А бабушку Марфу я распорядился в храм Михаила Архангела направить, пусть там заступничеством занимается.

— Не бойтесь, что Петр не отдаст бабушку? — спросила Ольга Константиновна.

— Ваше Величество! — ответил возмущенный митрополит, — Если во всем у Петра Алексеевича на поводу идти, он ведь и на шею сядет! Хотя здесь ему отпор дать надо!

— Ну и что вы посоветуете со всем этим делать? — спросил Император, — Вы ведь сами говорили, что Петр не имеет никакого отношения к воинству небесному. А он тут такие дела устраивает.

— Человеческая плоть слаба, Ваше Величество, — ответил святой отец, — Зато дух силен. Тут нечего опасаться, за Ватиканом и Англией он не пойдет. Думаю ему отдых нужен, да народу побольше вокруг него организовать. Если уже сейчас опубликовать бюллетени об его открытиях, то пойдут поздравления в их имение. Радость будет, и отвлечение Петра Алексеевича от забот. Так же возможно ускорить прибытие людей ожидаемых им. Думаю те конструкторы для них созданы. Помощники появятся, и ему меньше напрягаться придется.

— Да и с академическим городком Петр интересно придумал, — сказал князь Долгоруков, — Стоящее и полезное дело задумано.

— Дело-то полезное и Империи нашей нужное, — проговорил Император, — Вот только объясните мне. Какое отношение морская школа боцманов и кондукторов имеет к полностью сухопутной Калуге, даже если река Ока под боком?

— Позвольте мне как моряку ответить, Ваше Величество, — заговорил Костович, — Моряки нужны не только в море, но и на реках. И нужно их при таком количестве и протяженности речных путей очень много. А в пограничных районах и речные боевые флотилии нужны. Да и переучивать речников на морской флот намного легче. Так что, думаю, такая школа там очень даже востребована станет. Особенно если учитывать развитие паростроения.

— Дмитрий Иванович, — обратился Император к Менделееву, — Вы ведь с Макаровым совместные разработки сейчас ведете? Вот и переговорите с ним. Пусть с вами в Калугу съездит по этому вопросу. Мы свое разрешение даем. Ну а в остальном, думаю, так и решим. Бюллетени начнем немедленно публиковать. И надо дать распоряжение о приглашении в имение запрошенных Петром людей. А с профессором Стебут Иваном Александровичем поступим следующим образом. Он прибудет для организации Академического городка вместе с вами Дмитрий Иванович. Пока же надо туда в срочном порядке направить архитектора для планирования и строительства столь грандиозного учебного заведения. Там он вас и встретит для уточнения деталей.

— Ваше Величество, может нам при Академическом городке и духовную семинарию организовать? — спросил митрополит, — Все условия для этого там уж есть. А мне официальная причина для беседы с Петром Алексеевичем будет.

— Кто-то туда должен поехать от нас уже сейчас. Во главе представительской комиссии по обустройству Академического городка, — задумчиво заговорил Сергей

Александрович, — И присутствовать там постоянно. Кого направим? Владимира или Алексея? И кого назначим во главе Академического городка? Да, и какая структура руководства будет в Академическом городке?

— Владимир слишком властный. Не уживутся они с Петром, — задумался Император, — Алексей если еще в неведении, то пусть так пока и будет. Сообщим ему когда Павел в Москву уедет на крещение Петра. Сергей только ты остаешься, тебе и ехать. По поводу руководства, думаю, будут ректоры корпусов. На сельскохозяйственный корпус назначим ректором Стебут Ивана Александровича. По механическому корпусу Василия Ивановича Афанасьева. По медицинскому корпусу ректора подберут Сергей Петрович Боткин и Мария Федоровна. Вы только до середины августа подберите, что бы он на открытии был. По руководителю семинарии, это вопрос к вам Ваше Высокопреосвященство.

— Ваше Величество, тут думаю отец Константин подойдет, — ответил отец Иоанникий, — Он там настоятелем при храме Михаила Архангела состоит. Заодно и духовной семинарией руководить будет.

— Вот и прекрасно, — продолжил Александр Третий, — По мичманскому корпусу дадим поручение Степану Осиповичу Макарову ректора до середины августа рекомендовать. Не найдет, сам им станет. Кстати корпус будет называться мичманским, при аргументированном утверждении его Степаном Осиповичем. Ну и остался кадетский корпус, там у нас будет ректором и начальником Академического городка Александр Георгиевич Рейнеке. Петр ведь этого хотел? Что бы порядок был? Вот он и будет обеспечиваться ректорами корпусов во главе ректора кадетского корпуса. На днях будет опубликован Указ о создании Академического городка в Калужской губернии, и список ректоров которые обязаны будут присутствовать на открытии. А так же будет опубликован список представительской комиссии во главе с Сергеем Александровичем Романовым которая и выедет в Москву для проведения всех организационных мероприятий по Указу.

— Я думаю с собой возьму Элю и Георгия. Пусть мальчишки познакомятся, братья все-таки, — заговорил Сергей Александрович, — Тем более, Петр после разговора с отцом Иоанникием не будет удивлен столь кардинальным переменам. Вот только вряд ли Петр сможет учиться там, если его прятать нужно будет.

— На все воля Господа, — проговорил митрополит перекрестившись, — Я думаю Петр Алексеевич предложит свое решение. Точнее оно у него уже есть, но он, как всегда, найдет его когда ему опишут проблему. По существу это решение он уже дал, осталось уточнить детали.

У нас в имении начали происходить перемены!

Началось все с того, что сняли самоизоляцию с имения. Понимаю что звучит по-дурацки, но это именно так. В столице опубликовали каким то образом мои песни. Я понять не могу, как они могли быть приняты обществом того времени. В этих песнях, все не так! Скорее всего их воспринимают как иностранщину. Да можно сделать скидку на то что написал их пусть и номинальный, но все таки князь. И реакции от дома Романовых так и не последовало. Да и тексты вышли из канцелярии ЕИВ. Можно так же покивать на то, что ребенок как это принято сейчас говорить Благословенный. Но это же ребенок! Он ведь любую ахинею нести может, а общество достаточно грамотное, что бы это понимать. Да в обеих столицах прошла весть, что через святых отцов между Петром Алексеевичем и Марией Федоровной начинается дискуссия по правописанию и произношению русской речи. Это то как раз понятно для меня. Русский язык для нее не родной. И она как сторонний наблюдатель легко может вступить в полемику, даже с ребенком, Императрица как-никак. Но это все вместе не дает права принимать обществом напечатанные песни. Там же построение предложений, произношение и музыкальная аранжировка построены по другому. Да там даже музыка должна быть написана другая! А это значит, что и музыкальные инструменты и оркестры к ним должны быть составлены по другому. Да у меня даже тексты написаны были, как кто-то в газете выразился в новом стиле. Ну невозможно слушать новые песни из будущего, в стиле времени настоящего. В общем поговорив со святыми отцами и получив как я понял разрешение сверху, видимо Мария Федоровна персонально разрешение дала. У меня появилась подработка по урезанию собственного свободного времени. Я завел тетрадь где и записывал новые песни, правила построения малых оркестров, или трупп, ну и естественно ноты для музыкальных инструментов этих трупп. Ну и еще разве что расписал улучшения к аккордеону изобретенному Кириллом Демианом в одна тысяча восемьсот двадцать девятом году в Вене. В самой музыке я естественно ничего не понимаю, но знания по ней имею. Так что понятие имею, что замена электрооргана и электрогитары, аккордеоном и духовым оркестром даст совсем другое звучание. Потому и пользовался критериями нравится, не нравится, и пусть меня гнилыми яблоками некоторые продвинутые «знатоки» от музыки закидают. Но то, что в моем времени музыкой называют точно не буду выпускать в свет. Да и песни, и музыку старался записывать нейтральную, с минимальными переделками в словах, под реалии современного мира. Не обошлось правда без рубрики как я назвал ее в своей тетраде «хулиганской». Тут и матушка еще меня под контроль взяла, по вечерам отбирала тетрадь. Внимательно ее прочитывала и переписывала некоторые песни. Я как то мельком подглядел что она переписывала, ну что тут сказать, там были только песни которые нравились ей и мамке. И уже потом передавала святым отцам, для копирования. Дальше уже копии отправлялись в канцелярию ЕИВ. И от туда, иногда даже с развернутыми, открытыми письмами императорской семьи, попадали в периодическую печать. Кто-то то в окружении Императорской семьи слишком грамотный оказался. Для какой-то цели моим пиаром занялись. Я правда нашел для себя объяснение, не знаю верное или нет, но все таки хоть как то объясняющее все происходящее. Что-то вроде, чем революционными измышлениями заниматься, пусть народ в слове и музыке революции устраивает. Ведь серьезно, кто-то

додумался что это новое слово в музыке и стал разрабатывать новое направление или школу. Там у музыкантов черт ногу сломает, если во всем этом разбираться начнет. И в переписке с Марией Федоровной, особенно после моего утверждения, что время меняется, соответственно и речь с письменностью меняться должна. Иначе мертвый язык получим. Начались баталии на страницах газет и литературных сообществ. Там правда и до реальных баталий иногда дело доходило. Кто-то, кому-то по всей физиономии лица, посторонними предметами объяснения проводил. Дело до полиции и докторов доходило. Ну не понимает народ, что сейчас, что в будущем, язык одномоментно неизменен. Он только по истечении большого периода времени может измениться. А все остальное происходит только волевым решением правителя или правительства, и то для этого время надо. Что бы перестроиться на новые правила речи. В общем общество обеих столиц и всей Калужской губернии довольно сильно взбудоражено было. И это только то что я точно знаю, об остальном только догадываться можно было. Даже на нашем почтамте телеграфист, взмыленный бегал, а телеграфные провода разве что не дымились. На нашем почтамте отправляли телеграммы не только от нас и к нам, но и еще и в другие имения. В общем казацкие разъезды и жандармско-солдатские посты, плюс ажиотаж вокруг музыкально-литературного слова привели к назреванию культурно-массового взрыва в отдельно взятом уезде Калужской губернии. Вот святые отцы и попытались видимо предотвратить этот взрыв. Предварительно переговорив с матушкой и заручившись ее поддержкой, мне естественно забыли сообщить об этом, затребовали из столицы инструкции и объездили вместе с высокими чинами владельцев соседних имений. И после подтверждения владельцами, что они не будут затрагивать тем связанных с происхождением и удивительными способностями Петра Алексеевича Голицына, дали добро на свободное посещение и перемещение как нашего имения, так и вблизи него. А то видите ли Петр Алексеевич слишком нервно реагирует на эти темы, может и молнией ненароком приложить. Или упаси бог вообще благословить, по своему правда. Вот так вот. Я старался самоизолироваться, а кто-то пришел и сказал не надо. А самоизоляция была необходима. Даже с учетом изначальной памяти Петра меня не всегда понимали. Слова вроде русские, и по отдельности понятные, но вместе создавали ощущение разговора иностранцев. И только со временем все в имении, и я, в том числе адаптировались в понимании речи друг друга. В общем баталии теперь и у нас в имении между гостями и святыми отцами происходят. Ладно что только словесные проводятся, без перехода на личности. Ну и соответственно концерты частым явлением были. Приходилось принимать участие в плане разъяснения правильного исполнения песен и музыки написанных мной, так как я ее слышу и как она должна звучать. В общем времени у меня почти и не осталось, буквально по минутам все для себя расписывал. А на следующий день, после случая на станции Ферзиково, казаки привезли бабку с внуками. И у нас прибавилось еще больше народу и хлопот. Мало того что бабка Марфа с внуками больными, за которыми уход требуется, прибыли. Так еще и два, три казака каждый день к ней в помощь прибывали. Вахтовый метод какой-то организовали. А их ведь так же обустраивать и кормить надо. Да и в имении народа и без того не протолкнуться стало. Особенно с ежевечерними гостями, владельцами соседних имений. А тут еще и казаки каждый день прибывают. В общем первые дни весело было. Но все как то улеглось и вошло в размеренный ритм. Младшенькая внучка бабки хоть и ослабленная была, но на месте не сидела, за мамкой с доктором как привязанная бегала. Да и за старшим братом в месте с бабкой Марфой ухаживала. Сразу видно, что будущее светило медицины растет. За среднего внука дядька с вахмистром

Елисеевым и прибывавшими казаками плотно взялись. Потерянным для мирной жизни человеком он стал. А вот со старшим очень интересное дело приключилось. Тут в двух словах и не расскажешь, и мне пришлось опять отмечаться как изобретатель. Да и со святыми отцами и казаками один раз с позиций силы разговаривать. Что бы на место их поставить. А началось все с разговора через несколько дней после их прибытия. Между доктором Яном Карловичем и старшим внуком бабки Марфы, на котором присутствовали практически все живущие в имении. Старший видимо в самом раннем возрасте травму ноги получил, она у него короче стала, где-то на пару сантиметров, и вывернута чуть в сторону была. От того он быстро ходить и не мог. Да и стоять долго на месте не мог. От того в церкви на службах, на задворках стоял, что бы внимание не привлекать. И то о нем разговоры в деревне где жил нехорошие шли, а парень то не виноват. А тут еще и травма руки на работах у зажиточного крестьянина произошла. Рука явно короче будет из-за того что неправильно срастаться начала, и усохла. Как только не загнила. Да и работать в полную силу он ей уже не сможет. В общем пропащий человек для того времени, смертник, а через него и всей семье смертный приговор уже подписан деревенским обществом был. Голодом и долгами уморить их готовы были. Вот из-за этого и не было у меня сострадания к той деревне, когда она разбежалась. Я в порыве ярости, как узнал у бабки из ее мыслей как они жили, готов был сам туда поехать. И сжечь всю деревню, да и еще и солью место сожжения засыпать, чтобы и не росло ничего. Вот тут точно казаки правильно поступили, что сами разъяснительные беседы с деревенскими провели. Гнилая деревня, по всем статьям гнилая. Старший сказал доктору, что ему уже ничем не поможешь. И он если даже выздоровеет, то уйдет в монастырь. Так как работником быть уже не сможет, а значит и семью создать не получится. И на шее у своей семьи сидеть не собирается. Потому и возиться с ним смысла нет. Вот доктор и устроил ему выговор. Сказал что бы планировать что-то, для начала выздороветь надо. А для него сейчас главное лекарство это питание и сон. И только потом уже о полном лечении разговор вести возможно будет. Ну а я рассмеялся и сказал — Это какой же монастырь согласится взять на попечение закоренелого самоубийцу и грешника? Я ведь и лично могу проследить что бы такого не произошло. Работать ты не сможешь, сам сказал. Значит даже истопником работать не будешь, да и таких истопников там трое на десяток будет. А они истинные верующие, о самоубийстве не думают, за жизнь борются. Службы стоять ты тоже не сможешь. Да и кому нужны службы от грешника? Ты же своими мыслями других заражать будешь.

— Неправда! Я не самоубийца. — возмутился Федор. — Но кому нужен калека от рождения? Я же только свою семью в долговую яму вгоняю. И в бегунки не пойдешь, если только из Калужской губернии сразу бежать. А я даже этого не смогу, вы же сами Петр Алексеевич сказали что всю крамолу выжжете. Так что только монастырь и остается.

— Значит не самоубийца? — задал вопрос. И помолчав продолжил. — А кто сейчас отказывался от рекомендаций доктора? Это ли не самоубийство? И ты правда считаешь что монастыри предназначены для содержания только сырых и убогих? Что они вообще более не для чего, непригодны? Там вообще-то хлеб, кров и крыша над головой своим трудом и мозгами добывается, ученые и писатели так же в монастырях жить могут. А ты, трудиться уже заранее отказываешься, а знаний у тебя нет. Это разве не грех?

— Не правда ваша Петр Алексеевич, — заступилась бабка Марфа за внука. Вот ведь Марфа Заступница — Феденька постоянно, с малых лет в трудах был, хоть и тяжело ему было. А после последнего случая совсем плохо ему стало, из-за того что он нам помогать

уже не мог.

Я выпустил немного энергии и придавил Бабушку. Несильно, но так что бы окружающие почувствовали что происходит и на кого оказывается давление поняли. Казаки взявшие шефство над ней сразу набычились, нет они реально бесстрашные, а молодой казачок с которым я уже третий раз встречаюсь сразу вперед вышел, бабку загораживая. — Делайте что хотите Петр Алексеевич, но Бабушку мы в обиду не дадим!

— Вот как. — проговорил, покрывая руку сеткой молний — Значит решили против Бури пойти. Это бабка Марфа исключение из правил. Только она на эмоциях Бурю остановить смогла. За что ей низкий поклон. А вообще против ярости Бури только непоколебимое спокойствие может выстоять. — и приложил казачка несильным разрядом молнии. Не так что бы у него от судороги тело свело, но что бы парализовало. Казачок и осел со стоном, а я шагнул к нему. И пригнувшись стал смотреть на него выжидая.

— Вот ведь, непутевый Николка. — заговорил один из казаков — Петр Алексеевич пожалейте дурака. Непутевый, молодой еще он, вечно в передряги встречается.

Посмотрев на казака заговорившего со мной, проговорил — Я вроде ничего и не делаю. — и присев стал смотреть на казачка — Вот скажи мне, зачем ты в посторонний разговор вмешался. Это ведь не твой разговор, и не с тобой говорили. Бабка Марфа понятно, она за внуков заступилась, этот разговор хоть как то ее касался. Да и заступница она у нас. На площади за народ заступилась Бури не испугавшись. А ты здесь с какого бока? Я с Федором говорил, что бы понять, что он за человек такой. Бабка Марфа за внука переживала, и заступилась. Но мне то она беседу испортила. А ты здесь причем? Кто ты им? — помолчав и подумав, продолжил — Как думаешь если накажу тебя, будет польза? Нет, ты не думай. Калечить и молниями кидаться, я не собираюсь. Но ведь и наказать можно по-разному. Ты у нас казак молодой и видный, но один остался в семье. Завидным женихом должен стать, что бы семью восстановить. Амбициозный и максималист первостатейный, все поперек других норовишь делать. Видно знаний и опыта тебе не хватает, не живут такие долго. Вот это дело я и исправлю. Здоровье и знания тебе нужно дать, и долгожителем, женихом завидным и плодовитым сделать.

— Это что за наказание такое! — удивленно уставился на меня дядька — Где это видано, что бы знаниями и здоровьем, и плодовитостью наказывали? И как ты это собираешься делать?

А казаки утвердительно зашумели. Только некоторые, кто уже в возрасте был головами закачали и страдальчески вздохнули. И девки, которые присутствовали при беседе и сразу сообразившие к чему дело идет, бочком, бочком стали потихоньку к нам с казачком подбираться.

Один из старых казаков не выдержал и сняв папаху заговорил — Петр Алексеевич пожалейте мальчишку. — ага мальчишку, ему под двадцать, а мне только двенадцать скоро исполнится. Но ведь уважительно обращаются, без подбострастия, видно есть что-то во мне, что показывает совсем иной статус, чем малолетний недоросль. — Ему же, только по кустам и оврагам прятаться придется. Он даже из имения вашего теперь не на коне, не пешком, на своих двоих не уйдет. — и кивнул на девок, которые уже близко к нам подобрались.

— А вот он и расскажет потом, — сообщил я дядьке и окружающим — что это за наказание такое. Когда в селения его калачом заманивать как телка будут, за спиной дубье пряча. Это что бы не сбежал ненароком. И когда не по дороге ходить придется, а все

перелесками пробираться. Зато завидный жених. Ну а как это оформить, тут как раз все просто. Я недавно одно благословение спонтанно учудил, вон святые отцы до сих пор как вспомнят, так крестятся с испугом. Мне бы его отработать. Что бы правильно применять в любое время сам мог. Скоро целый Академический городок придется благословлять надеюсь, с высокопоставленными гостями. Нельзя нам там оплошать. А тут гляньте доброволец появился. Грех ведь на нем не потренироваться.

— Петр, — заговорила мамка возмущенно — прекрати народ пугать. А то ведь смотри, не посмотрю что благословенный, в миг полотенцем отхожу. А ты Николай куда смотришь? Дитё от безделья дурью мается, а ты и ухом не ведешь. Погонял бы его что ли на тренировках своих. — и приложила его этим самым полотенцем по спине — Ишь чего удумал, такими силами баловаться и народ запугивать.

— Николаевна, — хохотнул дядька — у него же силы не меренные. Мы до сих пор пределов силы его не выявили. И как тут его гонять тогда?

Я же вздохнув взял стул стоявший у стены и устроился напротив Федора. — Не дали нам конструктивно с тобой поговорить. Ладно, проблемы и страхи твои мне понятны. Боишься ты, что долгами твою семью задушат после лечения. Вот только ошибка твоя в том, что не ты долги определяешь, а я. А вы и так перед нашей семьей в долгу. И долг ваш я определяю в учебе. Как выучитесь, так и долг спишется. Ну а учиться не будете, то тут уж не взыщи, по полной спрошу. Наверное, я только перед бабкой твоей в долгу. Ну и еще перед казаками. Она ярость Бури остановить не побоялась, а казаки уже моей собственной ярости на деревню твою выплеснуться не позволили. За то и поклон и поддержка моя им. А с Бабушкой Марфой твоей даже и не знаю как расплатиться теперь. Разве что песню ей посвященную написать?

— Что за песня? — вмешалась сама непосредственность, мелкая внучка Бабки Марфы — А мы ее послушаем?

Да какого черта я прячусь, в своих тренировках себя ограничиваю. Боюсь что силы мои узнают? Да не будет никаких сил, если тренироваться не буду! А значит, что в любой скрытности меру знать надо. Я хочу с резонансом поэкспериментировать. Вот и поэкспериментирую. И на основе полученного опыта, буду дальше пробовать. Сегодня очередной концерт в имении собираются устроить, так почему бы и мне лично участие не принять? И поманил мелкую к себе. Когда она подошла, поднял и усадил ее к себе на колени. — Думаешь песня твоей бабушке понравится?

— Да! — авторитетно заявила она, и усиленно закивала головой.

— А ты значит у нас тоже песни любишь? — со смехом спросил ее — А сама спеть не побоишься?

— Нет! — ответила мелкая — Чего там бояться. Это же песни! Там бывает весело и немножечко грустно.

— Понимаешь, — пришлось объяснять мне — там придется вместе с бурей петь. И ты будешь солисткой.

— А что это? — непонимающе спросила она меня.

— Что, что? — переспросил я.

— Ну это, солистка. — по буквам, произнесла сложное и непонятное слово будущая певица.

— Это когда кто-то ведет песню, — пришлось объяснять ей — а буря будет тебе помогать и подпевать.

— А, ну тогда ладно — махнула рукой мелкая — спою.

— Ну вот и прекрасно. — сказал ей — Сегодня вечером и споете. А сейчас беги, мне еще с Федором поговорить надо.

— Но я же слов не знаю! — возмущению юной певицы не было предела — Как я петь буду, то чего не знаю?

— А ты главное ничего не бойся. — со смехом ответил я — И самое главное не сопротивляйся когда будешь петь. И тогда слова и действия сами появятся у тебя в голове.

И повернувшись к Федору, продолжил в который уже раз прерванный разговор.

— Федор, скажи, если я помогу тебе вернуть здоровье. Чем ты собираешься заниматься?

— В монастырь пойду. — ответил он.

— Нет Федор, ты не понял. — заговорил я — Я собираюсь, не вернуть все как было. А полностью излечить тебя. То есть сделать так как оно должно было быть.

— Все равно в монастырь пойду после лечения и обучения. — стал объяснять Федор — Я с отцом Александром говорил. Он сказал что времена тяжелые наступают. И церкви ученые нужны, что бы предотвратить наступление темных веков. Вот по научному делу и пойду туда.

— Ну что же, решение достойное. — сказал я — Так тому и быть, будем тебя восстанавливать до того состояния, в каком ты должен был быть.

— Это что же, — спросил доктор — опять благословением приложишь?

— Нет, Ян Карлович. — стал объяснять ему — Тут будете вы с мамкой работать, практически полностью. Моя работа самая малая будет. Я давно уже думаю как свой дар без вреда для окружающих использовать. И ведь иногда даже получается у меня. Вон пример в себя приходит — и указал на казачка — жив, здоров и даже подпалин нет и не дымится.

И стал смотреть на него долгим и задумчивым взглядом. Девки вспомнив что рядом бесхозное добро лежит, кинулись помогать казачку. Кто водички подаст, а кто и полотенцем утрет. В общем знатную толкотню устроили. Старшие казаки шуганув девок, стали помогать сами. Как бы невзначай прикрыв его от моего взгляда. Кто его знает, вдруг действительно на нем свои благословения использовать буду? А так глядишь и забуду о нем, за делами и заботами. Я же продолжил — Мой дар слишком мощный и искрометный. Очень быстрый он в общем. Не получится у меня долгое время по чуть-чуть его использовать, спалю быстрее чем, вылечу. Да и другие соображения тоже есть, и все не в пользу использования дара. Будем наработывать методику лечения таких случаев. Федор не один такой, многим лечение понадобится. Значит и лечить нужно всех. И лечить будут доктора. Надо будет поговорить с кузнецом, дядькой Ефимом. Дам задание одну конструкцию изготовить. К сожалению, руки у меня еще не дошли до изготовления специальных сплавов, для медицинских инструментов пригодных. Так что придется потрясти мощну святых отцов, на предмет драгоценных металлов. Но это даже к лучшему. Все таки первая операция с нововведениями. Ах, да забыл совсем, надо сказать дядьке Ефиму, что бы два аппарата изготовил. Один из простого железа, он хоть и не годен ни для чего, но как образец нашему купцу в лавку в самый раз будет. Уж его то казаки у него точно не отберут.

Как же я ошибался. Отобрали, прямо в пути и отобрали. Правда заплатили за эти железки втридорога. Попутно еще и писарчуков наших застращав. Они по поводу лечения мои дневники в двух экземплярах переписывать стали. И подход к дядьке Ефиму нашли, все про сплавы медицинских сталей вызнали. И отправили все это добро в Екатеринодарскую войсковую больницу. Я долго смеялся, как узнал от казаков, какую аферу они провернули.

Да что я, тут хохот стоял над Калугой и обеими столицами, но уже из-за незадачливого купца. Правда как я еще позже узнал, Боткин рвал и метал. Ни у кого такого аппарата нет, полных испытаний не проведено, а у казаков в войсковой больнице уже есть и специалиста успели у нас подготовить. Ну а купца успокоил тем, что дядька Ефим еще один комплект сделает, и казаки сами ему его и привезут. И еще казаков предупредил, что бы немедленно прислали к нам доктора для учебы, который этим аппаратом пользоваться будет. Я ведь решил внедрить аппарат Илизарова на семьдесят лет раньше. А там он хоть и простой, но сопутствующих трудностей много. Это и доскональное знание анатомии, что бы нервы и сосуды не повредить. И специальные дрели и сверла нужны, да и сплавы для аппарата специально изготавливать в то время надо было. И все это на ощупь и интуиции делать, рентген еще не скоро появится в общем доступе.

— И что же это за аппарат такой чудодейственный? — заинтересовалась мамка.

— Да аппарат то самый простой. — рассмеялся я — А вот подготовка к работе и само использование думаю серьезного отношения потребует. У меня тут возникла мысль одна, на основе знаний какие мы все имеем. Все мы знаем что человек растет, а так же видим что раны достаточно быстро заживают. Значит мы можем использовать эти моменты. Тут ведь по идее буквально можно пересадками сердца и других органов на этом моменте пользоваться. А не только оторванные руки и ноги приращивать. Но все упирается в совместимость и своевременность. Все также как с кровью получилось. Опять институты нужны и многие годы исследований.

— Петр Алексеевич! — возмущенно заговорил отец Александр — Бога побойтесь, такие кощунственные вещи говорить. Как это можно, от людей другим руки ноги приставлять!

Опять пришлось силу выпускать и на этот раз голосом бури говорить — Все возможно! И кто говорит про других? Я говорю про возможности выращивать нужное нам. И только потом пересаживать. Что-то вы не считаете кощунством когда коров и свиней на мясо выращиваете. Вы лучше вот о чем подумайте. Мы дети его, потому и создал он нас по образу и подобию своему. И я не знаю таких родителей, которые не желают что бы дети их дальше росли и развивались. Что бы радовали их подвигами и открытиями. Потому и дана нам свобода воли для развития. Мне сила дана, пусть и разрушительная, но я как раз для этого ее и хочу использовать. Доктору с мамкой знания даны и они смогут с помощью моей силы нужное направление в науке найти. Вам возможности даны, и вы с помощью меня и доктора сможете развить данное направление. Вот сейчас мы все вместе и будем прокладывать дорогу к этим знаниям. А Федору тут как раз и не угрожает ничего. Для того я рядом с своей силой всегда находиться буду.

Помолчав и успокоившись, я продолжил — В общем появилась у меня идея аппарата одного, который и будет помогать людям недостатки тела исправлять. Но вот беда сам аппарат бесполезен без комплекса мер дополнительных. Придется мне поработать эти дни в полную силу, и свой дар использовать для этого. Федору я конечно тоже помогать буду, но там это разовые действия будут. Так что пока Федора откармливаем и в норму приводим, а я к тому времени все приготавливаю. А нужно нам следующее. У Федора сейчас сердце ослаблено, а мы ведь операции будем проводить. Буквально ему руки и ноги ломать будем, что бы нормально их сложить. Мамка тут больше по твоей части работа будет, может подскажешь что путное. Да и думаю лекарства которые я тебе дам, ты сможешь лучше меня применить. Я точно знаю, что согласно проводимым исследованиям в мире, нитроглицерин в этом деле хороший помощник. Я тут на днях с ним поработал немного и

составил дозировку безопасную, так что под моим контролем его можно использовать. У меня все таки взгляд особый. Я больше других вижу. — заметив что дядька аж покраснел весь, и сейчас начнет мне выговаривать за взрывчатку, которую я в лаборатории варю. Сразу ему и высказался. — И дядька не зли меня, меры безопасности у меня получше чем у других организованы. Ничего с нашим именем не случится. Взрывов не будет. И вообще что вы все взялись меня через слово перебивать. Вот точно сейчас на всех попробую благословение наложить. — помолчав, спросил — Мне можно продолжать?

— Да! — ответил дядька — Но по поводу взрывчатки мы еще поговорим. Это же надо! Тут по имению ходишь и не знаешь, что живая молния рядом с тобой гуляющая по пороховой бочке, тебя уверять будет что все в полном порядке будет. Это где, на небесах? Ты же не только имение, всю округу разнесешь.

— Да нет у меня сейчас больше взрывчатки. Только нитроглицерин в малых дозах, для исследований. Эти дозы безопасны, так как в смесях уже находятся. — ответив ему, продолжил — Все не перебивайте. А то так и объяснить ничего не смогу. Еще нужны нам обезболивающие. К сожалению, наркотик придется использовать при операции, ну и я еще приложу Федора своей силой. Не сильно, но отключится он гарантированно. Не придумал я пока больше ничего. Но вот дальше есть у меня средства от боли, правда опять их исследовать надо будет. Снова институты нужны. Но как я уже говорил, сейчас под моим контролем, их смело использовать можно. И остаются у нас жаропонижающие и противовоспалительные. За эти дни я их до ума доведу с помощью своих сил.

И повернувшись к Федору, который лежал тихо как мышь слушая наши разговоры, сказал — А от тебя самая малость требуется. Согласие дать на операцию, сил набраться и ничего не бояться. Ну и боль хоть и терпеть придется, но все таки не сильную, легче ее переносить будет. Ты главное не молчи, а сразу говори когда больно. Все остальное мы и так увидим и исправим.

— Согласен я, Петр Алексеевич. — проговорил Федор — чем всю жизнь мучится, лучше один раз муки перетерпеть.

— А вот муки нам не нужны. — ответил ему — Мы не в чистилище, что бы муки испытывать. Боль, ну тут никуда не денешься, придется потерпеть. И ведь у нас и лекарство от нее будет. Значит и она не сильная будет.

Я же решил ввести в эксплуатацию Димедрол, Анальгин, Аспирин, Стрептоцид и Но-Шпу. Литические смеси на основе этих препаратов использовали на протяжении многих десятилетий. В том числе и после операционных больных для обезболивания, и как жаропонижающее и противовоспалительные средства. А Димедрол использовали даже в так любимой всеми Америке в плоть до моего переноса. И только в нашей стране благодаря проходимцам от медицины были запрещены целые группы лекарственных средств. Я так подозреваю, что и после моего ухода война с лекарствами нескоро закончится. Если вообще возможно остановить это действие при таком уровне образования и коррупции. И как я не хотел притормозить свое участие в развитии электроприборов, но придется в срочном порядке с использованием своих способностей, создавать ветрогенератор, свинцовый аккумулятор и медицинскую дрель со сверлами из специальных сплавов, а ладно, тогда уж и сварочными аппаратами заодно займусь.

А вечером когда начали наступать сумерки, у нас был концерт. Встретив мелкую во дворе, я завел ее в дом и спросил — Ну, что Варвара Краса длинная коса, готова перед народом, вместе с бурей петь?

— И как же я смогу петь, — спросила Варенька — если слов не знаю? И какую песню я буду петь?

— Тут не волнуйся, — заверил ее — я буду тебе помогать. А споешь ты две песни, одну, как и обещал для бабушки.

— А другая для кого? — заинтересовалась Варвара — И как вы мне помогать будете?

— Вот скажи Варенька, — заговорил я с ней — ты свою маменьку хорошо помнишь?

— Да. — ответила она, и усиленно закивала головой.

— Вот первая песня и будет для нее. — начал объяснять ей — Я буду тоже подпевать тебе. Твоя же задача в начале будет заключаться в том, что бы вспомнить ее самой красивой и любимой. И тогда у тебя и появятся образы, но ты их не откидывай и не на что, не отвлекайся. Эти образы и будут песней которую мы и споем. Старайся всеми силами к ним тянуться. Ну а потом и для бабушки споем, там уже легче будет.

Подтолкнув Варвару на выход, сам на мгновение задержался настраиваясь на окружение. И пошел следом за ней, отставая на несколько шагов. Как только Варвара сделала первый шаг через порог, поднялся легкий ветерок, но четко слышимый. Он собирал окружающую влагу в центре двора в виде образа человека, пока еще непонятно какого, но очень большого. И пыль, которая собиралась с двух сторон от нас в виде ограждения дорожки к центру двора где и стояла фигура. И с каждым нашим шагом появлялись огни Святого Эльма освещая двор, и проявляя фигуру в центре. Заиграла музыка. В начале тихо, но с каждым шагом все громче и громче. Я, к сожалению, не смог убрать полностью рокот грозы и шум ветра. Так что они сопровождали музыку фоновым шумом, но думаю так даже лучше получалось. Пыль с дорожки позади меня сложилась в тяжелый плащ на моих плечах. Фигура в центре двора стала проступать все четче сквозь водную взвесь и под тихий рокот грозы. И наступил момент.

— Мама! Мамочка! — воскликнула Варвара. И бросилась к образу прекрасной женщины в попытке обнять ее. Но образ, это всего лишь мираж, его невозможно обнять. Девочка упала. Потом поднялась, сделала пару шагов назад и стала оглядывать двор.

— Бабушка? — увидела она сидящих во дворе, слушателей вечернего концерта — Братики?

Огни от свечей и костра разожженного во дворе, а так же огни Святого Эльма совместно с музыкой и тихим, шумовым сопровождением грозы вызывали сюрреалистическое восприятие окружающего мира. Образ матери Варвары взирал на мир добрыми и грустными глазами, а на губах ее играла еле заметная и грустная улыбка. Капли водяной взвеси стали проливаться дождем на образ, и возникало ощущение, что мать Варвары плачет.

— Пой. — раздался тихий шелест моего голоса.

— Пой. — тихо пророкотали громовые раскаты.

— Пой. — сорвался тихий шелест ветра с губ ее матери.

Варвара протянула руки к матери. Мать присела и протянула руки к ней. Видя что у

девочки ступор, и она так и будет смотреть со слезами на мать. Я встряхнул плечами, и пылевой плащ развернулся в крылья. На границе крылья развеивались легкой взвесью, что бы снова и снова проявиться, по крыльям перемещались огни Святого Эльма создавая ощущение, что они находятся где-то в ином мире, и начал петь:

«Как жаль, что наши дни летят

Увы с безумной скоростью

Нельзя перелистать назад

Страницы этой повести

Порой меняя города

Несёт судьба упрямая

Но мы опять спешим туда

Где будем рядом с мамою»

— Пой. — раздался тихий шелест моего голоса.

— Пой. — тихо пророкотали громовые раскаты.

— Пой. — сорвался тихий шелест ветра с губ ее матери.

И девочка запела:

«Мама-мамочка родная, любимая

Мама-мамочка сердечко ранимое

Мама-мамочка не плачь тёмной ноченькой

Мама-мамочка с тобой твоя доченька»

Далее мы пели уже в месте, только припев Варвара пела сама.

«Как жаль, что нежные слова

Вновь будут не досказаны

Но все мы нитью волшебства

Навеки с мамой связаны

Ценить мы будем каждый миг

И встречи ждать с волнением

У нас с тобою на двоих

Одно сердцебиение»

Варвара:

«Мама-мамочка родная, любимая

Мама-мамочка сердечко ранимое

Мама-мамочка не плачь тёмной ноченькой

Мама-мамочка с тобой твоя доченька

Мама-мамочка родная, любимая

Мама-мамочка сердечко ранимое

Мама-мамочка не плачь тёмной ноченькой

Мама-мамочка с тобой твоя доченька»

Но вот песня закончилась. Музыка стала стихать, а крылья за спиной опали плащом. — Все хорошо, — тихо пророкотал гром моими словами — живые должны идти вперед. А остальным пора уходить. И мать Варвары с грустной улыбкой сделала шаг назад растворясь во взвеси за ее спиной. Мы еще долго стояли в тишине. И только треск костра и шелест ветра подчеркивали эту тишину. Потом я все таки встряхнулся и спросил Варвару — Ну что малышка, Бабушке песню петь будем?

— Так же? — спросила Варвара. Ну вот скажите, каким образом на одном лице могут

сочетаться слезы грусти в глазах и улыбка на губах? А это чудо, вот оно, стоит передо мной, и смотрит прямо в глаза.

— Да. — ответил ей.

— Будем. — ответила Варвара коротко. Тогда я взял ее за руку и отвел на несколько шагов назад от водяной взвеси в центре двора. Вновь зашелестел ветер создавая ограждение дорожки, вновь разгорелись огни Святого Эльма и зарокотал гром. А водяная взвесь стала создавать образ Бабушки Марфы.

— Бабушка. — на этот раз уже спокойно отреагировала на образ Варвара. На этот раз я решил попробовать грозовой рокот не заглушить, а отодвинуть в даль. Что бы он не мешал звучать музыке. И размножить голос Варвары. Будет звучать ее голос на переднем плане, и подключаться хор ее же голосов в припеве и в сопровождении. Получится что Варвара исполнит всю песню, я же только иногда буду вступать. Полилась музыка, огни Святого Эльма оживили двор и Бабушка Марфа раскинула руки, пытаюсь, обнять всех находящихся сейчас во дворе. И мы с Варварой запели:

«Бывает, что в жизни не балует, бывает сплошной переплет,
И только лишь добрая бабушка и только лишь добрая бабушка,
И только лишь добрая бабушка утешит тебя и поймет.
Мы все для нее дети малые, примчишься сквозь ветер и дождь,
Ладони ее исхудалые к губам осторожно прижмешь.»

Варвара с хором своих голосов:

«Бабушка Зоя, бабушка Нина, бабушка Таня, баба Полина.

Бабушка, бабушка, я люблю тебя.

Бабушка Зоя, бабушка Нина, бабушка Таня, Лена, Марина.

Бабушка, бабушка, я люблю тебя.»

Дальше только я:

«Расскажешь про тайны укромные дворовых баталий бои.»

Мы с Варварой и хором голосов:

«Мы все для нее внуки родные, мы все для нее внуки родные,

Мы все для нее внуки родные за каждого сердце болит.

Для каждого слово хорошее найдет за вечерним чайком,

И скромный гостинец положит нам в дорожную сумку тайком.»

Варвара с хором голосов, и бабушка присев протягивает нам поднос с пирожками.

Пирожки по краю рассеиваются, что бы снова появиться на подносе:

«Бабушка Зоя, бабушка Нина, бабушка Таня, баба Полина.

Бабушка, бабушка, я люблю тебя.

Бабушка Зоя, бабушка Нина, бабушка Таня, Лена, Марина.

Бабушка, бабушка, я люблю тебя.»

И снова мы с Варварой:

«У бабушки комнатка светлая, глаза — в мире ласковой нет.

Молитвой ее беззаветною, молитвой ее беззаветною,

Молитвой ее беззаветною я с детства храним и согрет.

Глядит на меня, улыбается и ходики тихо: тик-так.

Отрада моя, здравствуй, бабушка, прости, если что-то не так.»

И опять Варвара с хором:

«Бабушка Зоя, бабушка Нина, бабушка Таня, баба Полина.

Бабушка, бабушка, я люблю тебя.

Бабушка Зоя, бабушка Нина, бабушка Таня, Лена, Марина.

Бабушка, бабушка, я люблю тебя.

Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя, бабушка.»

И мелодия опять стала стихать, Бабушка Марфа поклонилась всем и шагнула в водяную взвесь в центре, растворяясь там. Порыв ветра развеял саму взвесь и пылевые дорожки, а огни Святого Эльма погасли. Во дворе наступила тишина.

— Я хотел, что бы мои песни звучали именно так. — проговорил я. И взяв Варвару за руку отвел ее к Бабушке Марфе, а сам отправился к матушке.

— Петр Алексеевич, да как же мы сможем так музыку составить, что бы ваши песни так же звучали? — изумился отец Александр.

— На самом деле здесь нет ничего сложного. — стал я отвечать — необходимые музыкальные инструменты есть, составить оркестровую труппу тоже труда не составляет. Так что осталось дело за солистами, и хорошим руководителем. Это ведь не музыка божественных сфер, а вполне земная музыка, с живыми исполнителями.

— Да как же мы грозу уговорим нам подыгрывать и подпевать? — возмущению отца Александра не было предела.

— И не надо! — со смехом ответил ему — Поверьте, и без нее будет все звучать красиво и благозвучно. — и остановившись продолжил — Видимо это моя ошибка. Не учел что музыка может не только звучать, но и образы создавать, вот и создалось у вас ложное впечатление за созданными миражами, что вы не сможете такую же музыку воспроизвести. А тут ведь слова и мелодия простые. Такие образы там на Востоке давно уже используют. Театром теней это все называется. Я же использовал миражи, а не тени. Нужно прекращать такое дело, а то так и не услышите песни и музыку за образами.

— Ну уж нет Петр, — возмутилась тетушка Елена — раз начал такое, то и доводи до конца. Хотя бы сегодня ты нам свои образы все покажешь. А то показал кусочек, поманил. А как мы во вкус вошли, ты сразу в кусты скрылся.

— Хорошо, — рассмеялся в ответ — будут вам сегодня образы, на сколько у меня сил хватит.

— Петр, этих песен нет в твоей тетради. — упрекнула матушка.

— Нет, значит сегодня появятся. — с улыбкой ответил ей — Их я надеюсь, еще много должно появиться. Матушка, вы же знаете, что я пишу только то что соответствует моменту. Вот и получилось, что песни прозвучали раньше чем были написаны.

— Это сколько тогда таких песен не написано и не прозвучало? — удивился кто-то из гостей.

— Наверное не мало, — пожал я плечами — повода подходящего не было.

— Петр, — обратилась ко мне тетушка Лена. Так уж получилось что они с матушкой подругами были, ее имение за рекой Окой находилось. Но она часто к нам приезжала, вот так ее я с пяти лет и зову. Рядом с ней стояла незнакомая девушка лет двадцати, видно к ней в гости приехала, ну и к нам заодно с ней поехала — а еще что-нибудь вот так же исполнить можешь? Тоже из ненаписанного. Уж больно исполнение и песни дух захватывающие получаются.

— Тетушка, — ответил ей — только для вас. Но сразу говорю на многое не рассчитывайте. Силенок у меня маловато, максимум две песни, и то не с такими эффектами.

И попросил дядьку принести две испанские шпаги, вместе с ним попробую одну песню

исполнить.

— Сразу говорю, — начал я — в моем возрасте и с моим голосом эта песня глупой получится. Я, конечно, попробую своими силами и музыкальным сопровождением это дело исправить, но все таки прошу считать ее из рубрики хулиганской. Иначе полный конфуз получится.

И опять направился вместе с дядькой в центр двора. Поставив шпагу вертикально вверх, перед лицом, закрыл глаза и стал настраиваться. Тут по существу сильных спецэффектов не должно быть, да и с дядькой мы просто в ритме музыки и песни будем звенеть шпагами. Но ведь тут трудности другие будут. Надо будет удерживать ритмы движений со шпагой и музыки, да еще стараться дыхание не сбить. Но вот разгорелись огни Святого Эльма, полилась музыка и я начал двигаться и петь одновременно. С помощью резонанса сделал так, что бы песня звучала вокруг и более взрослым голосом. И вот под звон соприкосновения шпаг полилась песня:

«Шпаги звон, как звон бокала,
С детства мне ласкает слух,
Шпага многим показала,
Шпага многим показала,
Что такое прах и пух.»

Я отскочил от дядьки и сделал несколько полу круговых резких движений шпагой под сопровождение песни:

«Вжик, вжик, вжик, уноси готовенького,
Вжик, вжик, вжик, кто на новенького,
Кто на новенького, кто на новенького.»

Приманивая дядьку левой рукой пошел по кругу вокруг него, а песня звучит и ведет дальше:

«Подходите, ну ближе, ближе,
Вам урок преподнесу,
Подлецов насквозь я вижу,
Подлецов насквозь я вижу,
Зарубите на носу.»

И снова отскок и полу круговое движение шпагой:

«Вжик, вжик, уноси готовенького,
Вжик, вжик, кто на новенького,
Кто на новенького,
Ну, кто на новенького.
На опасных поворотах
Трудно нам, как на войне,
И быть может скоро кто-то,
И быть может скоро кто-то
Пропоёт и обо мне.

Вжик, вжик, уноси готовенького,
Вжик, вжик, кто на новенького,
Кто на новенького,
Ну, кто на новенького.

Юный друг, в бою открытом
Защитить готовься честь,
И оружием забытым,
И оружием забытым
Совершить святую месть.

Ну, вжик, вжик, вжик, уноси готовенького,
Вжик, вжик, кто на новенького,
Кто на новенького,
Ну, кто на новенького.»

Подав знак дядьке, что бы он остановился, я приставил шпагу к его груди:

«Эх, народец нынче хилый,
Драться с этими людьми,
Мне помериться бы силой,
Мне помериться бы силой,
С чёртом, чёрт меня возьми.»

И снова отскок:

«Вжик, вжик, вжик, уноси готовенького,
Вжик, вжик, вжик, кто на новенького.
Кто на новенького,
Ну, кто на новенького.»

Песня закончилась, и музыка стала стихать. Мы с дядькой поклонились друг другу и публике смотревшей и слушавшей нас. Песню встретили доброжелательно и даже весело. Как она звучала со стороны я не знаю, но все таки надеюсь что полностью справился с передачей образа из моего, еще того детства.

— Петр, а следующая песня? — спросила меня тетушка Лена.

— Сейчас тетушка, — вот ведь неугомонная соседка. Ну вообще-то она всегда такая была — передохну малость, да и настроиться надо. Вы бы тоже поучаствовали, у матушки и мамки уже много разных песен. А я как раз с силами соберусь.

На некоторое время меня оставили в покое. Гости стали обсуждать увиденное и услышанное, периодически участвуя в концерте своими и моими песнями. Даже поспорили немного по музыкальному сопровождению песен, а так же по поводу правил речи и письменности затронутых в открытой переписке между мной и Марией Федоровной. Раззадоренные святые отцы даже выложили копии моих черновиков, и возможно будущих учебников по русскому языку. От чего спор разгорелся с новой силой между гостями. Вот сидя за столом и попивая ягодный морс, и стал приглядываться к попутчице тетушки Лены. Вроде девушка и девушка, мне о них еще рано думать по возрасту, а тут что-то беспокоит в ней. Не выдержал, и незаметно провел ее диагностику, а потом подошел к тетушке Лене разговаривающей с матушкой.

— Сильно болит? — спросил гостью — Вы ведь прекрасно понимаете, что снятие боли не устраняет болезнь и скоро перейдете на наркотики.

Гостья грустно посмотрела на меня — Мне, к сожалению, уже ничего не поможет. Видимо я уже последний раз выбралась из дома.

Я рассмеялся — Вы знаете, эти слова за сегодня я слышу не в первый раз. Почему к

нашему доктору или мамке не обратились? Тетушка Лена, вы то что молчали? Вашу гостью уже из списков и семейных раскладов, наверное, вычеркнули. Знаете ведь, что не откажем, могли бы и подойти, попросить помощи.

— Так ведь нет еще лекарства от моей болезни. — улыбнулась гостья. Вот ведь сила духа у нее! Умирает, болью мучается, а все равно улыбается. — А ваше лечение Петр Алексеевич еще и не известно будет ли. Да и цена может оказаться непомерно высокой для меня.

— Насчет цены мы сейчас и определимся. — хмыкнул я в ответ — Вот споете нам песню, и будем считать что оплатили мою помощь. Музыка ведь тоже лечит.

— Так же, как и вы до этого пели? — спросила гостья

— Именно. — улыбнулся ей в ответ. И стал оглядываться ища ей в пару второй голос.

— Я согласна. — улыбнулась она — Говорите что нужно делать.

— Не бояться, не сопротивляться и петь. — пожал я плечами и поманил к себе казачка которого грозился наказать.

— Придется тебе откупаться. — сказал ему — Ты воин, и знаешь что словами разбрасываться нельзя. А я свое обещание помню.

— Что нужно делать? — спросил казачек со вздохом.

— А вот с нашей гостьей в паре споешь. — ответил ему с ухмылкой.

Попросив отнести тяжелое кресло к костру усадил туда гостью. Рядом с ней встал казачек и смотрел на костер. Сам же взял стул и гитару, и отошел чуть дальше в тень. Присев на стул начал наигрывать мелодию настраиваясь на окружение. Вот мелодия зазвучала в полную силу, присоединились другие инструменты. И мелодия потекла свободно, пришло время песни.

Первым голосом запела гостья:

«Я закрою глаза, я забуду обиды,
Я прощу даже то, что не стоит прощать.»

Присоединился голос казачка:

«Приходите в мой дом, мои двери открыты,
Буду песни вам петь и вином угощать.

Буду песни вам петь про судьбу и разлуку,

Про веселую жизнь и нелепую смерть.

И как прежде в глаза мы посмотрим друг другу,

И конечно ещё мне захочется спеть.»

— Ох, — гостья приложила руку к груди.

— Не останавливайтесь, — раздался мой голос из тени, не прерывая мелодию — я понимаю что непривычно, но нужно потерпеть, и продолжать петь.

И вновь гостья и казачек продолжили петь:

«И тогда я спою до слезы, до рассвета,

Будет время дрожать на звенящей струне,

А я буду вам петь и надеяться где-то,

Что не скажете худо никогда обо мне.

Я закрою глаза, я обиды забуду,

Я прошу всё, что можно, и всё, что нельзя.

Но другим никогда, видит Бог, я не буду,

Если что-то не так — вы простите меня.»

Песня закончилась и наступила тишина.

— Петр, — заговорила подошедшая к нам матушка с обидой в голосе — эту песню, в нашем доме я должна петь, а ты ее даже не записал в тетрадь. Что с тобой? — заметила она мое необычное состояние. — У тебя опять глаза светятся, даже сквозь очки сильно видно и пот градом идет.

Да, с этим концертом переборщил я малость, сильного напряжения и отдачи сил он потребовал. Тут еще и энергии веры опять хватанул. Хорошо хоть успел в тени затемненные очки надеть, ну а пот заливающий глаза можно и платком утереть.

— Матушка, — начал я отвечать по порядку — вот смотрите, есть княгиня и княжич. А князя нет. — матушка вздохнула и покачала головой — Не правильно эта песня звучать будет. — и помолчав, протерев глаза платком, продолжил — А со мной все в порядке. Просто концерт сил душевных много потребовал. Не рассчитал я свои силы. Ничего завтра уже восстановлюсь.

— Тогда может тебе лучше остановиться? — спросила она.

— Нет! — угрюмо ответил ей — Гостье с казачком еще одну песню спеть надо. Да и я еще свою обещанную не спел.

Я действительно очень хотел святых отцов взбудоражить, и для этого приготовил одну песню. И даже образы соответствующие составил, надеюсь песня проберет всех.

— Что-то не так? — подошла к нам тетушка Лена — Не получается лечение?

— Не все получается как я хочу. — признался ей — Потому и надо еще одну песню им спеть. И они ее сейчас споют. И Дядька, бери казачка в оборот! Пусть наставником у казачат будет, а ты уж их всех вместе обучать будешь. Казачку это теперь понадобится.

Дядька с матушкой только головами покачали.

— Петр Алексеевич, мне уже лучше. — заговорила со мной подошедшая гостья — Я же вижу как вам тяжело, может остановиться?

Я тряхнул головой. И закрутил ветер вокруг нас постоянно добавляя энергию веры. Эта энергия стала обволакивать всех, а я управлял ей напрямую, чувствуя сильное напряжение вокруг. Шум ветра донес усиленный звук волн с реки. Создавая ощущение, что на реке начинается шторм и волны с яростью бьются о берег. Послышался шум камыша, а вокруг нас закружились образы прошлогодних листьев. Из ниоткуда появился запах степных трав.

— К черту! Вы будете здоровы и счастливы. — прозвучал гулом мой голос вокруг — пойте. И ты казак пой.

Пыль поднятая вокруг снова образовала крылья, только они были не развернуты, а лежали плащом за спиной. Матушка прижала испуганно руку к губам, поняв что я опять пошел в разнос. Да, я был в бешенстве.

— Пойте — снова повторил свое требование.

Гостья как то выпрямилась гордо и ее щеки налились румянцем. Казачек так же неуловимо изменился в лучшую сторону. Да он красавцем стал!

И снова полилась задорная мелодия. И снова гостья запела первая:

«Вижу Донскую браваду

Дон да степной ковыль

Нашу веселую свадьбу

И на лиманах штиль»

Вступил казачек:

«Ночи порой до безумства

Я искушал до утра

Думал, что чувства взорвутся

Жизнь утекла, как вода»

Гостья и казачек, образы прошлогодних листьев закружились во круг них:

«Хочется вместе, как раньше

Осень к весне ревновать

К весне ревновать

В раненом сердце однажды

Трудно любовь удержать

Удержать»

И снова казачек повел свою партию, а гостья закружилась в месте с листьями вокруг него:

«Осень желтела, спела

Дон заливал луга

Ты мне сказала смело

Нам не нужны слова!

Ты прошептала первой

Я не смогу одна!

Осень желтела, спела

Нас согревала луна»

И опять они поют в месте в хороводе листьев:

«Хочется вместе, как раньше

Осень к весне ревновать

К весне ревновать

В раненом сердце однажды

Трудно любовь удержать

Удержать»

Гостья и казачек затанцевали в паре под музыку в хороводе листьев. В какой-то момент они остановились и гостья прижавшись к казачку запела:

«Время идет незаметно

Месяц лампадкой горит

Тени уходят бесследно

Дочка любимая спит»

Гостья и казачек прижавшись друг к другу продолжили:

«Наша любовь затерялась

На перекрестке дорог

Времени не осталось

Память — горький урок»

Гостья и казачек закружились вокруг отпустив друг друга:

«Хочется вместе, как раньше

Осень к весне ревновать
К весне ревновать
В раненом сердце однажды
Трудно любовь удержать
Удержать
Хочется вместе, как раньше
Осень к весне ревновать
К весне ревновать
В раненом сердце однажды
Трудно любовь удержать
Удержать»

Песня закончилась. Я устало подошел к столу и присев на стул налил морсу.

— А ведь хорошая пара получается. — раздался мой голос в тишине. Гости отходили от захватившей их песни. Вот тут точно я всех этой песней за душу зацепил.

— Петр, ты что такое говоришь! — стала отчитывать меня тетушка Елена. А гостья смущенно отошла от казачка.

— Да знаю что говорю. — махнул рукой и нечаянно опрокинул стакан с морсом на землю — Я обещал, что будут они здоровые и счастливые. Здоровье вернул обоим, а счастье с любовью приходит. Коль любят друг друга, то почему бы им и не помочь. А то что все считают, что это мезальянс, так ведь и решается эта проблема легко. Вон святые отцы с отцом Иоанникием на прямой связи постоянно находятся. Каждый день ему в Санкт-Петербург по телеграфу стучат. Быстро настучат ему нужную просьбу. А нет, и не надо, с собой его заберу. Уж я то найду как его в дворянское достоинство ввести. Да и вообще я же говорил, что казачек станет завидным женихом. Так оно и есть. Вон как девки вокруг него крутятся, как бы нашей гостье еще и побороться не пришлось за него. Вот только застращал я его малость сегодня по утрам, но ничего быстро отойдет от страхов. — и уже обращаясь к гостье — Ну что красавица будешь ждать такого суженного?

Наша гостья, засмутившись, встала позади матушки и тетушки Лены.

— Будет, будет. — прилетел мне подзатыльник от мамки — Мал, еще девушек смущать. А ты красавица, не смущайся. Как такие красивые песни петь, так никакого смущения не было. И Петра не слушай, молод он еще о серьезных вещах говорить. Пойдем ка со мной, нам с доктором тебя осмотреть надо. И казачка своего с собой бери. Нам вас после выходов Петра осмотреть надо. Мало ли чего он учудит.

— Как учудит? И что он мог учудить? — испуганно спросила гостья.

— Вот крылья ангельские вырастут, так и поймете что может. — с улыбкой ответила мамка. И поманила гостью с казачком с собой. — Пойдемте. Я еще песни Петра хочу успеть послушать. Красивые ведь песни исполняет, даром что воин.

— Мамка, за что? — потер я затылок — Ни кого ведь не запугивал? И можете не спешить, у меня сил только на одну песню осталось. Вот только отдохну немного. Так что сейчас другие выступать будут.

— Ну вот и славно. — сказала мамка. Уходя вместе с доктором в дом, забрав с собой гостью и казачка.

Пока я отдыхал в ожидании мамки, гости успели и поспорить и песни разные спеть. Да и казаки показали свою удаль в области владения шашкой. Так что скучно не было. Но вот вернулись мамка и доктор с гостями. Пришло мое время. Я встал и пошел к центру двора,

поднимая за собой ветер. В центре двора водяная взвесь собиралась в виде готического собора. Огни Святого Эльма собрались в виде луны над собором, освещая двор потусторонним светом. Пыль поднятая ветром почти скрыла меня от взоров зрителей. Периодически раздавались удары грома создавая ощущение грозы и штормового ветра. Но вот ударил особенно близкий раскат грома, и подувший ветер скрыл собор пылевой завесой. Оставив только колокольню. На колокольне у колокола стояла фигура горбуна.

Горбун упершись ладонями в парапет запел:
«Свет озарил мою больную душу
Нет, твой покой я страстью не нарушу
Бред, полночный бред терзает сердце мне опять
О, Эсмеральда, я посмел тебя желать
Мой тяжкий крест — уродства вечная печать
Я состраданье за любовь готов принять
Нет, горбун отвержен и с проклятьем на челе
Я никогда не буду счастлив на земле
И после смерти мне не обрести покой
Я душу дьяволу продам за ночь с тобой»

И вот снова раздались раскаты грома и подул ветер, закрывая колокольню и открывая вход в собор. Особенно сильный удар грома и порыв ветра открыли тяжелую створку входа в собор. И ветер ворвался внутрь собора открыв фигуру, преклоненную у распятия. Фигура молилась:

«Рай, обещают рай твои объятья
Дай мне надежду, о, мое проклятье
Знай, греховных мыслей мне сладка слепая власть
Безумец прежде, я не знал, что значит страсть
Распутной девкой словно бесом одержим
Цыганка дерзкая мою сгубила жизнь
Жаль, судьбы насмешкою я в рясу облачен
На муки адские навеки обречен
И после смерти мне не обрести покой
Я душу дьяволу продам за ночь с тобой»

И снова раскаты грома и звон колокола, и ветер открывающий вид на весь собор. У двери стоит дворянин не решаясь войти и он молится у входа:

«Сон, светлый счастья сон мой, Эсмеральда
Стон, грешной страсти стон мой, Эсмеральда
Он сорвался с губ и покотился камнем вниз
Разбилось сердце белокурой Флер де Лис
Святая дева, ты не в силах мне помочь
Любви запретной не дано мне превозмочь
Стой, не покидай меня, безумная мечта
В раба мужчину превращает красота
И после смерти мне не обрести покой
Я душу дьяволу продам за ночь с тобой»
Все трое обращаясь к небесам:

«И днем и ночью лишь она передо мной
И не мадонне я молюсь, а ей одной
Стой, не покидай меня, безумная мечта
В раба мужчину превращает красота
И после смерти мне не обрести покой
Я душу дьяволу продам за ночь с тобой
За ночь с тобой»

Песня закончилась. Особенно сильные удары грома и ветра развеяли собор и сбросили с меня туманный покров. Я устало пошел к столу. Все присутствовавшие во дворе сидели шокированные песней. Вот это я понимаю воздействие музыки. И ведь никаких специальных средств. Только музыка, образы и слова.

— Петр Алексеевич так нельзя. — сказал отец Константин.

— Нельзя что? — спросил его.

— Сказано! — начал он — Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Нельзя такое выпускать в мир.

Я рассмеялся — Одна тысяча восемьсот тридцать первый год. Виктор Гюго. Роман называется Горбун из Нотр-Дама де Пари. И к стати вполне вероятно что и цыганка Эсмеральда, и горбун Квазимодо, и архидьякон Клод Фролло вполне реально жившие персонажи. Так что нельзя? Если это уже несколько десятилетий есть.

— Жаль Эсмеральду. — вздохнула гостья.

— А что с ней случилось? — спросила мамка.

— Казнили. — коротко ответил я.

— Петр — вмешалась в разговор матушка — ты уже весь светишься. Тебе надо успокоиться, иди лучше спать.

— Да. — ответил я матушке, разглядывая слегка светящиеся в темноте руки — Песни могут выматывать. Господа! Прошу прощения, но мне действительно нужен отдых. Тетушка Лена до свидания.

— Лиза, — спросила тетушка Елена — что происходит с Петром?

— Он в разнос пошел, — со вздохом ответила Елизавета Петровна — с ним в эти дни часто такое происходит, когда силу свою применять начинает. Как будто сила его, над ним верх взять хочет.

— И ты так спокойно говоришь об этом? — удивленно посмотрела на нее тетушка Елена — Надо что-то делать.

— А что делать? — устало спросила Елизавета Петровна — Ты же помнишь, Петр и раньше таким был. А сейчас, после того случая совсем неуправляемый. Он скрытный какой-то стал, что-то делает, а что не говорит. Такое впечатление складывается, что знает он что-то, а поделиться этим знанием не может или не хочет. И эта его мания все делать хорошо для других, в страх ввергает. То что он считает хорошим, неправильно в начале для всех звучит. А потом уже поздно разбираться становится, слово уже сказано и дело сделано. У него какие-то другие понятия об окружающем, плюс эта его скрытность. Нет взаимопонимания между нами.

— Как же вам тяжело наверно. — заговорила гостья — Не знаю, как же можно растить и воспитывать таких гениальных детей. А тут еще и эта непонятная сила.

— Ох, Ольга Николаевна — заговорила мамка — молоды вы еще. И не понимаете, что все дети такие. Ничего свои появятся и все поймете. Петр сколько раз розги получал за свои гениальные выходки. Все дети гениальны в незнании своем и стремлении познать все. Для этого неведомые силы не нужны. Хорошо хоть с малых лет его приучили серьезно относиться к начатому делу. А сейчас Петр разозлился из-за того что у него что-то не получалось из задуманного. Вылечил он вас, но вот, как всегда, сделать хотел все наилучшим образом. Так, как он понимает это, а знаний видимо не хватило. Вот и взбеленился, и стал свою силу в полной мере использовать. Вы ведь все почувствовали, как все вокруг изменилось, когда он стал использовать свои возможности в полную силу. А раньше такого не было. Видно по чуть-чуть ими пользовался. Да и заметили мы, когда он силу свою выше какого то предела использует, то сильнее становится. А он еще и с прежней силой не освоился, а тут опять учиться контролировать ее надо. От того и раздраженный после этого ходит.

— Его высокопреосвященство отец Иоанникий, просил внимательно следить за состоянием Петра Алексеевича. — заговорил отец Александр — Он предполагает что граница стоит в душе Петра Алексеевича. И разделяет она его прежнего и его новую силу. — покачав головой и перекрестившись, продолжил — Не правы вы Елизавета Петровна. Сила не верх взять над ним хочет, а объединиться, что бы он цельным стал.

— И что же произойдет когда он станет цельным? — заинтересовалась гостья.

— Не время и не место таким силам сейчас на земле. — ответил запальчиво отец Александр — Такие сущности абсолютны во всем! Максималисты они. Как говорит Петр Алексеевич, если творить добрые дела, то так что бы никто обделенным не ушел. Подумайте сколько бед на земле это принесет. Рано ему еще крылья расправлять, мудрости набраться надо.

— Позвольте, а что тогда было на сегодняшнем представлении? — спросила тетушка Елена — Разве не крылья?

— Ребенок он еще. Играет. — вздохнул отец Александр — Он сам сегодня сказал, что миражи. Видно Петр Алексеевич наконец то решил не таиться, и тренироваться в контроле своих сил прилюдно. Спели бы они песни с внучкой бабки Марфы и все. Но вот только чужую боль он заметил. И простая игра превратилась, в серьезное дело. Небеса как будто испытывают его на прочность, пытаясь барьер его разрушить, новых сил прибавляя. Видно и там — святой отец посмотрел на небо — он наперекор всем идет, все по своему сделать пытается. Своей волей барьер он удерживает. Эх, насколько ему легче может стать, если таиться перестанет. А он все сам пытается делать, знания по капле выдает. И все старается так выдать, что бы в цельную картину они не сложились. Да, Елизавета Петровна он много знает, вы сами это уже слышали, но вот опыта у него нет. Не пророчества это были, а знания. — замолчав, святой отец стал смотреть на костер. Потом заговорил снова — Петр Алексеевич чувствует что-то. Торопиться стал. Все и сразу делать пытается, как будто к сроку определенному все намеченное сделать успеть желает. Как бы действительно в свою Сибирь не убежал. И что же она его так манит? Ведь не завоевывать ее он собрался, это он ясно всем сказал. Да и ссориться с Его Императорским Величеством не будет, все таки клятву прилюдно на кресте давал.

— Лиза, а ведь Петру уже двенадцать скоро будет — Заговорила тетушка Елена — давай подберем ему невесту и обручим их? Вмиг забудет обо всяких побегах в Сибирь.

— Или вмиг убежит за семь морей! — хохотнул дядька. — Он же вон заявил, что даже княжество для Елизаветы Петровны завоевать собрался. А не для себя, так как погулять еще хочет.

— Их Императорские Величества в судьбе Петра Алексеевича участие принять решили. — возразил отец Александр — Они возражать могут по поводу обручения Петра Алексеевича.

— Петр мой сын! — гордо вскинулась Елизавета Петровна.

— Елизавета Петровна, никто вас не собирает сына лишать. — замахал руками отец Александр — Да и сами подумайте, невозможно это. Он воин, а воины не отличаются ангельским терпением. Но все таки подумайте, Петр Алексеевич и им не чужой. Они тоже заботу о нем проявить желают.

— Хорошо, я поняла вас отец Александр. — ответила успокоившаяся Елизавета Петровна — Но свою судьбу Петр сам себе найдет, слишком своевольный он с рождения. Нам лишь остается, удержать его от опрометчивых шагов. И утвердить его выбор, если он правильный будет. Но он наплевательски относиться стал к сословным различиям. И раньше такое было, но хоть не так демонстративно.

— Вы меня извините, но я сейчас как врач говорю. — начал доктор, стараясь подобрать обтекаемые и не слишком болезненные для окружающих слова — У Петра выносливость запредельная, это вон Николай подтвердит. — и кивнул в сторону дядьки — А святой отец подтверждает что он воин, и еще и благословенный с силой огромной. — очередной кивок в сторону святого отца — Но не выдержит с ним долго ни одна девушка. А он скоро в силу войдет. Как бы действительно к мусульманам прислушиваться не начал.

— Да что же это вы такое говорите Ян Карлович! — запротестовал отец Александр — Как можно такие крамольные вещи говорить?

— Я врач святой отец. И говорю то что есть на самом деле. — ответил доктор — Вы сами сказали что у Петра есть знания. Значит он понимает что с ним происходит. И нет, мусульманином он не будет, но любовниц заведет. А зная его, то можно смело сказать что

их он официально в своем доме содержать будет. И детей если они появятся, признает. И его жене придется с этим мириться и с ними дружить его доля. Да и вам Елизавета Петровна как то смириться с этим придется, здесь сама природа свои условия диктует. Видимо у Петра и дети такие же одаренные будут. В противном случае умрет его жена, если не в первую ночь, то в следующие не выдержав его силы и напора. Назовет приживалок как-нибудь заковыристо, что бы общество не шокировать, и будут они жить в месте. Да вот хотя бы дуэньями своей жены, и все никто уже и возражать не станет. Вы вначале подумайте кто может выдержать такую выносливость и силу. Там ведь и до смерти за одну ночь все дойти может. С таким благословенным, только другой благословенный в гармонии жить может. А он изначально такой, где же еще ему такую найти? Вряд ли благословенные им, с ним же сравниваются. Но хоть шансов у них по более будет, что бы с ним жить. Это и к вам Ольга Николаевна относится и к тебе Николка, — обратился доктор к гостье и казачку — Нет для вас теперь подходящей пары. Потому видимо Петр и взбеленился, что понял это. Он ведь пообещал что будете вы здоровыми и счастливыми. Здоровье есть, а как счастье дать? Вот и потребовал от вас еще одну песню спеть. Он внимательно за вами наблюдал. А как понял что нравитесь вы друг другу, то начал плести свою интригу. Вот ведь интриган и сводник малолетний. Ну в самом деле Ольга Николаевна он же вам подсказку дал, что вычеркнули вас из семейных раскладов. Нет у вас обязательств ни перед кем, вы сами свою судьбу решать вольны. Нужна будет помощь, можете даже на меня ссылаться, я от своих слов не откажусь. Единственно что я бы поостерегся к Петру за помощью обращаться, тут даже угадать невозможно что он придумает. Вон посмотрите на отца Александра, даже его проняло от таких перспектив сомнительных. А по казачку и переживать нечего. Вся округа уже знает как Петр его наказать решил, вон — и кивнул на кучкующийся народ в стороне — девки на вас Ольга Николаевна из-за него с ревностью смотрят. Так что если надо будет, Петр точно найдет способ его в дворянское сословие ввести. У детей все всегда просто. Только не знает он, что дворянство, дворянству рознь. И подозреваю я, даже если бы и знал, то плевать ему на все эти условности. Иначе понимал бы, что княжество мало организовать, его еще и удержать надо, и признания добиться. Иначе княжества и сейчас бы как грибы росли.

— Это что же за благословение такое? — с возмущением заговорила мамка — Если надо на дню партнеров как перчатки менять! Или того хуже, по несколько человек в койку прыгать? Я ведь за Николая могу и все волосенки повыдергать.

Доктор развел руками и рассмеялся — Николаевна тебе то что волноваться, благословенные вы оба. Как жили так и будете вместе, в гармонии жить. Я про других говорю. Про тех, у кого пары своей нет. — и опять указал на народ во дворе — Но думаю пока проблем не будет. Петр благословит найденную вторую половину. Так что люди несчастными не будут. И с Петром, пока проблем нет. Ему еще минимум два года, до вхождения в полную силу. Вот только поговорить с ним как то надо, об этой проблеме. Сейчас как я понимаю нельзя, а потом может поздно стать. До привязанностей дело дойти может.

— И все таки, — спросил дядька — как теперь людям быть?

— Ну думаю не все так плохо как звучит. — задумавшись, стал разъяснять доктор — природа она ведь все предусмотрела. Разрешится эта проблема. Но вот нам думаю в обязательном порядке надо ввести возрастной ценз для благословенных. Не менее восемнадцати лет, или даже как во франции в двадцать один год. Что бы беды не случилось.

Здесь в имени думаю не будет проблем, хоть и много сейчас у нас детей. Но и взрослых, ответственных так же достаточно. И к стати это уже прямая обязанность церкви следить за подобным, ну и наша обязанность не меньшая. Мы ведь тоже все благословенные. Эта беда и по нам ударит, если произойдет что-то. Ну а нам с Николаевной как врачам, и святым отцам как наставникам придется наблюдать за всем этим, такие знания в будущем понадобятся. Количество таких людей ведь расти будет со временем. Не думаю что много, Петр явно не намерен всех подряд благословлять, но прирост все таки будет. Новые условия диктуют новые правила.

Гости в этот вечер засиделись допоздна. Так же спорили о разном, пели песни и обсуждали творящееся в мире и в империи. И соответственно те кто прибыли из дальних имений остались на ночь.

За завтраком ко мне обратился отец Александр — Петр Алексеевич, и все таки скажите как ваши песни исполнять можно без таких могущественных сил? Они ведь до сих пор, по прошествии времени звучат в душе.

— Вот так вот, за миражами и бутафорией не увидели истину. — хмыкнул я — Тут моя вина. Что бы что-то за душу цепляло, делать надо с душой. И всякие потусторонние силы для этого не нужны. Я говорил уже, что музыка и песни вполне земные, и инструменты для их исполнения вполне земные понадобятся. Уже сколько времени пытаюсь всем доказать что и без сил моих можно то же самое сделать. Вон пример, Федор уже восстановился, доведу инструменты и лекарства до ума, и доктор с мамкой к лечению приступят. А инструменты с лекарствами я с помощью сил своих делаю только из-за того, что время терять не хочу. — и вздохнул обиженно — Мало его у меня, нигде не успеваю. А так и кузнец с мамкой и доктором справились бы. Ну а с миражами тоже самое происходит. Прибудут нужные мне люди, и тогда я смогу осуществить еще одну мою задумку. Вот тогда и поймете, что для миражей силы мои не нужны. Нужен лишь творческий подход. Все ведь на виду лежит, бери и пользуйся.

— Петр Алексеевич, — заговорила наша гостья — вы можете объяснить что представляет собой благословение? А то таких страстей уже наслушалась, что и не знаю как жить дальше буду.

— Как жить? — со смехом спросил я — Счастливо! Хватайте казачка, скручивайте его в бараний рог и под венец пока не загулял. А то ведь уведут. Уж больно девки в нашем имении ушлые стали, смотрю так и норовят мужиков под каблук поставить. И не только крестьян, казаки вон как перед ними тянутся. Еще немного и вдоль забора украдкой проскакивать будут. Я если честно не сторонник организации личного счастья, на несчастье других. И не для того вам с казачком здоровье возвращал, и долголетие давал.

И посмотрев на доктора спросил — Заметили значит? Вы не совсем правильно понимаете что из себя благословение это представляет и как оно действовать начинает. Да и мне если честно не все понятно пока, не сам я его осуществляю. Ладно, чуть позже об этом поговорим, сейчас попробую объяснить что это такое. Благословение не действует сразу, а постепенно свою силу набирает. Я вам уже говорил об этом, иначе все от болей могли помереть. Само же благословение делает человека более совершенным. Нет не думайте, это не само совершенство в чистом виде. Да и жить нам теперь более ста пятидесяти лет. Мы растем и взрослеем, и даже стареем, но вот не дано нам дряхлеть. Все так же будем активны и бодры. Так что благословенные действительно не простые люди, отличия явно заметные есть. Мы все совершенными становимся, и боюсь что найдутся глупцы которые и будут

называть таких людей новым видом. И будут стремиться заполучить их в свою семью или даже государство, не считаясь ни с какими последствиями. Потому и осторожными надо быть благословенным с простыми людьми. Иначе быть беде. И отец Александр — доведите на верх — насилие над благословенными недопустимо, они способны ответить. Страшно ответить. Для того знания и силы им даны. Это как защитная реакция, само проявляться будет. Единственное, что сказать еще могу, все благословенные преданы нашей земле. Так что не покинут ее, жить и работать в Российской Империи будут и на благо ее. По поводу отношения к таким со стороны империи, не думаю что их надо вводить в дворянское сословие, достаточно просто приравнять к нему указом. Надо им будет сами добьются дворянского звания, им то это легко будет сделать. А вот учет благословенных и потомков их, надо ввести в обязательном порядке, на законодательном уровне. Я сам, первым в эти записи должен попасть.

— Это что же теперь, мы все привязаны к нашей земле? — удивленно спросила мамка — И никуда теперь и уехать не сможем? А как же ты теперь свое княжество завоевывать будешь?

— С княжеством все просто — ответил я — оно русским станет. И основу его как раз благословенные составят, которые со мной пойдут, ну и те кто лишними в Российской Империи окажутся. Ну и о том что все якобы к земле нашей привязаны. А куда нам ехать? В Европу или Англию? Так тесно там и душно, да и отношение к нам нехорошее. А у нас земель немерено, и просторно, живи и радуйся. Нет не нужна нам Европа, гнилая она и не уютная для нас. Ее даже завоевывать желания нет, противно. И вообще не стоит думать о всякой ерунде.

— Мамка! А ведь вас с дядькой поздравить можно. — сказал я со смехом — Ох и добавится вам теперь хлопот.

— Ах ты! — воскликнула мамка возмущенно — Это что же? Теперь, я его хворостиной, а он меня молнией в ответ?

— Мамка! — сообщил ей со смехом — Чего тебе то расстраиваться? Вы же с дядькой благословенные оба. Справитесь.

Все за столом стали поздравлять мамку с дядькой. Даже тетюшка Елена как то грустно вздохнула и сказала, что теперь у них точно все наладится и счастье в дом полной торбой войдет.

— Тетюшка, а ты чего это вдруг грустить стала? — спросил ее с ехидной улыбкой — За более чем сто лет, замучаешься грусть свою баюкать.

— Ах, ты паразит! — воскликнула изумленная тетюшка Елена — И до меня добраться успел. Это где я теперь своего суженого найду.

Я же только со смехом головой покивал. Потом сжалился над ней и сказал — А ты тетюшка по столицам покатайся и своего суженого поищи. А как найдешь, так хватай и крути его, и держи крепко. Что бы не сбежал! И сразу к нам его тащи. Тут в храме вас и обвенчаем, и благословение на него наложим. Главное, что бы муж был хорошим.

Все присутствовавшие за столом рассмеялись и стали сыпать шутками по поводу тетюшки Елены. Только наша гостья и казачек украдкой за столом, переглядываться стали.

— Отец Александр, — обратился я к святому отцу — мне в скором времени ваша помощь понадобится. Понимаете, благословение само по себе действует, через меня проходя. Я только и могу что управлять частично им. И мне это не нравится. Оно должно полностью мне подконтрольным быть. Боль всем предназначенная ерунда, я ее удержу в

себе, да и оно мне поможет. Но вот силу увеличивающуюся боюсь не удержу. Не забывайте, что изначально это боевое умение. Это как с миражами вчера было. Они для боя предназначены, что бы запутать и ввести в заблуждение. Вот вы и попались на этом, по эмоциям вашим удар пришелся. От того и не слышали вы музыку и песни, а только увидели. — и рассмеялся — А так наверное и гнилыми яблоками закидать могли.

— Ты не прав Петр, — перебила меня тетушка Елена — представление красивое и красочное, конечно, получилось. Но музыку и песни мы слышали. И поверь они нам понравились. Звучание непривычное, конечно, но от того еще более привлекательные твои песни стали. Вот мы и хотим разобраться как добиться такого звучания.

— Тетушка, пощадите! — вскинул руки над головой — Ну откуда я знаю, как этого добиться? Я же не музыкант все таки. Знаю лишь, что к каждому представлению в музыке свои требования выставляются. За столом в хоровом пении, свои требования. А на сцене театра другие. Вот и я выставил музыку по своим требованиям, тут наверное сценические требования должны быть. Вот как представляю звучание своих песен, так и выставил. Ну вот как словами объяснить то, что не знаешь, да и еще забудешь?

Все за столом рассмеялись. А гостья, покраснев, произнесла — Я бы еще ту песню спела.

— Да? А с кем? — заинтересовался я. Гостья совсем засмутившись отвела взгляд.

— И я бы спел. — со вздохом сказал Николка казачек.

— А ты с кем ее спеть хотел бы? — уже хмуро спросил его.

— С Ольгой Николаевной. — ответил казачек, глядя мне прямо в глаза.

Откинувшись на спинку стула спросил его — Так почему не добиваешься расположения ее? Что бы всегда, вместе, как раньше, песни петь и за столом сидеть.

— Петр Алексеевич! — изумленно посмотрел на меня казачек — У нас же сословия разные.

— Угу. — закивал я головой, и посмотрев на отца Александра заговорил — Скажите вам отец Иоанникий не рассказывал что с кружкой произошло, когда только намек на угрозу мне и моей семье прозвучал?

— Отец Иоанникий блюдечко с той пылью у себя в кабинете на столе держит. — ответил отец Александр — Как напоминание.

Демонстративно отведя руку в сторону, я огляделся вокруг. Пыль находящаяся вокруг поднялась в воздух, и заиграла искрами в лучах солнца. Потом собралась в виде туманной шашки у меня в руке. Никаких молний и огней Святого Эльма. Простая полупрозрачная, в туманной дымке шашка. Я взял ложечку со стола и стал остругивать ее шашкой. Как будто она из воска была. Потом встряхнул рукой и шашка развеялась. А я провел огрызком ложки по салфетке. — Вы только посмотрите! Острая. — сказал разглядывая разрез на салфетке.

— Ты ведь знаешь что меня дядька воинской науке учит? — спросил Николку — Он меня не строевому делу учит, а разведке в поле. Знаешь какое первое требование у разведки? — и помолчав посмотрел на дядьку — Контроль окружения. А с моими то способностями, только подумай какой контроль возможен? Я ведь не допущу что бы горе и несчастье в мое имение через разнузданность пробрались. Все что к этому ведет, я вижу и слышу! — и отдал казачку в руки огрызок ложечки — Прекращайте думать критериями мимолетной жизни. У вас уже не годами жизнь измеряется, а чуть ли не столетиями. У всех, в имении живущих. Нет над вами сословного давления. Над вами благословение довлеет, и свои правила диктует. Надо будет, так и десять лет в месте с избранницей своей добивайтесь

своего права быть вместе. Вы главное не спешите. Счастье оно ведь и мимолетной вертихвосткой обернуться может. Коли будете украдкой и торопясь, по углам его искать.

— Отвлеклись мы. — продолжил я — Отец Александр, мне тренировки в благословении нужны. Скоро открытие Академического городка будет. Я так понимаю что где-то в августе. И там наверняка будут представители императорской семьи, если не сама семья. Мария Федоровна ведь патронаж и надзор теперь осуществлять будет за корпусом сестер милосердия. Так что вероятность прибытия императорской семьи с наследниками очень высока. И на открытии обязательно будет молебен, на котором будут присутствовать все ученики. Ведь обязательно попросят провести благословение во время молебна. Потому и говорю что мне тренировка нужна. Вот например я уже говорил каких людей жду, список у вас есть. Почему бы вам не провести молебен в их присутствии, я же в это время смогу провести благословение. Поверьте прибывшим оно просто необходимо. Вторую тренировку совместно с молебном можно будет провести в присутствии Сергея Александровича Романова, он ведь обязательно с семьей прибудет. И тогда мы будем уверены что молебен и благословение в присутствии императорской семьи без срывов пройдет.

Не будет в этом мире канонизированной святой Елены. После моего благословения никакая святость не поможет, оно повыше уровнем будет. Да и компенсацию я этому миру, кажется, приготовил. Будет святая Бабушка Марфа, пусть и не канонизированная. Зато из народа и по настоящему православная.

— Петр Алексеевич, на открытии Академического городка могут присутствовать представители иных государств и конфессий. Как с ними получится? — спросил отец Александр — Ваше благословение судя по вашему рассказу очень неоднозначное получается.

— Иностранцы для меня никто. — ответил ему — Не будет им моего благословения. Я не святой, что бы всех благословлять. Иные конфессии на земле нашей живут, и на благо нашей Империи служат. Тут для них нет противоречий. Благословение на противоречиях держится. Так что все нормально будет. На чуждый для установок народ, благословение не должно ложиться. Иначе и прибить может.

— Петр, А как же быть с Великой Княгиней Ольгой Константиновной и ее дочерью Александрой Георгиевной? — спросила тетушка Елена — Они ведь сейчас в Санкт-Петербурге и наверняка захотят присутствовать на открытии Академического городка. Ты тоже их не будешь благословлять?

— Ольга Константиновна тетка моя по крови, а Александра Георгиевна сестра мне. — ответил тетушке — Тут уже для меня нет противоречий. Так почему я должен ущемлять свою родню?

— А греческий король Георг Первый? — не отступала от меня тетушка.

— А кто он мне? — в ответ спросил ее — Только по просьбе Ольги Константиновны проведу персональное благословение. Тут тоже нет для меня противоречий.

Матушка ахнула — Петр, как ты можешь так говорить о короле?

— Я вообще-то живу в Российской Империи, и являюсь подданным Российского Императора. — упрямо посмотрел на мать — Мне нет дела до них! Будь то греческий король, Император Австро-Венгрии или Английская королева. Тем более Англия с Австро-Венгрией хорошо отметились в Крымской войне недавно. А королева Виктория просто прекрасная наша союзница! Взяла и утвердила крест отлитый из пушек полных кровью Севастопольцев. Заявляю сразу. Будучи подданным Российской Империи, действовать в

интересах враждебных нашей Империи государств не намерен. — и ехидно улыбаясь, продолжил — Я ведь воин, и у меня всегда найдется чем ответить на любое принуждение. Добавь ограничений к имеющимся, что бы совсем невыполнимыми были, и благословение проклятьем обернется. Или того хуже, сними все ограничения. И тогда посмотрим как окружающие взвоят от ужаса и боли.

Мамка с матушкой смотрели на всех с испугом. Дядька лишь головой покачал и махнул рукой — Бесплезно убеждать. Уперся. Будем продолжать и он станет расписывать эту тему до тех пор, пока не разбежимся. Давай лучше о действии благословения разьясни. Не проклятья, а именно благословения.

Я рассмеялся — Ну благословение, так благословение. И зря ты так мамка на проклятие реагируешь, им ведь тоже лечить можно. И даже качественно лечить.

— Петр! — пристукнул ладонью дядька по столу — Я ведь вижу что запугиваешь просто из своего упорства и озорства.

— Да что там рассказывать? — возмутился в ответ — Я воин, но нейтральный ко всем. Я нахожусь в некоторой области спокойствия, в мире со всеми. Вера меня из нейтрального положения выбивает. Правда силой одаривая большей чем у меня есть. Только вера меня сильнее делает, будоражит, вот печет прям. Но силой пользоваться уметь надо. А как я смогу ей пользоваться если с прежними силами управлять не научился? Вот и думаю что когда служба идет, мне той силы самую малость перепадет. И я смогу более спокойно благословение провести, оно более послушно моей воле будет.

— Ошибаетесь Петр Алексеевич. — покачал головой отец Александр — При таких службах большое скопление народа будет. Так что и веры будет много. Да и как быть с таким количеством благословенных?

— Служба дает направление, куда реке веры течь. — ответил я — И я так же как и вы не заинтересован в появлении такого количества благословенных. Тем более если они не наши. А так, если я даже всю губернию разом благословлю, то на общем фоне Российской империи это меньше чем капля в море будет. Потому и говорю достаточно их к дворянству приравнять. Если расселить их от Киева до Хабаровска, то и незаметны они будут. Ну дураков немного поучат, так дураки на то и нужны, что бы умные на их ошибках учились. И указ про благословенных в этом деле в самый раз будет. А собрать вместе всех, тоже ничего плохого не будет. Не так уж и много они земли займут. Вольются они в общество достаточно легко. Зато, такие благословенные очень сильно помогут Сибирь освоить, да и с собой я многих заберу, как время придет. Само же благословение следующим образом действует. Ну я во всяком случае попробую объяснить как сам это понимаю. Проходя через меня оно на указанных людей распространяется. И вот тут я могу задавать какие-то условия для него. Не полностью, но все таки достаточно что бы пользу получить. Умение, к сожалению, боевое и приходится на себя боль другим предназначенную принимать, но благословение меня же и лечит. И с каждым разом в этом плане мне все легче и легче. Единственное, что приходится из худшего лучшее выбирать по отношению к людям.

— Петр. — возмутилась матушка — это когда мы стали для тебя худшими?

— Я воин. — ответил я виновато — И как я могу обозначить применение боевого умения, по отношению к близким? И расплата для меня тоже идет, боль то я на себе испытываю. А вы получаете долголетие и здоровье. Правда с долголетием не все так просто.

Замолчав, ненадолго задумался. Мне кровь из носу надо обеспечить жизнь Александру Третьему до одна тысяча девятьсот первого года. С ним легче в открытую говорить. С

Николаем это невозможно. Его клонит туда, куда ветры дуют, а шептунов вокруг него будет много. Я тогда все время рядом с ним должен быть. Невозможно такое для меня. Жаль что Георгий второй в очереди. Так что сейчас удочку по поводу благословения и закину. Думаю приедут они на открытие. А с другими желающими плюшки получить поступлю просто. Я их проигнорирую.

— По идее мы можем и до трехсот лет жить, или больше. — продолжил через какое-то время — На практике этого не получится. Там со всей жизнью благословение связано. Так что получить идеал, можно наверное если младенца благословить, и в идеальных условиях его всю жизнь содержать, как в аквариуме. Нереально это. Будут и лень, и огорчения, и вредные привычки или работа. Много чего будет, да и устать человек от долгой жизни может. А это все сказывается на долголетию. Одно скажу точно, благословение выведет на правильный уровень развития человека. И не позволит ему дряхлеть. Так и проживет столько сколько сможет, полностью активным.

Помолчав я решил закончить разговор, а то он так и до вечера тянуться будет. А мне еще много чего сделать надо. Я уже сегодня планировал ветряк поставить для зарядки свинцового аккумулятора. Завтра думаю уже и Федора можно будет лечить начать. Доктор во всяком случае говорит, что все в порядке с ним, и можно приступать к лечению.

Гатчинский дворец. Приемная Марии Федоровны.

— Ваше Величество, — обратилась одна из фрейлин к Марии Федоровне — благодарю вас за данный совет. Петр Алексеевич действительно помог моей племяннице.

— Вот как? — сказала Мария Федоровна — известие уже и до вас дошло? И что же вам написали?

— Я признаться и не знаю как реагировать на это сообщение. — растерянно ответила фрейлина — Они там песни пели, и Оленька выздоровела. Петр Алексеевич благословил ее. Но про это благословение такие страсти ей рассказали, просто ужас. И еще на беду она к казачку прикипела. Вся семья в шоке находится. А Петр Алексеевич над ними покровительство учинил, и еще тетка ее Елена потакает ей в этом деле. Мы даже не знаем что делать. Вся семья будет покровительства и защиты у вас просить.

— Мой супруг, тоже решил покровительствовать Ольге Николаевне и казачку. — покачав головой ответила Мария Федоровна — Но и условие выставил что бы он сам права добился стать супругом ей. А на это время нужно, и не малое. Будем надеяться, что все образуется. И без нашего влияния. И кто знает, может и правда это судьба их. Петр опрометчивым в этом деле не должен быть, серьезно он к этому относится.

— Знаешь Мария, — произнесла Ольга Константиновна — Я наверное с Александрой вместе с отцом Иоанникием в имение к Петру поеду. Буду там Сергея с Эллей, и Павла дожидаться. Надо мне собственное мнение обо всем составить.

— Ольга, ты никак Александре жениха подыскивать начала? — усмехнулась Мария Федоровна — Или то же благословение получить захотела?

— Судя по последним записям, мы и так благословение получим. — махнула рукой Ольга Константиновна — По-родственному. С Александрой такая партия заманчива, конечно, станет, если он княжество заполучит. Но понимаешь, Петр ее сестрой назвал. Думаю твердых он взглядов. Более никак ее воспринимать не будет. Меня другое настораживает, он отрицательно к другим домам настроен. Упустили его воспитание, сможем ли исправить? Надо с его близкими говорить, только через них возможно его взгляды изменить. Никто кроме нас, женщин этого сделать не сможет, и Александра тут

помочь может. Посмотрю его первую реакцию на наше прибытие, и с матерью его познакомлюсь. А вообще очень уж хочется концерты в его исполнении послушать.

— А что думаешь по поводу сил благословенных в супружеской жизни? — спросила Мария Федоровна.

— Ну у нас эта проблема если и всплывет, то нескоро. — рассмеялась Ольга Константиновна — А вообще думаю действительно, правильно будет если поставит для них ценз в двадцать один год. Не забывай Петр намерен и нас благословить. И судя по всему сам Петр погулять еще хочет. Не думаю что разные предложения ему настроение поднимут. Вот только где ему пару найти? Неужто действительно пару приживалок заводить ему придется, к законной жене. И как тогда быть нам? Новые законы писать. А если и наши мужья такими же ненасытными станут?

— К ненасытным мужьям, будут соответствующие жены. С помощью Петра. — рассмеялась Мария Федоровна — А вот по поводу ценза и приживалок надо будет с Александром и святыми отцами поговорить. Не всегда, и не везде Петр сможет вторую половинку благословить, а при его отношении к правящим домам тут очень все серьезно становится. А такой откровенный разврат и загул просто не допустим. Тут точно до беды недалеко.

— Ну насколько я помню из выписок. Петр прекрасно продемонстрировал свое отношение к этому в своем имении. — покачала головой Ольга Константиновна.

— Ты не понимаешь, свое отношение он показал по отношению появления горя и боли. — ответила Мария Федоровна — А если горя и боли не будет, то и реагировать он не сможет. А это уже очень плохо, и не допустимо. Знаешь, а мать Петра ведь тоже благословенная, и мамка с дядькой. Но еще его мать и одинокая. Поговори с ними откровенно, что они ощущают. Может и подскажут как быть. Да и святые отцы с доктором под благословение попали, тоже могут дельный совет дать.

— Хорошо. — ответила Ольга Константиновна — Так и поступлю.

Подготовка и сама операция Федора прошли обыденно. Все необходимое я изготовил. Даже внутреннее его здоровье перед операцией поправил. Мне обязательно надо было добиться, что бы мамка с доктором без мистических сил его излечили. У мира должна быть альтернатива. Иначе новые дворяне появятся. По этому поводу даже разговор произошел с присутствующими в имении.

— Петр, — заговорил со мной Ян Карлович, а все заинтересованно стали прислушиваться — ты же всех благословил. Федор и сам выздороветь мог. Почему настаиваешь на операции?

— Я не могу весь мир сделать благословенным. — пришлось объяснять всем — И тем более не знаю, появятся ли такие же как я, среди благословенных, но вероятность такая есть. Хоть и ничтожно малая. Вы хоть представляете какая охота за благословенными начаться может? Да только Ватикан, много бед может организовать нашей империи из-за благословенных. А именно я и вы все являетесь спасением земли русской. Вот только я смотрю многие забывать стали крымскую войну, и причины по которой она началась. А сейчас опять Россия на первые позиции выходит. Благословенные не решат вопроса в будущем конфликте. Мало нас, а делать всех подряд такими я не намерен, пупок развяжется. У меня тоже пределы есть. Но у России есть и альтернатива, стремительное промышленное и научное развитие. С помощью него и без нас можно обойтись, наука те же проблемы решает. Мне необходимо доказать, что наука первостепенная задача развития Российской Империи. И и двигаться она может только как государственная политика, а не за счет энтузиастов от науки. Таких, как Ломоносов, Стебут, Костович и Менделеев. По этому Федор получит благословение только после излечения. Вы его вылечите! И без всяких мистических сил. Я сделаю все что бы Россия стала защищенной с помощью промышленного развития, а не горстки благословенных. Мы так, приятное дополнение к общему развитию.

— Так вот почему ты постоянно твердишь, что, то же самое можно и без тебя делать! — заговорил дядька — Хочешь убедить всех, что благословенные не решение проблемы? И без нас так же можно жить.

— Да. — ответил глядя в глаза дядьке — Не нужно нам излишнее внимание. Мы для спасения России пришли, а не для разгульного развития чуждых, и более того враждебных ей народов.

— Люди на личные достоинства смотрят, Петр Алексеевич. — покачал головой отец Александр — Им личное бессмертие, здоровье и власть нужны. Ошиблись вы. Ватикан уже требует отправить вас на обучение в правильное учебное заведение. Грозить стал, что весь католический мир на вас с надеждой смотреть начал.

Я даже засветился от ярости и возмущения — А кто они для меня? Мне до них дела нет! А будут угрожать! Так я ведь и действительно могу попробовать дать бессмертие. Будут вечно глухие, слепые и парализованные, но относительно бессмертные. До тех пор, пока кто-нибудь не прибьет их, из сострадания.

— Петр, — возмутилась матушка — что такое ты говоришь!

— Не забывайте я воин, пусть и слабый пока. — с яростью ответил — Не знаю кто и что, там надумал, — посмотрел на небо — но не дано мне в обороне за стенами сидеть. Не

могу защитить, зато уничтожить легче легкого для меня. Мои умения боевые. И кто сказал, если я такой, то других защитниками не могу сделать? И боевыми умениями по-разному пользоваться можно. Даже проклятья с умом для лечения использовать можно.

Находящиеся рядом со мной сидели шокированные. Видно только сейчас стали понимать с какими силами играть начали. Я посидев и успокоившись заговорил — Все хватит! Не знаю что там небеса планируют, но для меня только Россия существует, и они мне не указ. А матушка знает, я всегда историю любил изучать. И прекрасно знаю, что друзей и братьев у России нет, только вынужденные или примазавшиеся попутчики возможны, хуже того пиявки. Прекращаем этот разговор. Ян Карлович, мамка, вы готовы операцию проводить? Главное не волнуйтесь, я так же рядом с вами буду, всегда помочь смогу.

— Через два часа все готово будет. — покачав головой ответил Ян Карлович.

Ветряк поставленный мной в имении исправно давал электроэнергию, аккумуляторные батареи всегда были заряжены. И я все таки сделал небольшую морозильную камеру. Энергии ветряка вполне хватало на нее. Наверное, каждый в имении посчитал своим долгом заглянуть в нее и «погреться». О лампе накаливания Эдисона уже два года как знают, так что я смело изготовил несколько ламп своими методами. Описание технологии больше времени заняло. Лампы работали от батареи аккумуляторов, в прочем, как и морозильная камера. Да и дрель используемую для установки аппарата Илизарова Федору, мы спокойно смогли использовать, без перебоев. Гости постоянно прибывающие у нас недолго удивлялись увиденным чудесам. Очень быстро такие вещи становятся обыденными. Больше разговоров ушло на организацию всяких товариществ, по производству таких вещей. Но зато у меня появились последователи, замечу не обработанные мной, в области образования населения. Не эти которые в народ пошли, и там судя по всему заблудились, а те кто стал сторонником планового образования. Мастеров по изготовлению, обслуживанию, ремонту и установке нет. А иметь такое оборудование все хотят. Я же пригрозил, что и на дуэль вызову, если меня попросят кому-то установить, такие же устройства.

Вот и еще один кирпичик у меня появился для кинопроектора. Не буду теперь свечи в нем использовать, а значит и фотопленка периодически полыхать не будет. Ну и не обошлось без пиара нашего имения в газетах обеих столиц. О чудесах науки и техники у нас. Кто-то очень грамотный в советниках Его Императорского Величества находится. Найти бы его, и побеседовать с доброй улыбкой на лице и молнией в руке.

А вот с купцом морока вышла, я думал прятаться от него придется. Но потом плюнул на все. И ему аккумуляторные батареи с ветряком, лампы и морозильную камеру изготовил для лавки. Правда пришлось в Калугу к нему съездить для установки. В Калуге уже смеяться начали, что сам князь изделия ему привозит. А то, мол, казаки все в пути отбирают.

Я вообще в последнее время со страхом смотрю на купца и большую пачку телеграмм любовно складываемых матушкой. Я ведь с дуру, собрал громкоговоритель и песню на все имение напел. Правда народ почему-то разбежался. А думал наоборот соберутся послушать. Потом узнал, что он орет и хрипит что-то непонятное, и до жути страшное на сотни метров вокруг. Пришлось его до ума доводить и к граммофону приделывать. Теперь у нас по утрам музыка на все имение орет. Купец с завистью на это безобразие смотрит, когда приезжает, но пока молчит. Вот точно говорю, он уже рекламу придумывает. Знания то у него есть, только не знает он о них.

И наконец то к нам приехали так долго ожидаемые мной фотограф с детьми, часовщик

и Болдырев Иван Васильевич. Пришлось в срочном порядке организовывать наглядные пособия для разговоров и демонстрации. Святые отцы разве что руки не потирали в ожидании новых и рукотворных чудес.

— Иван Васильевич, — начал я разговор с прибывшими, когда мы рассматривали образцы выставленные на всеобщее обозрение — сразу говорю я не против вашей личной работы на ниве изобретений и новых разработок. Более того, все ваши открытия в ближайшее время, будут оформлены для вас как привилегии, хотите вы того или нет. Но у меня к вам просьба. В округе, в ближайшее время ожидаются большие изменения. Да и гости не обычные ожидаются. У меня из-за этого, просто катастрофическая нехватка времени образуется. Да и не хочу я только теми делами заниматься, которые другие разработать могут. Предлагаю вам с мастерами подобранными для этого дела заняться изучением идей которые у меня появились, и если это действительно возможно, разработать и внедрить новые и передовые изделия. От них при удачной реализации, только престиж Российской Империи увеличится, как передовой и развитой империи. Да и слава разработчика новинок, с чудесами сравнимая думаю вам тоже приятна будет. И свои разработки тоже не забрасывайте, может ваши много лучше моих окажутся.

— А мы можем ознакомиться с вашими идеями? — спросил Болдырев.

— Так вы уже этим и занимаетесь. — усмехнувшись ответил ему. И указал на изделия и тетради лежащие на столе. Святые отцы потянулись к тетрадям.

— Святые отцы давайте не будем спешить. — пришлось остановить их — Давайте выслушаем мнение специалиста в этом деле. Прошу вас Иван Васильевич. — и обвел окружающее рукой.

— Петр Алексеевич, — заговорил Болдырев — зная из печати о ваших открытиях, и видя наглядно все это в вашем имении, я думаю, что потеряю много времени начав изучать ваши задумки. Давайте вы расскажите нам вкратце, что вы хотите получить.

— Ну если только вкратце, — заговорил с сомнением — впрочем можно еще и некоторую демонстрацию устроить. У вас достаточно большой опыт в области фотографии. И вы прекрасно понимаете все недостатки современного фотодела. Вот и задумал я облегчить работу фотографа, а в результате получил интересные результаты, ведущие куда дальше чем простая фотография. Одну из проблем в фотоделе я вижу в быстром затворе. Так же нравится мне, долгая выдержка на фотоаппаратах. Мне нужно, что бы выполнялось условие. Навел, сделал снимок, ищи следующий интересный кадр. И все это должно проходить быстро и обыденно. Не важно что вы снимаете, ласточку в небе, или корабль в море. — и взяв одну из тетрадей, открыл на нужной странице — Тут у меня вот есть несколько идей, с помощью шторки или лепесткового затвора можно решить эту проблему. Что шторка, что лепестки прекрасно должны справляться. Правда лепестки сложнее в изготовлении и настройки выдержки, но более компактны и надежны. Проблему с фокусировкой уже решил наш стекольщик, думаю вам было бы неплохо с ним поговорить. — и взял другую тетрадь показав записи в ней — С пленкой, светочувствительностью и проблемами скручивания, тут не знаю. У меня свое решение есть, но насколько я знаю, вы тоже решили эту проблему. — и показал рукой на другую тетрадь — Так что здесь вам решать какой метод лучше. Главное в кратчайшие сроки проблему решить. У вас не более двух недель на это. Через две недели пленка с нужными мне параметрами должна быть, как и фотоаппараты. И вот еще что, — я достал, первую тетрадь перелистнув на нужную мне страницу — Ознакомьтесь с этой идеей. Тут описан способ использования пленки в

кассетах. Очень полезно для фотографа, когда он в поле. По затвору, тут вам Савелий Петрович Мещерский поможет. Правда мне еще с ним поговорить придется по поводу механизма для другой идеи. Но тут все взаимосвязано, вам это тоже интересно будет.

Замолчав, я подошел к монструозному ящику стоящему в затененном помещении в виде навеса. — Вот посмотрите тоже неплохое приложение к фотоделу. И ведь совсем простое устройство, точнее три устройства. — я включил лампочку внутри ящика — Это проектор. Пришлось делать три в одном. Зато прекрасно продемонстрирует мою идею, которую я и хочу воплотить в жизнь за эти две недели. Начнем с простейшего. Как вы знаете с помощью зеркал и линз можно многого добиться. Даже легенда есть про Архимеда, который флот спалил с помощью зеркал. Вот смотрите. — и подняв верхнюю крышку положил раскрытую тетрадь на стекло под ней. Луч света бивший в стену из одного бока в стену навеса изменился. И на стене появилось крупное изображение написанного в тетраде. — Как видите прекрасно все видно и даже читать можно. Удобно ведь, а если то же самое делать с пленкой на которой есть изображение? Мне, к сожалению, пришлось переделывать обычный фотоаппарат, и фотографии делать в помещении на имеющуюся пленку с ручной протяжкой после долгой выдержки. Потому и говорю, что срочно надо решать вопрос с мгновенной выдержкой на пленке при съемках. Но все таки каков эффект! — в боковине ящика. С обратной стороны от передающей линзы выдвинул устройство напоминающее наш, советский диаскоп. Многие его должны помнить из своего детства. И стал прикручивать к нему колесо с ручкой. Как у швейной машинки. — Да, не надежная еще конструкция, и пленка не подходящая. Но ничего, для одной, двух демонстраций хватит. Это к стати диаскоп доведенный до состояния кинопроектора. Сейчас продемонстрирую. Я тут у матушки ее любимую куклу сфотографировал в разных позициях с помощью среднего сына нашего фотографа, смотрите. — И стал по кадрово прокручивать пленку. — На стене появлялись кадры куклы, где она сидит или стоит. — Ведь просто правда? Но, вот известен еще с древнего Египта и древнего Рима, один удивительный эффект. На папирусную бумагу наносили повторяющееся изображение какогонибудь животного. Только с разных позиций, как у меня с куклой на пленке. Потом склеивали концы бумаги в виде цилиндра. На одном конце цилиндра крепили диск с прорезями в виде изогнутых лопаток. По центру диска ставили иглу и уравнивали всю эту конструкцию. Далее ставили на светильник. Теплый воздух от него проходя через прорези диска, заставлял двигаться диск. И тогда наблюдалось движение животного. Изображение оживало. Давайте я продемонстрирую этот эффект на своем проекторе. — Прокрутив пленку в начало, я опять включил лампочки на проекторе и диаскопе. И быстро прокрутил пленку с помощью ручки — Кукла ожила на экране. Она садилась, вставала, поднимала руку и поворачивала голову, разве что не говорила с экрана.

Народ наблюдавший за действием под навесом ахнул, а те кто подошел ближе к экрану, шарахнулись в попытке отбежать. Многие начали креститься и читать молитву. И что бы не началась паника, я обратился к святым отцам — Отец Александр я обещал вам, что продемонстрирую возможности науки и техники? Обещание выполнено. Как видите нет необходимости использовать мистические силы для создания образов. Ну а к звукам у нас в поместье вы уже давно привыкли. — посмотрел на тарелку, динамик которой висел во дворе. От рупора я отказался. Он звуки жуткие издает, хоть и орет на сотни метров. Для него нужно кучу оборудования изготавливать. А время для него не пришло. Попов пусть изобретает, ему нужнее.

— Значит не понадобится такое оборудование купцу? — хохотнул Елисеев — Ой

ошибаетесь вы Петр Алексеевич. Он же теперь не уедет из поместья, пока такое же не получит для лавки своей. У него уже не простая лавка, а какая-то лавка чудес.

— Значит этого монстра ему отдам. — со смехом ответил ему.

Все знающие подоплеку разговора рассмеялись, поняв какие муки будет испытывать купец от общения с казаками.

Еще при беседе с приезжими мастерами выяснился очень интересный момент. С ними всеми побеседовали чины из жандармерии и святые отцы. И рекомендовали прибыть в имение, для совместной работы со мной. И с купцом, стекольщиком и ювелиром так же беседовали, и даже какие-то льготы пообещали. Это мне часовщик рассказал. Он даже со смехом отметил что купец, потребовал что бы вместо льгот его от разбоя казаков оградили. И все новинки от нашего имения по одному образцу для его лавки предоставляли. Как он выразился: «Что бы честной народ смог такую красоту увидеть!».

Видно совсем казаки его замордовали. Где это видано, что бы купец от дополнительной прибыли отказывался? Да и видно идея фикс по предъявлению народу всех новинок в своей лавке, в навязчивую идею переросла. Наверное, я где-то напортачил со знаниями для него. Уж больно похожа его идея на создание супермаркета. Только купец не осознает этого. Даже на увещевания святых отцов, что он так прибыль теряет, купец ни в какую не реагировал. Все на своем стоял. Но и это на купца положительно сказалось. В Калуге и в купеческой среде он большое уважение получил. Правда шутки про войну купца и казаков еще больше разрослись и вышли за пределы Калужской губернии. Даже в обеих столицах в газетах эту войну описывать стали.

Я же переговорив с ними, договорился с фотографом, что он оставит у нас в имении своего среднего сына Тулепова Василия Осиповича. Старший у него уже с отцом работает. А средний хоть и обучен полностью, но пока не приделе. Да и неусидчив он, не усидит в фото мастерской. А мне как раз такой и нужен. Часовщиком оказался приезжий из Польских земель, и обучавшийся изготовлению часовых механизмов и ремонту где-то в Германии Савелий Петрович Мещерский. Он оказался холостяком и легок на подъем. Да и дополнительно на инженера в Германии учился. Так что с радостью согласился остаться в имении и помогать мне в моих работах. Вот с ним то мы и стали обсуждать и готовить нужные мне механизмы, имеющие часовой завод и строго выверенный шаг раскрутки. Теперь никто не скажет что я заранее что-то сделал, и подложил готовый результат. Так-то все и так подозревают это, но теперь доказать не смогут, пусть даже если все знают про благословение. Благословение вещь настолько неопределенная, что утверждать что-либо конкретное просто невозможно. А подозрения и разговоры с догадками к делу не пришьешь. Обо мне каких только слухов по округе не ходит, сам слышал. Так что одним больше, одним меньше разницы никакой. А после переезда среднего сына фотографа, я уже смог незаметно и без спецэффектов вложить им нужные знания и поправить здоровье. Думаю когда придут все нужные мне люди и благословение проведу. И наконец то святые отцы привезли заготовки под будущие фото пленки на шестнадцать и тридцать пять миллиметров, и бюллетени по сухой фотоэмульсии. А так же мне сообщили что есть возможность заказать уже готовую фотоэмульсию для последующего нанесения ее на подложку. Но решение этого вопроса я полностью на Болдырева скинул. Способы решения скручивания пленки после нанесения на нее фотоэмульсии пришлось описывать самому, хотя у Ивана Васильевича так же было свое решение. Лучше или хуже, тут не знаю. Вот и расписал свое решение проблемы, а он сам решит что нужнее. И соответственно делиться со святыми отцами

своими записями пришлось, это уже для них святое дело стало.

Ну вот и все, пазлы готовы и розданы соответствующим лицам, задачи поставлены. Осталось дождаться результата. И тогда у нас появятся кинокамеры двух типов большая и малая, и практически современный фотоаппарат. Меня в принципе малая кинокамера интересует, я ее хотел на дельтаплане использовать. Ну и еще подумываю сделать из хулиганства маленький фотоаппаратик, как прообраз будущих шпионских игр. Но пока не решаюсь, из меня же веревки вить начнут. Я тогда только фотоаппаратурой заниматься буду. А как же княжество для себя завоевывать тогда?

А нас стали заваливать поздравлениями! Нас телеграммами замучили. Нет все таки я знал что у нас много родственников. Но не столько ведь! Родственники оказывается у нас, по всему миру разбросаны. И большинство как раз, от фамилии бывшего мужа матушки, прямые матушкины родственники поскромнее будут. Но матушка все таки довольна была, хоть и скрывала это. Признание для женщины это страшная сила. Я же пригрозил, если припрутся и будут сюсюкаться, молнией подпалю. Приехали? Добро пожаловать. Идите, ну в общем с матушкой беседовать. Матушка в первое время возмущалась и корила меня моим воспитанием. Иной раз и подзатыльники, а то и полотенцем по шее получал. Гости смеялись, когда слышали мои высказывания, Но и здесь все пришло в норму, и воспринималось как то спокойно. Главное, что меня перестали дергать с этими телеграммами. И все из-за того, что с какого то перепугу выпустили бюллетени еще до окончательной проверки моих утверждений. И окружающие их приняли без возмущений. Даже, то что они появились в результате хулиганских действий двенадцати летнего мальчишки никого не насторожило. А ведь об этом и не скрывали! Они приняты и точка! И то что под это дело нужны целые институты и десятилетия исследований никого не остановило. Это вообще за краем здравого смысла для меня стало. Даже Доктор на мои возмущения со смехом отвечал, что все правильно и все образумится. И вообще скоро самый ажиотаж начнется, когда узнают про новые лекарства и новый метод лечения. Кстати лекарства сделанные мной доктор с мамкой потихоньку и под моим наблюдением стали использовать, в том числе и нитроглицерин. И Федора, в том числе начали пичкать ими, правда под моим постоянным контролем.

Но самое удивительное пришла поздравительная телеграмма из Берлина, за подписью Императора Вильгельма Первого и Канцлера Отто фон Бисмарка. Они то здесь причём! Наверное, у них есть информация, что я родился, и до четырех лет жил в Германии. Больше объяснений у меня нет. Что удивительно телеграмма пришла напрямую из Берлина, в обход канцелярии ЕИВ Александра Третьего. Подумать только Второму рейху еще только десять лет, а разведка уже работает качественно. Все в имении были просто шокированы этим поздравлением. Я же потребовал поместить его в простую рамку без всяких украшательств, такие действия достойны уважения. Если Янковский не забудет свое обещание, то у меня скоро будет целых два знаковых документа в рамочках. При чем один уже есть, скоро рамочку сделают. Мы хоть в имении и сидим как в осаде, но все таки в общих чертах знаем что в столице творится. И как не удивительно, но как раз Германия пока что, воду вокруг нас не мутит. Вон тихо и спокойно поздравление прислали. И то не мне, а матушке, за воспитание столь одаренного ребенка. Не то что Ватикан, и Англия с Францией. Я так понимаю, что Императорская семья Российской Империи меня окончательно приняла, и решила разыграть свою партию. Если это так, то на политическом Олимпе заваривается крутая каша. Пора бежать! В осаде в таком случае не отсидишься. Прощай так и не

собранный двигатель внутреннего сгорания и мотодельтаплан. В августе, сентябре придется срываться со своего места. Лишь бы с фотокамерами и студенческим городком успеть дело наладить. Федора я по любому на ноги поставлю успею. Да вообще-то я его уже на следующий день заставил подниматься и хоть как то двигаться. И что с того что железки в ноге и руке торчат? Ходить можно? Ходи. Да и камеры уже давно готовы, осталось только дожидаться когда нужные люди это все соберут. И заявить о новом изобретении всему миру. Ну что же, хотел стать благодетелем мира, а стану авантюристом. А там и до лавров Бонапарта недалеко.

Ну и наконец то дело сдвинулось с мертвой точки. По прямому приказу Александра Третьего в Калугу прибыл архитектор, для составления планов по организации Академического городка при храме Михаила Архангела. Тут я решил полностью самоустраниться, там Дядька с Мамкой, и святые отцы пусть рулят. Единственное, что потребовал без Стебут Ивана Александровича закладку зданий не планировать. На что отец Александр мне и ответил.

— Петр Алексеевич, принято Высочайшее решение о создании комиссии по организации Академического городка под руководством Его Светлости Сергея Александровича Романова. Уже должны опубликовать указ Его Императорского Величества Александра Третьего о создании комиссии и лиц в нее в ходящих, а также ректоров будущих корпусов Академии. А Стебут Иван Александрович как раз и входит в состав комиссии, и назначен ректором сельскохозяйственного корпуса.

— Тем более, без него закладку зданий планировать нельзя. — убежденно заговорил с окружающими — Пусть с разных ракурсов и направлений под руководством архитектора наши фотографии местность сфотографируют. А дальше сделают обмеры и описания земель выделенных под городок и со всем этим добром съезжат в Москву за советом к Стебут Ивану Алексеевичу. Если что-то будет непонятно, или потребует уточнения, то он и сам приехать сможет. Москва то вон она, рядом.

— Это как сфотографируют? — заинтересовался дядька — Зачем местность фотографировать? И что это даст?

— Эх, дядька! У нас такой инструмент в руках простаивает. Без дела можно сказать лежит. — начал я отвечать — А мы даже подумать не хотим как с наибольшей выгодой его использовать. Да любая фотография, если правильно сделана будет нагляднее описания, схемы или карты. Этим пользоваться надо, а не только фотки лиц в помещении делать. Вон у нас Василий Тулепов в имении бродит. Пусть делом займется, ему пока что времени на все хватит.

А дальше все опять пошло своим чередом. Как то мимоходом узнали что песни и сказ о стрельце получили распространение в Санкт-Петербурге, и даже были напечатаны. Ну песни это ладно, они безобидны, хоть и не привычны для этого времени. Но как сказ через цензуру прорвался? И как же моя рецензия в рамочке? Я даже отца Александра возмущенно теревить начал. Вот он и ответил, что будет и рецензия со всеми соответствующими подписями. И рамочка, и прочие последствия. Ее один из Светлейших князей мне лично вручит с сопутствующими пожеланиями. И вообще он многого не знает, и со дня на день ожидает приезда отца Иоанникия. Вот у него и нужно будет все новости узнавать.

И раз у меня появилось свободное время начал обдумывать идеи резонанса и получение металлов с помощью кристаллизации. То есть не пережигать все подряд, а выращивать нужные материалы. Сейчас еще только девятнадцатый век заканчивается. Разных металлов и

сплавов нужно хоть и много, но не так как в двадцатом веке. С помощью полей я, конечно, получу все что мне нужно, они по сути и есть резонанс, плюс дальнейшая кристаллизация. Но как фабрика я работать не смогу, а значит мое умение бесполезно. И к стати те же самые металлы полученные с помощью полей, по многим характеристикам превосходят полученные с помощью выплавки. Единственная беда, им сразу форму при выращивании задавать надо. Вот и задумал выработать технологию, что бы без использования полей иметь возможность получать кристаллические металлы и сплавы. А для начала нужно было решить вопрос энергетики.

Есть теория о паре позитрон-электрон частице. Эту частицу называют еще позитроний. А это уже живая энергия, только протяни руку и возьми ее. Но вот беда у природы установлена защита от дурака. Иначе наша планета давно бы уже схлопнулась, сама масса планеты защищает ее от катастрофы. В теории в космосе, с помощью высоких скоростей возможно использовать энергию этой частицы напрямую, правда недолго. Примерно до тех пор, пока в результате постоянно увеличивающейся скорости и переизбытка энергии тебя не размажет по всему пройденному участку пути. Ну просто идеальная защита, если нашелся дурак взломавший систему защиты, то включается система избавления от дурака. Я, к сожалению, этими темами не владею, у меня все настроено на личное и прямое использование материалов и энергий. А здесь нужно наоборот все делать с помощью машин. Да и до космоса еще далеко, как на земле это использовать? Видимо начальная масса более плотная должна быть. Чистый позитроний в достаточных объемах не получить. Вот эти машины и приборы и нужно создавать. А как? Думаю резонанс тут как раз и поможет. С помощью него возможно настроиться на определенное вещество и разрушить устойчивость пары элемента. Но ведь энергия это не только электричество. Это еще и другие виды излучений, в данном случае паразитных. И в этом случае есть большая вероятность что все пойдет не так. Нестрашно в общем то. Даже если все пойдет не так, то система просто схлопнется, не вызвав цепной реакции. Но мне нужна чистая энергия. Тогда думаю возможно попробовать с помощью резонанса снимать напряжение частиц. Тогда вещество не будет распадаться, а худеть в определенных пределах. Подозреваю что будет происходить трансмутация материи, так и до холодного синтеза доберусь, и кто знает позитроний получить смогу. А это компактные электроустановки, не будет тогда этих монстров перекрывающих реки. Жаль что не интересовался я этими темами. А из чего возможно сделать резонаторы? Тут у меня только кристаллы приходят на ум. Вот и попробую вырастить алмаз, александрит и рубин. Заодно попробую вырастить более твердый алмаз, но представляющий ювелирную ценность. Ох, и пришлось мне по изгаляться с созданием шарообразной пресс-формы, с ромбовидной выемкой внутри. Это для выращивания алмаза. А для Александрита пришлось искать молибден и самому его очищать. Но главное я справился. И нужные заготовки получил. Далее только наработка технологии. Ну Де Бирс держись, ты уже получил известность, но еще не встал на ноги. А я уже тебе на пятки наступаю. Само выращивание так и так будет с помощью полей и резонанса. Тут мне нужно было доказать саму возможность их выращивания. Потому и замахнулся на очень крупные и обязательно представляющие ювелирную ценность экземпляры. Вот ведь, промышленное развитие без женщин и шагу ступить не может. Да и еще в трех экземплярах каждый. Все записи по этим экспериментам естественно шифровал. Вот святые отцы и забегали.

— Петр Алексеевич, — начал отец Константин — а чем вы сейчас занимаетесь?

— Понимаете, святой отец — ответил ему с ехидной улыбкой — скучно мне. Вот и

решил провести эксперимент. Если получится, вот будет занятная шутка.

— Если это шутка, — продолжил отец Александр, а все в имении уже подобрались по ближе. Что бы не пропустить наш разговор, видно почувствовали, что опять авантюра намечается. — то почему мы ваши записи переписать не можем?

— Почему не можете! — неподдельно удивился я — Тетради вон лежат, переписывайте. Я их не от кого, не прячу.

— Но они зашифрованы! — Возмутился отец Александр.

— А это от того что там переписывать еще нечего. — ответил смеясь ему — Вот будет результат, тогда и говорить можно будет о записях. Да и даже если и получится у меня, это еще ничего не значит. Я тут с помощью своих сил пытаюсь работать. А мне надо это все на промышленную основу переложить, тогда и будет действительно результат. Понимаете с помощью чуда только чудо получить можно. Да красивая блестяшка будет, но и только. Одно слово украшение и безделушка. И никто этого повторить не сможет. Это то как раз и не интересно, скучно. А вот если наработаю технологию, вот тогда и будет интересное дело. А если еще и с минимумом вреда окружающей среде, то тогда точно рукотворное чудо будет.

— Петр, ты опять уводишь разговор в сторону. — вздохнув заговорила матушка — Что ты хочешь сделать и почему зашифровал записи?

— Ну не могу я пока ничего сказать, просто нечего! — возмутился я — Результат нужен. Я ведь с помощью своих сил работаю. Сами знаете что они разрушительные, так еще и много этих сил вкладывать приходится. Так что когда я у печей нахожусь лучше близко не подходить туда. Не хорошо получиться может. Вот будет результат тогда и поговорим. А то шутка пустьшкой может оказаться. Это что же все посмеются, а я нет? Нет уж все вместе будем смеяться. Или не будем. Да и недолго осталось дожидаться результата. Всего-то две недели, ну максимум два месяца.

Все когда осознали какие я силы сейчас использую как то спали с лица и отодвинулись в сторону. На этом собственно разговоры и закончились. Ну не считать ведь разные заходы растянутые по времени в попытках выяснить что я все таки пытаюсь сделать. И к стати я всегда говорил что двигатель прогресса не война, а лень человеческая. Вот он наглядный пример передо мной маячит. Святые отцы не захотели переписывать непонятные тексты. И приспособили Василия для фотографирования зашифрованной тетради. Так глядишь и остальные тетради фотографировать начнут. Писарчуки скоро совсем без работы останутся. Вот ведь нахлебники, только и знают что на меня доносы в несколько экземпляров строчить. Глядя на все это, окончательно решил сделать самый маленький на данный момент фотоаппарат. Где-то пять, семь на три, и на полтора, два сантиметра размерами. Тут конечно самому все изготавливать и подгонять придется, даже фотопленку, но оно того стоит. Кстати фотопленку для фотоаппаратов и кинокамер обязательно в кассетах надо делать. Надо Болдыреву напомнить. Ну и работая с кристаллами, попутно отработывал резонанс. Как для собственного применения, так и для наработки материала для будущего промышленного производства. В капсулах ведь не только затравки лежали, но и флюс в котором они и росли. И в этом флюсе было много посторонних примесей. Вот с помощью резонанса я и пытался отделить примеси от затравки, а так же выращивать отдельные элементы металлов и сплавов. И собственно у меня получалось. Думаю когда капсулы вскрыю, там много интересных образцов будет, пусть и в мизерном количестве. Но для проверки и этого хватит. Еще и эксперименты с резонансом в области звука проводил. Вспоминаю как меня святые отцы упрекали за то что я на всех очень полезное

благословение наложил. Я тогда грозовую бурю вызвал, и она моим голосом говорила. Да и концерт устроенный недавно очень наглядным получился. Правда переборщил немного с образами. Вот этот момент я и отрабатывал, только не столь масштабно и маскируя звуковым барьером вокруг печей. Звук он ведь не только вызывать страх и ужас может. Так же с его помощью можно вызвать и вполне определенные состояния как сон и паралич, точнее ступор. Да, не столь эффективно как удар дубиной по голове, или разряд в мягкое место. Но зато эффектно. А для того что бы веселее было, я вспоминал какую либо песню, и под аранжировку бури исполнял ее. Точнее не я сам, а исполнение голоса и музыки было с помощью бури. И ведь красиво получалось! Даже меня завораживало, и мурашки величиной с кулак по коже бегали. Надо будет еще и Спейс из восьмидесятых попробовать. Что-нибудь космическое в их исполнении.

И наконец то я разобрался с энергией веры. Сама по себе она для меня бесполезна, хоть и чрезвычайно мощная. Но у нее есть один несомненный плюс. Она сразу не рассеивается. И незначительное ее присутствие в других областях энергий, обеспечивает их продолжительное и самостоятельное существование. То есть мне уже не нужно было по ночам следить за работой печей. Задал нужные условия, и они будут поддерживаться продолжительное время. Эх еще бы свободного и не зловредного духа найти для управления всем этим хозяйством. Тогда можно было бы говорить об автоматизации процесса. Но чего нет, того нет. Все самому, и своими ручками делать пришлось.

Гатчинский дворец. Кабинет ЕИВ Александра Третьего.

— Вот скажите мне, — начал Александр Третий — почему каждый день собираясь здесь, мы видим ажиотаж творящийся вокруг Петра? Ни дня не проходит спокойно. Почему сейчас так возбуждены представители разных конфессий и послы? Да и смотрю финансовые круги возбудились, хотя причины вроде для этого нет. Пока нет, я думаю. Мир науки вообще трясти как я понял начало, скоро петициями меня закидают! И Мария, что там с Ольгой Николаевной и казачком?

— Любят они друг друга. — ответила Мария Федоровна — Петр судя по всему опеку над ними взял, правда условия жесткие поставил. Что бы казачек и Ольга сами добились права на совместную жизнь. Силу свою им продемонстрировал, если в тайне от всех и второпях вздумают жизнь свою строить.

— Вот здесь все правильно. — удовлетворенно согласился Император — передай родственникам Ольги Николаевны, прошениями по данному вопросу нас не донимать. А за казачком я лично наблюдать буду. И если докажет свою доблесть, то Сам, Лично сватом буду у них. Да и надо действительно, перепись всех благословенных устроить, и детей от них коли появятся в эту перепись вносить. Отдельно. Думаю действительно указ готовить придется о приравнивании их к дворянскому сословию. Только почему Петр настаивает на том что бы им дворянства не давали? А только тем кто сам его добиваться будет. Это ведь подрыв устоев Империи.

— Нет никого подрыва устоев. — ответила Ольга Константиновна, и похлопала рукой по отчетам лежащим рядом с ней — Не забывайте, Петр намеревается нас так же благословить. — Мария Федоровна удовлетворенно улыбнулась на эти слова, а Ольга Константиновна вздохнула — Мне нужно с Александрой в имение к ним ехать, там дождусь приезда Сергея и Павла.

Ольга, — с улыбкой сказала Мария Федоровна — все таки ты решила Александру с Петром свети.

— Ну с Петром это действительно замечательная партия. — с ответной улыбкой ответила Ольга Константиновна — Но я думаю, тут еще надо перебороть его понятия о родственных связях и браке. Александра ему условно сестрой приходится. Меня другое настораживает. Нас Петр благословить согласен, а Георгия? Мне за него лично просить придется, и вызывать сюда срочно. Александр, думаю твоя просьба тут уже на него не повлияет. Петр и упереться может. По какой-то причине Петр недолюбливает все правящие дома и государства. Даже пиявками их назвал. И мы в стороне находимся только потому что родственники. Для своих половин лично просить должны. — все удивленно смотрели на Ольгу Константиновну — Что не так? Так повнимательнее отчеты посмотрите. Петр очень отрицательно говорит о других правящих домах. Такое впечатление, что знает он что-то. Жаль что доказать нет возможности.

— Почему же, доказательства перед вами. — ответил Менделеев, и погладил стопку тетрадей лежащих перед ним. На верхней тетради было написано химия. — Вот они доказательства.

— Объяснитесь Дмитрий Иванович. — потребовал Александр Третий.

— А что тут объяснять Ваше Величество. — начал отвечать Менделеев — Я академик, должен учить студентов. А тут передо мной учебники для первоклашек. По которым я сейчас сам могу учиться. Понимаете, академик должен учиться по учебникам первых классов написанных Петром. Это какие же студенты тогда должны быть, если учебники для первоклашек академиком учат. У Петра действительно опыта нет. В этих учебниках опыт десятилетий заложен, если не столетий. А он просто что-то не написал, или изменил под реалии нашего времени. И думал этого хватит. Мария Федоровна, вы уж, пожалуйста, поделитесь своими учебниками с нами. А еще лучше напрямую с Петром переписку начните. Там не предложения его, там опыт заложен. То что он дает бесценно.

Александр Третий задумчиво откинулся на спинку стула — Нам что же, вот так брать эти тетради и объявлять их учебниками? А не слишком ли?

— Нет Ваше Величество. — твердо ответил Менделеев — Не зря Петр говорил, что это всего лишь черновики. Их специалисты должны смотреть, и свои учебники писать на основе их.

— И вы пишете? — спросила Мария Федоровна.

— Увы Ваше Величество, пока только знакомлюсь. — вздохнув ответил Менделеев — А если честно, то и учусь. Эти учебники, действительно пока нельзя выпускать в свет, но ведь там в имении такие же лежат. И к ним доступ есть у всех кто живет в имении. А они не для реалий нашего времени. Тут не политика и не революция, здесь заложен переворот в осознании мира вокруг нас. Не готовы еще мы к таким учебникам. Ну а по поводу доказательств, что знает Петр, что-то, то и кроме учебников его высказываний хватает. Вот например: «Наука должна быть государственной политикой, а не прерогативой ученых энтузиастов» как я например. У нас во всем мире ученые одиночки так работают, а Петр утверждает что коллективы должны работать. Где и когда он слышал об институтах работающих над какой, либо проблемой? Такого в наше время и придумать невозможно. Нет таких идей пока что, это уровень другого мироустройства, более развитого. Петр говоря об этом, просто не замечает, какие вещи говорит. Вот и учебники его, из того же порядка мироустройства.

— Что-то я не пойму. — заговорил Павел Александрович — Так почему он сам не объявляет об открытиях своих? Все какими то закоулками, к нашим ученым подход ищет.

Предложения хоть и интересные для них, но никакой пользы для него не несущих, предоставляет.

— Не нужны Петру Алексеевичу эти открытия. — вздохнул отец Иоанникий — Те что объявлены, из хулиганства были сделаны. Мальчишка и непоседа он еще. Для него эти знания естественны, вот и не замечает он разницы. А к ученым он уже по другой причине подход ищет. Намеками и беседами пытается на изобретения и открытия нужные ему навести. Ученым слава и почет, ему так необходимые изделия в повседневной жизни. Что бы он пользоваться ими мог не скрываясь, и не оправдываясь. И главное, что заметно, это скрытность его. Все в тени пытается быть. Не понимает еще, что уже не получится у него этого. Слишком значимой и известной фигурой стал. Надо мне к нему срочно ехать Ваше Величество, побеседовать. — обратился митрополит к Императору — Глядишь и прояснится многое может, особенно эта его мания с Сибирью.

— Ольга, — спросила Мария Федоровна — ты с его Высокопреосвященством собираешься выезжать?

— Да. — ответила Ольга Константиновна.

— А как же эскорт и сопровождение? — удивленно спросил Павел Александрович.

— Мы в частном порядке туда прибудем. — с улыбкой ответила Ольга Константиновна — А в имении для нас никаких угроз уже не будет. Мало того что целое имение благословенных, так там еще и чуть ли не благословенная казачья станица уже собралась. Мало найдется сумасшедших нам угрожать, в имении.

— Если только Петр, очередную бурю не учинит. — буркнул Плеве — Или того хуже свою лабораторию не подорвет. — и помахал отчетом в руке — это же надо ходячая молния взрывчатку варит и утверждает что все в полном порядке.

Все рассмеялись. А отец Иоанникий ответил — Думаю что там действительно все в порядке. Петр по словам отца Константина, хоть и беспокойный был, вечно у него какие-нибудь авантюры на уме были. Но ответственно относился к делу которое начинал. Даже если это хулиганство было.

Под общий смех Александр Третий дал разрешение на отъезд Ольги Константиновны с дочерью, в сопровождении отца Иоанникия.

— Елизавета Петровна, — обратился к матушке отец Александр — отец Иоанникий прибыл. Он сейчас в Москве.

— Прекрасно, — обрадовалась матушка — когда его ожидать у нас?

— Понимаете, — замаявшись заговорил святой отец — отец Иоанникий сопровождает Ее Светлость Великую Княгиню Ольгу Константиновну с дочерью.

— Стоп! — вмешался я в беседу — Давайте уточним. Ольга Константиновна жена Георга Первого короля Греции, а дочь Александра Георгиевна принцесса Датская?

— Да. — подтвердил отец Александр.

Я растерянно посмотрел на мать — Я так понимаю в Москву они прибыли проездом, и направятся сюда?

— Да, Петр Алексеевич. — снова подтвердил святой отец.

— Это значит сюда, — я топнул ногой по полу веранды — прибудет половина двора, не считая обслуги и конвоя Его Императорского Величества. И прибудут они сюда сегодня или завтра. А мероприятие пребывания продлится не один час, минимум несколько дней. Какая программа прибывания? И вы подумали где? И главное как мы сможем обеспечить и разместить такое количество людей?

— Ольга Константиновна, — с улыбкой ответил отец Александр — прибыла к нам в частном порядке. Двора Его Императорского Величества не будет.

Я сел на пол, и глядя непонимающим, детским взглядом снизу вверх, спросил — Что, даже не одной фрейлины, ни одной служанки, и даже трех завалящих казаков из конвоя Его Императорского Величества?

— Ну почему же. — ответил святой отец — будут три фрейлины, и служанки по счету фрейлин, плюс две Ольги Константиновны и одна принцессы, ну и три казака конвоя Его Императорского Величества. А прибыли они без программы. Будут дожидаться у нас церемонии открытия Академического городка.

Все так же сидя на полу и смотря на святого отца снизу в верх продолжил — Отец Александр, вы сами то поняли, что сказали? Небожители прибыли к простым смертным. Вот так вот просто? Погостить? Вы хоть знаете что у них уровень жизни совсем другой? Они просто не смогут здесь жить. У них даже скромное имение с маленького дворца начинается, размерами со все наше имение. Наша маленькая хижина их в ступор вгонит.

— Петр Алексеевич, — вздохнув сказал отец Александр — отец Иоанникий даст все разъяснения сегодня или завтра после прибытия. Да и вы назвали Ее Величество теткой, а Ее Высочество сестрой. Так какие же вы простые смертные?

Я так же вздохнув поднялся с пола. Отряхнулся и сказал — Пойду выселяться из своей комнаты. Думаю заселюсь у себя в лаборатории.

— И почему ты собрался переезжать? — спросила матушка.

— Ну при таком наплыве гостей, комнат в доме всем не хватит. — пожал я плечами — Да и засилье женщин в доме. Не думаю, что для меня комфортно будет.

— Думаю тут ты прав. — вздохнув сказала Елизавета Петровна — мест действительно мало.

Ее Величество с принцессой и в сопровождении Его Высокопреосвященства прибыли после обеда. Почему-то, они остановились хоть и недалеко от имения, но все равно в

стороне. Видимо решили пройтись до нас пешком. И нам пришлось направиться к ним на встречу. Как какая-то встреча на Эльбе получилась. При нашем прибытии в точку встречи, нас представили друг другу.

— Ваше Величество, Ваше Высочество, — начал представление Егс Высокопреосвященство — позвольте представить вам Ее сиятельство княгиню Елизавету Петровну Голицыну и ее сына князя Петра Алексеевича Голицына.

— Здравствуйте Ваше Величество, Ваше Высочество — присела в реверансе матушка.

Я же из вредности помахал рукой и сказал — Привет сестренка.

Матушка ахнула и прижала руки к груди, Ольга Константиновна с интересом смотрела на начавшееся представление, а Александра в растерянности посмотрела на мать. Отец Иоанникий вздохнув сказал, — Простите Ваше Величество, но хоть и направлены были наставники Петру Алексеевичу, но в связи с творящимся в имении в последнее время, видимо они не смогли донести до него правила этикета. Это моя вина.

Я же рассмеялся — Отец Иоанникий ну какой может быть дворцовый этикет среди полей, лесов и коров. Так ведь и со скуки помереть можно. Александра — я остановился и подумал, но все таки договорил. Не стоит совсем уж шокировать новоприбывших. — Георгиевна принцесса, но и я пусть и необычная, но стихия. Одушевленная Буря можно сказать. И где вы видели Бурю обученную манерам? — и опять рассмеялся махнув рукой. Ветерок поднятый моими действиями слегка взлохматил волосы Александры и колыхнул подол юбки, не затронув при этом никого другого. Принцесса окончательно смутилась и придерживав рукой юбку отступила за спину матери.

Я же снова рассмеялся глядя на такую ее реакцию. — Александра Георгиевна, бросьте, нам по двенадцать лет. Вокруг нет этих напыщенных дворцовых лизоблюдов. Осмотритесь вокруг. Посмотрите какая красота и умиротворение вокруг, а вы заперлись в своем этикете как в крепости. Ни вздохнуть свободно, ни радости жизни получить. Отдыхайте и радуйтесь. Когда еще будет у вас такая возможность? — потом насупился демонстративно, что выглядело довольно комично, и сказал — Ну если не хочешь со мной здороваться Сестренка! — выделил интонацией наше родство — Ну и ладно. — и посмотрев на отца Александра, каверзно улыбнулся, и сказал — Вот уйду в монастырь. Женский! Будете тогда меня обратно звать, а я не вернусь. Там буду о прекрасном размышлять, лет так через шесть, или девять.

Отец Александр, схватился за голову — Петр Алексеевич, да что же вы с нами делаете то? Нас же теперь даже обратно в монастырь не примут!

— Э нет, святой отец. — с ехидной улыбкой ответил ему — Вы правильный слишком, не возьму вас с собой.

Матушка просто не знала что сказать и стояла бледная и растерянная. Отец Иоанникий видно поняв что-то, махнул рукой и отвернулся. Ее Величество рассмеялась, и разряжая обстановку сказала — Петр, прекрати людей пугать. Лучше в имение пригласи, и дай Александре привыкнуть к новым условиям. Она просто растерялась. Ну и по поводу монастыря. Женского! Ты ведь сам сказал что через девять лет, а сейчас давай по нашим правилам, в вашем имении проживем.

— Прошу — проговорил склонив голову и повел рукой в сторону поместья. И опять не сдержался. В след за движением руки появились маленькие пылевые смерчки, которые побежали в имение впереди нас. У меня почему-то сегодня, какое-то игривое настроение проявилось и подъем духа. Думаю это из-за того ажиотажа устроенного матушкой и мамкой

в имени, связанным с прибытием королевских особ. Да и местные постояльцы имения добавили слишком много бодрости мне. Я физически чувствовал нарастание верноподданнических настроений в имении сравнимых с энергией веры.

Все с интересом стали наблюдать за смерчками, и я не был исключением. Смерчки бежали вперед и огибали по кругу все препятствия. Люди в имении попадающиеся на их пути так же вставали и с интересом наблюдали за ними, удивляясь их уважительным действиям.

— Ух ты! — не сдержала эмоций принцесса.

— Толи еще будет. — со смехом ответил ей. И повторил — Прошу.

— Пойдемте. — сказала Ее Величество своему сопровождению и направилась в имение прихватив меня под руку.

— Петр, — идя по дороге в имение спросила Ольга Константиновна — почему такие жесткие условия шесть или девять лет?

— Ваше Величество, — пришлось ей отвечать — тут сложно все. Это тема отдельного и долгого разговора. Но вот так сразу могу сказать, что я лично не сторонник ранних браков. Предпочитаю традиционно считать возрастной ценз в восемнадцать, а лучше всего в двадцать один год. Да и с обручением в раннем возрасте как то неправильно все. Не нравится мне это.

— Давай ты меня будешь называть Ольгой Константиновной, — покачав головой сказала королева — а лучше тетужкой. Хотя с тобой и это может вызвать проблемы в будущем, судя по твоему ответу. Я правда действительно являюсь твоей теткой, но родство у нас очень дальнее, и звание это слишком условное. Меня ведь предупреждали что ты упорный традиционалист, — и покачав головой с улыбкой продолжила — хоть и показываешь себя как непостоянная стихия. Боюсь что назвав Александру сестрой, ты сам в этом твердо уверен, но увы это далеко не так. Вы условно находитесь в родстве, слишком дальнее у вас родство.

Это что сейчас было сказано? Меня что, сватают? Але люди, мне вообще-то двенадцать. Ой как бы они, с матужкой в сговор не вступили. Мамка Николаевна ведь тоже во всем на стороне матужки будет, а тут еще и королева в сообщниках. Обложат ведь со всех сторон. Как медведя обложат! И в вольер загонят. Буду на задних лапах плясать, на балалайке играть и пьяные песни распевать.

Нет, буду упорно сопротивляться. Вот из принципа буду Александру сестрой величать, даже на официальных приемах. Она просто изумительно, в растерянность впадает. Милашка просто. Вот взял бы и прижал к себе никому не отдавая. Так бы и затискал. А какая красавица в будущем вырастет? Я ведь ее фотографии видел. Эх, жаль все таки что она сестрой мне приходится, да еще и принцесса. Не пара она мне. В общем непонятны мне заходы новоявленной тетужки. Что-то видимо в доме Романовых затевается, как бы в переплет не попасть. Вот так за недолгими разговорами мы и дошли до входа в дом и остановились. Гости стали с интересом оглядываться вокруг.

Я посмотрев на служанок Ее Величества сказал — Знакомьтесь, устраивайтесь и обживайтесь. — И снова повел рукой вокруг, запуская смерчки. Смерчки по кругу побежали от нас по двору. Осмелевшая Александра протянула руку к смерчику, который пробежал мимо нее. Смерчик как испуганный щенок отскочил от протянутой руки, и рванул к ближайшему строению. Заполошно скрывшись за его углом.

— Ой. — воскликнула принцесса, изумленно глядя на пыльный след скрывшегося за

углом смерчика. Я радостно рассмеялся. Мамка проходящая рядом со мной дала мне несильный подзатыльник — Прекрати — сказала и подошла к служанкам, что бы проводить их в дом.

— За что? — воскликнул и потер затылок.

Эти действия стали спусковым крючком, напряжение отпустило всех. И мы рассмеялись. Служанки уже спокойно пошли в дом, а мы направились на веранду дожидаться, когда служанки организуют расселение гостей.

— Ваше Величество, — обратилась матушка к Ольге Константиновне — и все таки, какая будет программа вашего прибывания в имении? У вас может быть есть какие-нибудь пожелания?

— Елизавета Петровна, — сказала Великая Княгиня — давайте пока мы будем в имении вы будете обращаться к нам Ольга Константиновна и Александра. Петр, а ты персонально можешь обращаться тетя, и сестра к Александре. Хотя с тобой и Елизаветой Петровной мы поговорим об этом чуть позже вместе с отцом Иоанникием. Все таки правильно Петр сказал, ни к чему нам в имении дворцовый этикет. — прервавшись и дождавшись согласного кивка матушки, продолжила — Ну а программа у нас простая. Уж больно восторженные отзывы о песнях Петра в его исполнении в столице идут. Вот и хотим поприсутствовать на таком концерте, в ожидании официального открытия Академического городка. Да и побеседовать нам надо в непринужденной обстановке, но это не к спеху.

— А я очень хочу увидеть крылья. — сказала с улыбкой Александра склонив голову к плечу и посмотрев на Петра — Братик.

Что-то происходит со мной. Нет не плохое, но непривычное для меня. Постоянно хочется смеяться и впадать в меланхолию, а иногда даже одновременно отдаваться этим двум состояниям. Еще и эта энергия бурлящая, искристая и пьянящая, полностью смывающая контроль над собой. Я бесшабашно рассмеялся и махнул рукой запуская по двору новую партию смерчиков. — А что, сегодня все равно день кувырком. — доктор, матушка и отец Иоанникий стали смотреть на меня с тревогой — Так почему бы и не устроить ранний концерт? — и стал оглядывать двор. Вот и увидел нашего конюха идущего прихрамывая к воротам.

— Егор Кузьмич! — позвал конюха. И дождавшись когда он подойдет к нам спросил — И долго ты будешь всех в заблуждение вводить?

— Петр Алексеевич, не понимаю вас. — ответил он разведя руками.

Я опять рассмеялся — Я когда уже благословение на имение наложил? А ты до сих пор делаешь вид, что у тебя нога болит. От кого скрываешься?

Конюх почесал затылок и с усмешкой ответил — Да стар я уже, а девки в имении больно буйными стали. Затюкают ведь старика. Особенно когда узнают что нога и не болит.

А ведь конюх серьезно бесстрашный. Тут королева с принцессой и митрополитом сидят, а у него никакого подобострастия нет. Хотя оно и понятно, он на Балканах воевал, там и ногу повредил. Вот смеясь и сказал ему — Так какой же ты старик? Тебе теперь долгий срок жизни обеспечен. Жениться тебе надо.

— Не на ком мне жениться, Петр Алексеевич. — посмурнев ответил конюх — Я когда с Балканской войны пришел, суженная моя уже за другого замуж вышла. И детей нарожала.

— Значит на Балканах воевал. — задумчиво проговорил — А скажи Егор Кузьмич, приходилось ли тебе в штыковую атаку ходить, против своих, так называемых братьев славян?

— Сплошь и рядом такое было, Петр Алексеевич. — хмуро ответил он.

— А давай ты нам споешь обо всем этом! — предложил ему.

— Петр Алексеевич, — ответил конюх — певец из меня никакой. А уж после концертов вечерних вами устраиваемых, петь, только позор на свою голову принять. Да и день сейчас, вы же образами выступление заполняете. Бледными они на солнце будут.

А конюх то грамотный и сообразительный оказался. Быстро понял основные отличия миражей.

— Думаю это дело поправимое. — с улыбкой сказав, вышел во двор. Потянулся и резко опустил руки. Сильный порыв ветра поднял пыль высоко в воздух, закрывая пеленой небо над имением. На мгновение стало пасмурно, сумеречно и как то тревожно. Но пелена долго не продержалась и быстро развеялась, оставив в воздухе искрящиеся на солнце пылинки. Становилось как то радостно глядя на эти пылинки, казалось что сам воздух танцует и искрится на солнце.

— Дядька Егор, условия ведь помнишь? — спросил его.

Егор Кузьмич как то бесшабашно махнул рукой — Помню, Петр Алексеевич. В центр двора идти?

Народ понявший что сейчас начнется очередное действие стал подтягиваться поближе. Чтобы послушать и посмотреть на представление. Что-то не так со мной происходит. Какая-то бесшабашность проявляться стала. И чувствительность резко подскочила. За имением, на достаточно большом расстоянии стал чувствовать интерес к нашему имению, недобрый интерес. Он имел липкий вкус и запах, приправленный страхом и завистью. В имении все тоже побаивались, но не так. Они, как бы, за других переживали, не за себя. А там на возвышенности кто-то смотрел за имением с завистью и страхом за себя. И еще с каким то энтомологическим интересом. Как тараканов каких то изучали.

Кивнув ему головой, уточнил — Ты Егор Кузьмич, вспомни как возвращался с войны к своей суженной. А еще постарайся понять что это маленький эпизод, и жизнь у тебя теперь будет долгая, и болячек у тебя поубавится. И пройдешь ты еще не мало дорог. Не нужна тебе хромота. И не сопротивляйся образам которые у тебя появляются, это и есть музыка.

Егор Кузьмич кивнул и направился в центр двора. Я же по привычке или традиции, тут сложно сказать поднял легкий ветерок, который собрал у меня за спиной туманный плащ. Попутно создавая музыку вокруг нас. Когда дядька Егор вышел к центру двора, музыка окончательно сформировалась, и он запел:

«Ходил по свету, колесил я много лет
Но счастья так и не нашёл
Детишек нет, жены, вот тоже, в общем, нет
И на душе нехорошо
Видал я много разных стран и городов
Ногами шар земной крутил что было сил
Да только в сердце свою первую любовь
Всегда носил, всегда носил

Растёт, растёт возле дома калина
Растёт, цветёт на мою на беду
Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду

Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду

А помнишь, Галя, как я в армию пошёл
И от тебя всё ждал письма
А друг соврал, что я другую там нашёл
И ты поверила в слова
Я столько лет тебя пытался позабыть
Бежал по свету как чумной, не чуя ног
Но разлюбить тебя, родная, разлюбить
Так и не смог, так и не смог

Растёт, растёт возле дома калина
Растёт, цветёт на мою на беду
Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду
Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду

На голове полным-полно волос седых
Да кружит злое вороньё
Встречал я женщин умных, сильных, молодых
Да нет похожих на неё
Промчались годы молодые, ну и пусть
И наше счастье ещё будет впереди
А я вернусь, я обязательно вернусь
Ты только жди, ты только жди

Растёт, растёт возле дома калина
Растёт, цветёт на мою на беду
Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду
Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду
Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду
Живёт, живёт в этом доме Галина
Да я никак всё туда не дойду»

Дядька Егор смог исполнить эту песню с каким то задором, без мрачности. Но вот грусть и сожаление, или задумчивость в песне присутствовали. Да и я не добавлял разных эффектов, вполне хватило искрящегося воздуха для задорного исполнения.

— Вот видишь Егор Кузьмич, — смеясь сказал ему — а ты говорил что не сможешь песню исполнить. Ну вроде мы с тобой спелись, и у нас все получается. Теперь давай серьезную песню исполним, с антуражем соответствующим. Ты главное вспомни как в штыковую атаку ходил. И не забывай как братья славяне, которых вы освободить пришли,

вам в спину ударили. И про союзничков, которые на каждом шагу вас предавали, тоже не забывай. — уже как то зло проговорил ему. Ольга Константиновна осуждающе покачала головой на столь открытые заявления о союзниках предателях и коротко глянула на Елизавету Петровну. Елизавета Петровна словно что-то, почувствовав, поднялась тревожно глядя на Петра и пытаясь прикрыть королеву с принцессой. А я взмахнув рукой, поднял пыль закрывшую небо над именем. Плащ раскрылся в сложенные за спиной крылья. В центре двора появилась коленопреклоненная, крылатая фигура. Светящаяся изнутри, и освещающая все вокруг бледным и тревожащем светом. Отец Иоанникий встал со своего места встревоженно наблюдая за происходящим. Петр стал заметно светиться, и его это встревожило. Да и голос его стал каким то гулким и объемным. Фигура в центре создавала впечатление, что сделана из мрамора, и не живая. Вот только свечение исходящее изнутри тревожит и пугает. За спиной Егора Кузьмича за клубилось какое-то туманное облако, постоянно меняющее свой образ, то какого то, цветущего куста, то старой церкви с золотой маковкой. Солнечный свет которой рассеивал на мгновение тревогу и страх, но слишком мимолетны были эти видения переходящие друг в друга. Ударил гром, больше напоминающий тревожный набат, и отдалился куда-то в даль. Так и продолжая звучать в дали, тревожа и к чему то призывая. Егор Кузьмич запел под тяжелую и тревожную музыку:

«Стоит над полем волчий вой,

Капрал(Сержант)кричит: «Примкнуть штыки!»

Нас смерть зовёт в последний бой,

И страх рвёт сердце на куски.

Рывок вперёд, всё наугад,

Штык в мясо, слёзы на ветру.

Мой враг в ответ мне — штык назад.

Я ранен, но ещё живу.»

Крылатая фигура в центре подняла голову и посмотрела на всех каким то осуждающим взглядом. Потусторонний свет ее глаз пробирал до самых основ души. И вдруг она рывком поднялась в воздух, расправив крылья над всеми. Как будто пытаясь закрыть от беды идущей из далека, всех присутствовавших в имени своими крыльями. Она висела в воздухе и плавно двигала крыльями.

«В объятых смерти день застыл,

И наши тени встали в тень.

Над нами плачет Серафим,

А дома зацвела сирень.

Над нами плачет Серафим,

А дома зацвела сирень.»

Туманное облако за спиной конюха медленно приняло вид цветущей сирени. Егор Кузьмич встал на одно колено, и глядя на присутствующих ничего не выражающим взглядом стал пересыпать пыль в ладонях, как будто это прах. И продолжил петь:

«Смерть дописала свой дневник,

Кровавый вечер умирал.

Он в душу мне насквозь проник,

Он рядом кровью истекал.»

Егор Кузьмич оглянулся на сирень за спиной. Раздался раскат грома, как будто ударил колокол. И оказалось что это и не сирень вовсе, а старая, заброшенная церковь. Со

свалившейся, всей в дырах и потеках грязи маковкой. Проемы церкви смотрели на мир страшными провалами разбитых окон и дверей. И вокруг рокотал гром как тревожный набат.

— Петр Алексеевич остановитесь! — воскликнул отец Иоанникий, пытаясь выбраться из-за стола, и броситься во двор к пошедшему в разнос Петру. Все увидели творящиеся с Петром изменения. Создавалось впечатление, что Петр постоянно изменялся, не останавливаясь ни на одном из телесных состояний, и постоянно теряя свою телесность. Стало видно как он стал светиться еще сильнее, и периодами, на короткое время становился прозрачным. А крылья у него за спиной теряли дымчатый вид, и становились такими же прозрачными, представляя собой единое целое с телом Петра.

— Петр! — испуганно закричала Елизавета Петровна, одновременно стараясь закрыть Ольгу Константиновну и Александру Георгиевну, от взгляда светящихся и ничего не выражающих глаз сына. В этих глазах было буйство стихии, но не человеческие эмоции. Петр на мгновение опять принял прежний вид, и только яркое свечение выдавало неестественность происходящего.

— Магушка. — пророкотало вокруг. Но песня повела дальше, только пели уже Егор Кузьмич и Петр:

«Я рано утром, до зари,
С моим врагом в раю гулял.
Клялись мы в дружбе на крови,
А дома колокол упал.»

Раздался особо сильный удар грома похожий на удар колокола упавшего на землю. В это время все в имени почувствовали дрожь земли, как будто действительно упало что-то тяжелое и большое.

— Какой сладкий вкус у страха — пророкотал Петр снова обретя телесность.

— Детей пожалей ирод! — Петр, да что же с тобой твориться? — прозвучал одновременно крик бабки Марфы и мамки Николаевны. Они вместе вышли вперед и закрыли собой присутствующих.

— Мамка, бабка Марфа у вас неправильный страх. Нет, не умеете вы бояться. Не то что там. — Петр указал рукой на возвышенность стоящую в отдалении — там правильный, вкусный страх. Липкий, на зависти и презрении замешанный.

Дядька Николай переглянулся с вахмистром Елисеевым. Елисеев только бровью успел повести как пять казаков запрыгнув на коней, умчались из имения. А Петр поглядел на стоящих в отдалении казачка и Ольгу Николаевну. Казачек выступил вперед закрывая Ольгу Николаевну. Ольга Николаевна прижалась к нему со спины и обняв, не отпускала его от себя. И не давая возможности, принять участие в защите жильцов имения.

— Николка, неправильно ты боишься. — и сделал шаг к ним. Бабка Марфа и мамка опять встали на пути у Петра. — Ты ведь не за себя боишься, а за нее. А избранница твоя за кого боится? Ну как можно бояться за тебя, ты же воин. Нет, это не страх в вас говорит. Это любовь.

И опять Петр стал полупрозрачным, снова пытается развернуть крылья во всю ширь. И опять его повела песня:

«В объятых смерти день застыл,
И наши тени встали в тень.
Над нами плачет Серафим,
А дома зацвела сирень.»

Над нами плачет Серафим,
А дома зацвела сирень.»

Петр снова потерял свою прозрачность и стал смотреть на возвышенность. — Неправильный страх взял вкусный страх. Они его увозят от меня! Зачем?

Петр увидел матушку прикрывающую Ольгу Константиновну и Александру Георгиевну. — Матушка? Сестренка? Зачем вы боитесь? Вы мои! Вас никто не сможет обидеть! Уничтожу!

Петр каким то текучим и мягким движением обошел мамку с бабушкой Марфой. И приблизился к Александре Георгиевне, присев перед ней пророкотал — Сестренка, не надо бояться. Ты все равно не правильно боишься. Поверь, тебя здесь никто не обидит. — И поднявшись огляделся вокруг — Кого вы боитесь? Не волнуйтесь я найду его. — и резко стал прозрачным.

Откуда-то со стороны к нему подбежала внучка бабушки Марфы и взяла за руку. — Варенька! — раздался крик бабушки Марфы

— Петр Алексеевич, — позвала она Петра — не надо нас пугать. Пожалуйста.

Петр обрел цвета тела — Малышка? Разве я вас пугаю? Вспомни мы же с тобой песню пели для бабушки? Ты хочешь что бы я ушел?

Со слезами на глазах внучка вцепилась в Петра — Вы прозрачный весь! — заревела она — И другим стали. И Федору помощь ваша нужна. Давайте лучше я буду с вами песни петь? Они добрые и красивые. Только не надо этих страшных песен.

— Песня. — Петр поднял малышку на руки и в несколько шагов оказался у бабушки Марфы. Передав ее в руки бабушки, перешел к Егору Кузьмичу в центр двора:

«В объятьях смерти день застыл,

И наши тени встали в тень.

Над нами плачет Серафим,

А дома зацвела сирень.

Над нами плачет Серафим,

А дома зацвела сирень.»

Песня закончилась сразу, без переходов. Егор Кузьмич упал без сознания. А Петр стал смотреть на свои полупрозрачные руки — Слишком много веры. — произнес он и посмотрел на отца Иоанникия — Очень много веры. Почему все так?

Окружающие заметили что Петр когда следит за собой, становится нормальным и даже может вести диалог с окружающими. Но стоит только отвлечься, и он сразу становится полупрозрачным и чужим. Матушка кинулась к нему и прижала его к своей груди — Петенька, ты только держи себя в руках. Я с тобой. Все будет хорошо.

Петр снова стал полупрозрачным — Опять неправильный страх. Это не страх. Это любовь. К кому? Ко мне? Матушка, ты хочешь что бы я стал таким каким и был? — и рассмеялся — Не возможно прошлое вернуть назад. Мы всегда меняемся. Но посмотрим, это интересно.

Петр начал смотреть на свои руки. Неожиданно он стал светиться очень ярко и полностью потерял свою полупрозрачность. Постояв немного и с какой-то детской обидой посмотрев на мать спросил — Что это? — И упал там где стоял, больше не двигаясь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net